Изданіе второе.

Георгій Бегакъ.

За кулисами Великой Войны.

РОМАНЪ.

МОСКВА.

1916.

Изданіе второе.

Георгій Бегакъ.

За кулисами Великой Войны.

РОМАНЪ.

МОСКВА.

1916.

Тип. В. Карякинъ, 1-й Знаменскій пер., д. 21.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	*Снизу строк.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
15	11	теперь; достигнувъ	теперь. достигнувъ
28	18	конечно не знаетъ	конечно не можетъ знать
39	21	Die gloriam	Dei gloriam
46	20	особой поспѣшностью	большой поспѣшностью
84	4 сверху	(баронесса Фалькст.)	баронесса Фалькстонъ
92	17	Основательнои подготовл.	Основательно подготовлено
100	24	фонъ-Фракъ	фонъ-Франкъ
114	21	съ себя шпрокое манто	съ себя манто
118	2	И, покрыла	И, покрывъ
134	7	Истино.	Истино: Austria erit ad Orbem Ultima.
154	1	Belle-vie	Belle-Vue
169	9	Командиръ порта	Командиръ.
172	2—3 сверху	Но миролюбіе	Не миролюбіе
172	9	Мы непосулимъ	Мы посулимъ.

Часть I.

Тайныя Язвы.

ГЛАВА I.

Почти ежедневно, за исключенiемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ и большихъ праздниковъ, ворота одного изъ тѣхъ изящныхъ особняковъ, которые украшаютъ фешенебельный кварталъ чешской Праги, безшумно отворялись, и на улицу выѣзжалъ офицеръ, верхомъ на стройной лошади. Это былъ человѣкъ средняго роста, плотный и статный, съ прямыми рѣзкими чертами лица, придающими оттѣнокъ суровости и обличающими твердую волю. Трудно было сказать сколько ему лѣтъ. Онъ былъ шатенъ, почти брюнетъ, съ густыми усами и гладко выбритымъ подбородкомъ. Смотрѣлъ онъ всегда прямо и гордо, какъ бы свысока, побрякивая шпорой о висящую саблю и подергивая удила, отчего его прекрасный конь грацiозно изгибалъ свою лебединую шею. Возвращался офицеръ въ шесть часовъ, большей частью одинъ, лишь изрѣдка въ сопровожденiи товарищей, которые шумомъ и смѣхомъ нарушали тишину молчаливаго дома.

Однажды въ теплый апрѣльскiй вечеръ офицеръ подъѣхалъ къ своему дому вмѣстѣ съ штатскимъ господиномъ, сопровождавшимъ его въ экипажѣ. Соскочивъ съ коня и вызвавъ звонкомъ слугу, военный произнесъ прiятнымъ густымъ баритономъ:

— Сейчасъ, дорогой графъ, вы вступите въ мои владѣнiя и войдете въ мой домъ, въ которомъ прошу чувствовать себя, какъ въ собственномъ.

— Я очень признателенъ, баронъ,—отвѣтилъ тотъ, къ коему обращались слова офицера.—Вы знаете, что для меня было всегда величайшимъ удовольствiемъ прово-

дить съ вами время. Тѣмъ пріятнѣе мнѣ будетъ остаться два-три дня подъ вашимъ гостепріимнымъ кровомъ.

Слуга отворилъ дверь, и шествіе двинулось дальше. Предоставивъ лошадей конюхамъ, новоприбывшие вошли въ вестибюль особняка. Красота этого помѣщенія, украшеннаго старинными статуями, фонтаномъ, картинами и писанными стеклами, была замѣчательна. Поэтому гость не могъ сдержать своего восхищенія, и нѣкоторое время оба господина созерцали эти прекрасныя хоромы. Затѣмъ они прошли двѣ слѣдующія комнаты—уютныя гостиныя временъ первой имперіи, напоминающія уголки Версаля. На всемъ гость останавливалъ свое вниманіе и выражалъ восхищеніе.

— Однако, милый графъ,—сказалъ хозяинъ дома съ улыбкой.—Вы навѣрное утомились отъ продолжительнаго путешествія. Поэтому послѣдуемъ въ столовую, которая менѣе красива, но гдѣ я могу предложить вамъ подкрѣпить свои силы.

— Вы какъ всегда правы, милый баронъ,—весело произнесъ штатскій.—Я дѣйствительно не прочь подкрѣпиться, такъ какъ не прикасался къ сомнительнаго качества блюдамъ, предлагаемымъ въ салонъвагонахъ.

Они вошли въ столовую, большую свѣтлую комнату, украшенную картинами, рисунками и предметами охотничьей жизни. По серединѣ стоялъ богато сервированный столъ. Здѣсь были и дорогія рейнскія и мозельскія, и старыя французскія и испанскія вина, и англійская водка, прославленная „виски", и русская икра. Швейцарскій сыръ, лососина, различные сорта закусочныхъ рыбъ и другіе деликатесы были наложены на тонкія блюда. Все это было окружено цвѣтами, ароматъ которыхъ смѣшивался съ привлекательнымъ запахомъ яствъ.

Хозяинъ предложилъ сѣсть, и оба господина заняли мѣста другъ противъ друга.

Лакеи, присматриваясь къ каждому ихъ движенію, старались проворно услужить. Взявъ себѣ кусочекъ паюсной икры, гость сказалъ:

— У нашего писателя Зудермана есть хорошая фраза, касающаяся этого кушанья. Одинъ изъ его героевъ, такъ же какъ мы, приступая къ закускѣ, говоритъ: „настоящій нѣмецъ не перевариваетъ русскаго, но его икру ѣстъ охотно“. Я вполнѣ согласенъ съ этимъ господиномъ, такъ какъ очень люблю русскую икру, но весьма недолюбливаю самихъ русскихъ.

— Вы такой ненавистникъ всего русскаго?—спросилъ хозяинъ безразличнымъ тономъ.—Или вы переносите вашу ненависть на весь славянскій міръ?

— Собственно говоря, да, баронъ. Но дѣло въ томъ, что мой пріѣздъ въ Прагу и, въ частности къ вамъ, тѣсно связанъ какъ разъ съ этимъ національнымъ вопросомъ. Мы поговоримъ объ этомъ съ вами послѣ, лучше всего вечеромъ, за доброй сигарой, такъ какъ дѣло требуетъ серьезнаго обсужденія.

— Въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, его неудобно касаться за трапезой,—сказалъ офицеръ.—Давайте, по крайней мѣрѣ, во время ѣды не думать о какихъ бы то ни было симпатіяхъ и антипатіяхъ, о соціальной и національной борьбѣ, съ которыми намъ, австрійцамъ, къ несчастію, приходится слишкомъ часто сталкиваться. Вы лучше раскажите, графъ, что дѣлается въ вѣнскомъ свѣтѣ. Вотъ уже два года, какъ я покинулъ гвардію, а вмѣстѣ съ ней и столицу.

— Я самъ не совсѣмъ въ курсѣ свѣтскихъ дѣлъ,—отвѣтилъ гость.—Вы знаете, что я не любитель шумной и бездѣльной жизни. Однако могу сказать вамъ, что вашъ другъ, лейтенантъ фонъ-Ремеръ, неожиданно покинулъ гвардію и свой блестящій уланскій мундиръ, вышелъ въ отставку и исчезъ съ горизонта такъ быстро и такъ незамѣтно, что никто не обратилъ вниманія. Потомъ, конечно, начались въ свѣтѣ безчисленныя суды и пересуды, приведшія къ тому, что длинные языки стали объяснять исчезновеніе лейтенанта, кто измѣной Австріи, кто просто неоплатными долгами. Многіе, въ томъ числѣ и я, долго не вѣрили ни тому, ни другому, какъ вдругъ было получено извѣстіе, что его товарищъ по полку, нѣкто Рамбецкій, человѣкъ тихій, изъ, сравнительно, небогатой

славянской семьи, даже не подавъ въ отставку, исчезъ подобно фонъ-Ремеру. Это обстоятельство усложнило дѣло, подозрѣнія въ измѣнѣ усилились, но до сихъ поръ никакихъ точныхъ указаній получено не было.

Офицеръ слушалъ этотъ расказъ совершенно спокойно и безстрастно. Только иногда въ глазахъ его, глубокихъ и темныхъ, зажигался на мгновеніе какой-то огонекъ, сдержанная улыбка слегка искривляла губы, но тотчасъ же лицо его опять принимало безучастное выраженіе.

— Я думаю,—сказалъ онъ спокойно,—что исчезновеніе фонъ-Ремера и Рамбецкаго, не имѣютъ ничего общаго, такъ какъ, по-скольку мнѣ извѣстно, офицеры эти были едва знакомы. Я не могу объяснить почему скрылся славянинъ, но что касается лейтенанта, то, зная его широкую натуру, могу предположить, что въ дѣло замѣшаны и женщины и деньги.

— Нѣтъ,—возразилъ его собесѣдникъ.—По наведеннымъ справкамъ, никакихъ кредиторовъ у фонъ-Ремера не оказалось, и всѣ его долги могли быть погашены продажей одной изъ картинъ, висящихъ въ его кабинетѣ.

— Въ такомъ случаѣ остаются женщины,—сказалъ хозяинъ, стараясь показать, что случай этотъ кажется ему смѣшнымъ и не важнымъ.—Лейтенантъ былъ большой поклонникъ прекраснаго пола и, я помню, изъ-за нѣкоторыхъ пассій перепортилъ отношенія со многими вліятельными людьми. А что подѣлываетъ герцогъ Реверъ?—добавилъ офицеръ, желая перемѣнить разговоръ.—Я былъ съ нимъ хорошо знакомъ, но теперь потерялъ его изъ виду. Говорятъ, онъ женился?

Такимъ образомъ они уклонились отъ щекотливой темы о пропавшихъ офицерахъ. Гость далъ отвѣтъ на интересующій барона вопросъ, и собесѣдники продолжали свой оживленный разговоръ въ теченіе всего обѣда, при чемъ хозяинъ дома тщательно избѣгалъ политики.

— Мой другъ,—сказалъ онъ,—я солдатъ, и хитрая политика дипломатовъ меня не касается до тѣхъ поръ, пока не прикажутъ трубить въ походъ. Часто, пробѣгая газетные столбцы, я убѣждаюсь, что наше военное министерство сумѣетъ лучше поддержать достоинство Австріи, чѣмъ министерство иностранныхъ дѣлъ. Поэтому не будемъ касаться этого больного вопроса.

Послѣ обѣда хозяинъ предложилъ своему гостю отдохнуть. Послѣдній не отказался, такъ какъ дорога давала себя чувствовать. Они прошли въ кабинетъ для пріѣзжихъ, комнату, убранную мягкой восточной мебелью, освѣщенную тусклымъ краснымъ фонаремъ и всей обстановкой своей, видимо, предназначенную для отдыха.

— Я буду ждать васъ у себя,—сказалъ офицеръ, пожимая на прощанье руку графа.—Когда отдохнете—лакей проводитъ васъ ко мнѣ.

Возвращаясь на свою половину, баронъ былъ крайне задумчивъ и сумраченъ.

Уже стемнѣло, когда пріѣзжій очнулся отъ сна. Теперь онъ чувствовалъ себя бодрымъ, такъ какъ достаточно отдохнулъ послѣ путешествія. Въ сопровожденіи слуги онъ прошелъ въ большой кабибинетъ, стѣны котораго были обиты коврами, шкапы переполнены рѣдкими изданіями, а на столѣ среди разнообразныхъ принадлежностей письма красовался массивный бронзовый двуглавый орелъ.

— Какое прекрасное и знаменательное украшеніе,—сказалъ графъ появившемуся въ этотъ моментъ хозяину.—Видно, что эта рабочая комната истиннаго патріота, желающаго постоянно видѣть передъ собой эмблэму своей имперіи.

Лампа, покрытая густымъ абажуромъ, освѣщала только поверхность стола и оставляла въ темнотѣ почти всю комнату. Офицеръ невольно улыбнулся при словахъ графа, опять въ его глазахъ зажегся и сейчасъ же погасъ какой-то огонекъ, и онъ, оставаясь невидимымъ для своего гостя произнесъ громко, при чемъ лицо его вспыхнуло отъ воодушевленія.

— Да, этотъ орелъ, символъ моей родины, несмотря на все свое спокойствіе и холодность, всегда побуждаетъ меня непокидая рукъ работать на пользу моей дорогой имперіи.

Затѣмъ лицо его приняло прежнее спокойное выраженіе и онъ добавилъ:

— Присядемъ, графъ, въ эти кресла. Вотъ сигары и вино.

— Я думаю,—сказалъ пріѣзжій, усаживаясь и закуривъ сигару,—что теперь можно приступить къ тому дѣлу, для котораго я пріѣхалъ въ Прагу, если вы, конечно, расположены меня выслушать.

— Я съ удовольствіемъ готовъ внимать вамъ,—сказалъ баронъ.—Итакъ, я слушаю.

Графъ началъ.

— Дѣло въ слѣдующемъ,—сказалъ онъ.—Вы конечно знаете, что въ австрійской арміи за послѣдніе годы стали усиленно распространяться пагубныя мысли, ведущія къ ослабленію дисциплины и сознанія національнаго единства государства. Само собой разумѣется, что подобныя вредныя ученія находятъ себѣ наиболѣе благопріятную почву среди славянъ, да и исходятъ они изъ славянскихъ же источниковъ. Къ несчастію, однако, и среди нѣмцевъ, даже занимающихъ высокіе посты, есть лица, которыя по непонятнымъ намъ причинамъ благопріятствуютъ развитію заразы. Все это, конечно, влечетъ къ ослабленію военной мощи государства, и вы помните, какіе трудности представляла мобилизація 1911 года, когда славянскіе полки отказывались итти къ границамъ и шли только подъ страхомъ разстрѣла, чтобы при первомъ столкновеніи,—положить оружіе передъ русскими. Въ настоящій моментъ, когда отъ войны съ Россіей насъ отдѣляетъ годъ, если не меньше, необходимо принять экстренныя мѣры для борьбы съ этимъ зломъ. Мѣсяцъ тому назадъ подъ негласнымъ покровительствомъ императора и при ближайшемъ участіи эрцгерцога-наслѣдника въ Вѣнѣ открылось тайное общество, ставящее себѣ цѣлью безжалостную борьбу съ русской пропагандой.

Говорившій на минуту остановился, чтобы отпить глотокъ вина. Баронъ сидѣлъ все также спокойно, куря сигару, но если бы въ комнатѣ было свѣтлѣе, его собесѣдникъ былъ бы удивленъ выраженіемъ глазъ и блѣдностью лица своего хозяина.

— Число членовъ ограничено, — продолжалъ графъ.—Никто изъ лицъ, непричастныхъ дѣлу, не долженъ знать объ его существованіи. Проникновеніе въ тайну общества будетъ караться подобно государственной измѣнѣ. Моей миссіей является сдѣлать вамъ предложеніе вступить въ число членовъ общества. Выборъ палъ на васъ по рекомендаціи начальника генеральнаго штаба, а также инспектора фонъ-Рецера и былъ утвержденъ императоромъ. Намъ извѣстно, что вы обладаете помѣстьемъ въ Россіи, владѣете русскимъ языкомъ и, бывая въ Петербургѣ, сможете раздобывать для насъ цѣнныя свѣдѣнія.

— Какія требуются формальности для вступленія въ общество?—спросилъ баронъ.

— Вы должны подписать листъ съ обязательствомъ исполнять всѣ требованія общества и въ томъ же принести клятву мѣстному епископу. Вы должны преслѣдовать тайныхъ враговъ Австріи всѣми возможными средствами, со всей присущей вамъ энергіей.

Офицеръ сидѣлъ молча. Вереницы мыслей носились въ его мозгу, и онъ ни на одной изъ нихъ не могъ сосредоточиться. Наконецъ, стараясь казаться спокойнымъ, онъ произнесъ:

— Милый графъ, дѣло столь важно и въ то же время столь неожиданно, что я не могу его рѣшить такъ скоро. Если разрѣшите, я дамъ вамъ отвѣтъ завтра утромъ, а пока что позвольте предложить вамъ чашку кофе.

— Благодарю васъ, баронъ, — отвѣтилъ гость, удивленный такимъ быстрымъ окончаніемъ бесѣды.— Но я долженъ указать вамъ, что неудобно отказываться отъ участія въ обществѣ. Генералы, да и самъ императоръ будутъ недовольны этимъ.

— Въ такомъ случаѣ, графъ, — отвѣтилъ офицеръ, — предложеніе вступить въ члены общества

является косвеннымъ образомъ навязаннымъ. Однако я привыкъ поступать по собственному усмотрѣнію и предоставляю себѣ время для обсужденія до завтрашняго утра.

Баронъ всталъ, подошелъ къ столу и позвонилъ, Вошедшему слугѣ онъ велѣлъ подать кофе. Затѣмъ онъ снова обратился къ своему гостю.

— Мнѣ не совсѣмъ ясны тѣ мѣры, графъ,— сказалъ онъ,—какими я смогу пользоваться для скорѣйшаго достиженія предначертанной цѣли. Не можете ли вы указать мнѣ нѣсколько примѣровъ изъ прошлой дѣятельности общества, по которымъ я могъ бы судить о характерѣ борьбы.

— Я съ удовольствіемъ объясню вамъ это, баронъ,— отвѣтилъ пріѣзжій.—Какъ я уже говорилъ вамъ— способы борьбы неограниченны. Достаточно малѣйшаго подозрѣнія, и вы уже имѣете право арестовать это лицо, кто бы оно ни было. Если вѣскихъ уликъ не найдется,—заподозрѣнные будутъ отпущены, при чемъ вы можете ограничиться одними извиненіями. Въ противномъ случаѣ съ ними будетъ поступлено со всей строгостью военнаго суда. Для примѣра я укажу вамъ на два случая: мною было предписано арестовать двухъ субъектовъ, изъ которыхъ одинъ скрылся, а другой еще находится подъ надзоромъ полиціи.

— Кто это такіе?—спросилъ офицеръ, опускаясь въ кресло.

— Первый это лейтенантъ Кравецкій, второй—уланскій ротмистръ Яковъ Ржевикъ, чехъ. Онъ подозрѣвается въ сношеніяхъ съ Россіей, хотя вѣскихъ уликъ нѣтъ.

— Не думаете ли вы, графъ,—замѣтилъ хозяинъ дома,—что такое безцеремонное обращеніе съ офицерами, аресты безъ достаточныхъ основаній, можетъ дурно повлiять на все офицерство. Такой способъ борьбы я не нахожу раціональнымъ. Запугать можно отдѣльныя лица, но не народъ. Я не говорю, что надо оставлять на свободѣ лицъ, явно пропагандирующихъ возмущеніе въ войскахъ, но хватать офицеровъ безъ достаточныхъ основаній не считаю возможнымъ. Мы

возвращаемся къ инквизиціи и введемъ анархію въ армію.

Баронъ замолчалъ. Его гость, пораженный этой рѣчью и тѣмъ суровымъ тономъ, какимъ она была произнесена, не находилъ словъ для отвѣта. Въ это время слуга подалъ письмо хозяину дома. Взявъ конвертъ, баронъ повертѣлъ его въ рукахъ и спряталъ въ карманъ. Затѣмъ онъ спросилъ.

— Когда же вы думаете арестовать ротмистра?

— Я вижу, что вы отклоняете предложеніе,—отвѣтилъ графъ сухо.—Поэтому я не имѣю права посвящать васъ въ секреты своей дѣятельности. Вы будете единственнымъ посторояннимъ лицомъ, случайно освѣдомленнымъ о существованіи общества, и я долженъ просить васъ дать мнѣ честное слово офицера и дворянина, что тайна эта умретъ въ васъ.

— Я клянусь вамъ,—воскликнулъ офицеръ съ явной насмѣшкой въ голосѣ,—что баронъ Іоганнъ фонъ-Рокебургъ никогда никому не скажетъ объ этомъ ни слова.

— Благодарю васъ, баронъ,—сказалъ графъ,—стараясь казаться оживленнымъ.—Я думаю, что на этомъ мы закончимъ наши неудачные дѣловые разговоры и поболтаемъ о чемъ нибудь болѣе веселомъ.

Говоря это шутливымъ тономъ, графъ чувствовалъ, что внутри его зарождается непріязнь къ человѣку, который такъ безцеремонно отвергъ вниманіе и довѣріе монарха.

Бесѣда, однако, не клеилась, такъ какъ чувство симпатіи, связывающее хозяина и гостя, исчезло и осталась лишь внѣшняя форма приличія. Наконецъ графъ поднялся и сталъ прощаться. Онъ очень сожалѣетъ, что эту ночь не можетъ провести въ домѣ офицера, такъ какъ его вещи остались въ отелѣ. Во всякомъ случаѣ онъ благодаритъ за гостепріимство. Баронъ также выразилъ сожалѣніе, что они раньше не позаботились о багажѣ. Однако въ слѣдующіе дни онъ надѣется видѣть у себя графа. На это пріѣзжій отвѣтилъ:

— Весьма признателенъ вамъ, баронъ. Я не премину воспользоваться вашимъ приглашеніемъ, если обстоятельства не заставятъ меня завтра съ двухчасовымъ поѣздомъ покинуть Прагу.

— Въ такомъ случаѣ я провожу васъ на поѣздъ.— произнесъ офицеръ. И отъ его вниманія не ускользнула легкая тѣнь неудовольствія, пробѣжавшая при этихъ словахъ по лицу графа.

Онъ старается теперь отдѣлаться отъ меня,— подумалъ офицеръ и добавилъ вслухъ:

— Во всякомъ случаѣ мнѣ будетъ очень жаль такъ скоро съ вами разстаться.

Они пожали другъ другу руки и оба спустились въ вестибюль, гдѣ хозяинъ велѣлъ подать автомобиль. Скоро великолѣпный лимузинъ неслышно подкатилъ къ крыльцу, хозяинъ еще разъ пожалъ руку своему гостю, графъ вошелъ въ карету, и автомобиль плавно выкатилъ на улицу.

Нѣсколько минутъ постоялъ баронъ на крыльцѣ, смотря вслѣдъ удаляющемуся автомобилю, и насмѣшливая улыбка играла на его губахъ. Затѣмъ онъ повернулся, вошелъ въ домъ и поднялся въ свой кабинетъ.

Графъ, сидя въ ярко освѣщенномъ автомобилѣ и разсматривая роскошную обивку, обратилъ вниманіе на грандіознаго двуглаваго орла, начертаннаго на переднемъ стеклѣ. Это было точное изображеніе бронзовой фигуры, стоящей на кабинетномъ столѣ барона.

— Однако онъ большой патріотъ,—подумалъ про себя графъ.—Ужъ навѣрное изъ патріотизма и автомобиль австрійской марки.

Онъ нагнулся къ рупору и спросилъ шоффера, чьей фирмы моторъ.

— Русско-балтійскій заводъ,—отвѣтилъ спрошенный.

Графъ доѣхалъ до дому въ глубокой задумчивости.

ГЛАВА II.

Баронъ Іоганнъ фонъ-Рокебургъ, майоръ армейской кавалеріи, пріѣхалъ въ Вѣну всего семь лѣтъ тому назадъ, никому неизвѣстный и чуждый.

Онъ остановился въ роскошномъ отелѣ на Ринге и въ началѣ велъ весьма уединенный и тихій образъ жизни. Друзей и знакомыхъ у него не было, но случай свелъ его съ однимъ богатымъ графомъ который ввелъ его въ высшее общество австрійской, столицы. Изящный и свѣтски воспитанный, баронъ скоро занялъ почетное мѣсто и пріобрѣлъ всеобщую любовь и уваженіе. Онъ говорилъ, что родился въ Вѣнѣ, но что отецъ его, по смерти жены, покинулъ предѣлы своего отечества и поселился во Франціи, когда маленькому Іоганну было всего три года. Тамъ, на чужбинѣ, получилъ онъ свое воспитаніе, прекрасно владѣя французскимъ и англійскимъ языками, а также стараясь не забывать своего родного нѣмецкаго, хотя въ его рѣчи встрѣчаются иногда нѣкоторыя неправильности. Теперь; достигнувъ совершеннолѣтія, онъ пожелалъ вернуться въ Австрію, съ намѣреніемъ поступить въ гвардію. Отъ отца ему осталось небольшое имѣніе въ Россіи, и онъ, посѣщая это свое помѣстье, научился русскому языку. Баронъ необыкновенно быстро и легко сдалъ офицерскій экзаменъ, поступилъ въ полкъ гвардейскихъ уланъ и спустя годъ женился на знатной венгеркѣ, которая принесла ему въ приданое два милліона кронъ и три особняка въ Прагѣ, Вѣнѣ и Парижѣ. Баронъ велъ внѣ службы странную жизнь. Иногда онъ погружался въ письменныя заня-

тія, просиживая ночи надъ своимъ столомъ. Тогда ни просьбы друзей, ни уговоры жены не могли оторвать его отъ работы. Иногда же онъ забрасывалъ свои бумаги и письма, пускался въ водоворотъ шумной свѣтской жизни, тратилъ безумныя деньги, чтобы затѣмъ, пресытившись кутежами, снова приступить къ кропотливой кабинетной работѣ. Жена его, предоставленная самой себѣ, вела веселый, немного легкомысленный образъ жизни и умерла совершенно неожиданно отъ разрыва сердца почти наканунѣ третьей годовщины своей свадьбы.

Баронъ не былъ потрясенъ смертью жены. Смотря на ея трупъ, онъ улыбался какой-то странной улыбкой, которую его друзья объяснили себѣ сильной душевной борьбой, сдерживающей рыданія. Схоронивъ жену, баронъ подалъ въ отставку, но товарищи убѣдили его оставить это намѣреніе, а начальство не хотѣло терять такого блестящаго офицера. Однако баронъ настоялъ на своемъ переводѣ въ армію, говоря, что теперь ему тяжело оставаться въ шумной столицѣ. Онъ продалъ свои особняки въ Вѣнѣ и Парижѣ и переселился въ Прагу, куда былъ назначенъ въ чинѣ майора.

Друзьямъ онъ былъ извѣстенъ какъ добрый товарищъ, начальству какъ бравый офицеръ и горячій патріотъ. Прощаясь со своимъ гвардейскимъ полкомъ, баронъ произнесъ рѣчь, въ которой выражалъ надежду встрѣтиться со своими старыми соратниками на полѣ брани. Эти патріотическія слова были покрыты возгласами одобренія.

Въ Прагѣ майоръ велъ замкнутую жизнь. Каждый день регулярно въ 8 часовъ утра онъ отправлялся на службу, гдѣ оставался до половины пятаго, затѣмъ возвращался въ свой домъ и подолгу сидѣлъ въ задумчивости въ своей столовой передъ широкимъ окномъ или за письменнымъ столомъ въ кабинетѣ.

Такъ и на этотъ разъ, проводивъ гостя, онъ сѣлъ за письменный столъ и порывисто разорвалъ конвертъ письма, которое давно сгоралъ нетерпѣніемъ прочесть.

— Баронъ! Сообразуясь съ вашими указаніями, мнѣ удалось достать нѣкоторыя свѣдѣнія относительно партій скота, направляемыхъ за границу. Одна изъ нихъ, значительная по своей численности, предназначается для слѣдованія черезъ Краковъ подъ надсмотромъ (134,24), вторая, наибольшая, черезъ районъ Лемберга (114,21) и третья у Черновицъ (117,23). Относительно другихъ, болѣе мелкихъ партій, а также партій, предназначенныхъ на Югъ, не получилъ еще точныхъ свѣдѣній. Пребываю и т. д. Августъ Морицъ. Вѣна.

Баронъ нѣсколько разъ съ видимымъ удовольствіемъ перечиталъ письмо. Затѣмъ онъ выписалъ значущіяся въ немъ цифры, досталъ какую-то книжечку и спустя нѣсколько минутъ рядомъ съ цифрами приписалъ три имени: Данкль, Ауфенбергъ, Брудерманъ. Тщательно спрятавъ все это, онъ позвонилъ слугѣ и велѣлъ растопить каминъ, украшавшій противо-положную столу стѣну.

Когда раздался легкій трескъ горящихъ углей и щепокъ и розоватый нѣжный свѣтъ озарилъ комнату, баронъ, потушивъ электричество, пододвинулъ къ камину одно изъ большихъ креселъ и опустился въ него, держа въ рукѣ полученное письмо. Онъ долго сидѣлъ такъ, положивъ ногу на ногу, устремивъ свой взоръ въ темный потолокъ и лишь иногда совершенно машинально поправляя щипцами тлѣющіе угли.

Потомъ онъ еще разъ при кровавомъ свѣтѣ камина пробѣжалъ письмо глазами и бросилъ его на угли. Пламя не сразу охватило бумагу. Сперва она съежилась, какъ живая, сопротивляясь горячему дыханію огня, затѣмъ безсильно упала и мигомъ превратилась въ пепелъ.

Баронъ молча и грустно смотрѣлъ, какъ исчезаетъ этотъ документъ, и когда письмо сгорѣло, онъ разбросалъ его обуглившіеся остатки. Затѣмъ онъ всталъ и зашагалъ большими шагами по комнатѣ, скрестивъ на груди руки и устремивъ почти безмысленный взоръ въ пространство.

Вдругъ онъ остановился, лицо его мигомъ оживилось, какъ будто какая-то мысль пришла ему въ голову. Онъ быстро съ несвойственнымъ ему оживленіемъ зажегъ электричество, заперъ дверь и подошелъ къ одной изъ стѣнъ, лишенной украшеній и лишь завѣшенной тяжелымъ восточнымъ ковромъ. Баронъ снялъ съ гвоздя петлю, на которой держался коверъ, и, опустивъ эту завѣсу, обнажилъ скрытый шкапъ. Доставъ ключъ и раскрывъ это тайное хранилище, онъ вынулъ изъ него мундиръ, далеко не новый, съ погонами подпоручика. Это былъ русскій мундиръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ баронъ досталъ саблю, брюки и высокіе лаковые сапоги. Онъ бережно положилъ этотъ нарядъ на диванъ, быстро раздѣлся, какъ бы съ презрѣніемъ скидывая съ себя австрійскую куртку, и натянулъ на себя русскую форму, которая была ему замѣтно мала. Затѣмъ, завершивъ свой туалетъ русской фуражкой, онъ оглядѣлся.

И горько и въ то же время радостно было выраженіе его лица. Онъ досталъ небольшое зеркало, поставилъ его передъ собой и произнесъ вполголоса:

— Семь лѣтъ, семь лѣтъ.

Чуждо и дико звучали эти слова для стѣнъ его дома. Это были русскія слова.

Баронъ выпрямился, на глазахъ его блеснули слезы, и онъ произнесъ почти громко.

— Одинъ вечеръ буду я тѣмъ, чѣмъ не былъ семь лѣтъ. Одинъ вечеръ буду казаться себѣ русскимъ, русскимъ офицеромъ, опять старымъ Александромъ Вячеславскимъ, подпоручикомъ русской гвардіи.

Онъ опустился на диванъ, склонилъ голову на руки и зарыдалъ.

— Боже,—произнесъ онъ,—скоро ли кончится это! Семь лѣтъ борьбы, скрыванiй, обмана, ходьбы надъ пропастью и зачѣмъ! Для денегъ?—Нѣтъ! не для себя, а для тебя, мой имперскій двуглавый орелъ, для тебя все это.

Онъ опустился на колѣни передъ бронзовымъ орломъ, обнажилъ саблю и склонилъ голову. Слезы капали изъ его глазъ на коверъ и казалось, что до-

толѣ неподвижное изображеніе царя птицъ шире простерло свои могучія крылья, чтобы благословить вѣрнаго патріота и солдата.

Такъ стоялъ офицеръ колѣнопреклоненный, и быстрой чередой проходили въ его головѣ воспоминанія минувшихъ дней.

Онъ родился въ Петербургѣ въ богатомъ и родовитомъ домѣ своего отца, генерала Вячеславскаго. Мать его, женщина въ высшей степени образованная и свѣтская, старалась дать своему единственному сыну воспитаніе, достойное ихъ роду.

Съ дѣтства говорилъ маленькій Александръ по-французски и по-нѣмецки, затѣмъ поступилъ въ лицей, но нездоровье матери заставило его прекратить ученіе и сопровождать ее за границу. Они жили въ Германіи, гдѣ Александръ поступилъ въ гимназію и оставался въ ней пять лѣтъ. Ему было 16 лѣтъ, когда умерла его мать, и онъ вернулся въ Россію.

Владѣя нѣмецкимъ языкомъ, какъ русскимъ, и предполагая благодаря своимъ связямъ сдѣлаться военнымъ атташе за границей. Александръ,—закончивъ свое среднее образованіе, поступилъ въ юнкерское училище, блестяще его кончилъ и былъ назначенъ въ гвардію. Но ему не суждено было служить спокойно и просто, какъ другимъ офицерамъ.

Ему, какъ человѣку свѣтскому, а главное прекрасно владѣющему нѣмецкимъ языкомъ, было сдѣлано предложеніе поѣхать въ Вѣну, имѣя на рукахъ документы умершаго въ младенчествѣ во Франціи барона фонъ-Рокебурга, поступить въ австрійскую императорскую гвардію и дѣятельно способствовать пропагандѣ среди славянъ отложенія къ Россіи.

Долго колебался Александръ и хотѣлъ было уже отвергнуть предложеніе, но смерть отца, поразившая его, потеря этого послѣдняго дорогого ему существа, рѣшила дѣло въ пользу согласія.

20-ти лѣтъ отъ роду пустился онъ въ водоворотъ этой блестящей и страшной жизни, ежеминутно опасаясь быть разоблаченнымъ и безжалостно уничтоженнымъ.

Счастье улыбалось ему. Пропаганда среди недовольныхъ славянъ шла быстро и успѣшно при помощи ловкихъ агентовъ, тысячи солдатъ давали клятву положить оружіе передъ русскими, а иниціаторъ этого дѣла былъ любимцемъ австрійской гвардейской молодежи.

Онъ женился и любилъ свою жену, которая тоже не знала, кто ея мужъ. Но, благодаря слѣпой, случайной съ его стороны неосторожности, баронесса проникла въ страшную тайну своего мужа и отравилась, оставивъ краткую записку, что не можетъ быть женой шпіона. Это было первымъ громовымъ ударомъ, заставившимъ Александра призадуматься надъ своей дѣятельностью.

Онъ хотѣлъ покончить съ собой, но сознаніе невыполненности работы удержало его. И передъ гробомъ жены поклялся онъ, что Австрія дорого заплатитъ за его утрату.

Заручившись довѣріемъ высшихъ сферъ, онъ, подъ предлогомъ потери жены, переселился въ Прагу, чтобы быть ближе къ славянскимъ массамъ.

Все опаснѣе становилась работа. Австрійцы стали замѣчать броженіе въ войскахъ, и подозрѣніе и кары— все чаще и чаще стали обрушиваться на иногда неповинныхъ людей. Два его лучшихъ помощника, предупрежденные имъ объ опасности, бѣжали за границу. Это были Рамбецкій и фонъ-Ремеръ, о которыхъ упоминалъ пріѣзжій изъ Вѣны графъ. Теперь надо было отразить ударъ отъ Якова Ржевика, который былъ отлично извѣстенъ мнимому барону.

Поднявшись на ноги, теперь уже съ грустнымъ и блѣднымъ лицомъ, офицеръ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, затѣмъ сѣлъ за рабочій столъ и началъ писать. Онъ предупреждалъ ротмистра Ржевика, что ему необходимо немедленно покинуть Австрію, такъ какъ ему угрожаетъ арестъ.

Едва успѣлъ баронъ кончить письмо, какъ въ дверь постучались, и слуга доложилъ, что какой-то господинъ, не называющій себя, хочетъ видѣть господина майора.

— Проводи его ко мнѣ черезъ десять минутъ,— приказалъ офицеръ.

Затѣмъ онъ сталъ быстро переодѣваться, и черезъ короткій моментъ все было попрежнему; русскій подпоручикъ исчезъ и на его мѣстѣ стоялъ австрійскій майоръ.

Вскорѣ опять раздался стукъ, дверь отворилась, и въ комнату съ легкимъ поклономъ вошелъ человѣкъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ, съ узкой бородкой и золотымъ пенснэ, скрывающимъ блестящіе и живые глаза. Онъ былъ высокаго роста, лѣтъ тридцати пяти, съ узкими длинными пальцами и полированными ногтями. Войдя и остановившись, онъ еще разъ почтительно поклонился, хотя легкая улыбка его губъ выражала скорѣй насмѣшку, чѣмъ уваженіе. Это лицо было совершенно незнакомо барону. Послѣдній спросилъ:

— Чѣмъ могу служить?

— Я являюсь къ вамъ по-порученію графа Канемарка, который былъ у васъ сегодня,—отвѣчалъ новоприбывшій.—Графъ освѣдомляется,не перемѣнили-ли вы своего рѣшенія, и уполномочиваетъ меня, Августа Ольмюца, вотъ этимъ письмомъ принять отъ васъ отвѣтъ.

Съ этими словами, говорящій досталъ изъ кармана конвертъ и протянулъ его барону, но послѣдній даже не потрудился его прочесть и бросилъ на столъ безъ вниманія.

— Я удивляюсь поспѣшности графа,—сказалъ онъ.—Я не имѣю возможности мѣнять рѣшеніе, если у меня таковаго еще не было. Мы съ графомъ условились, что завтра я передамъ ему свой отвѣтъ.

— Я ничего не могу вамъ сказать на это,— произнесъ Ольмюцъ,—но думаю, что можно объяснить поспѣшность графа его нездоровьемъ, такъ какъ онъ не смогъ бы быть у васъ завтра.

— Тогда я самъ сегодня буду у графа въ отелѣ,— сказалъ офицеръ.

Глаза Ольмюца сверкнули удивленно. Онъ поклонился и произнесъ:

— Имѣю честь.

Затѣмъ онъ вышелъ изъ комнаты. Баронъ нѣкоторое время оставался въ задумчивости. Затѣмъ онъ разорвалъ конвертъ, принесеннаго письма и прочелъ: „Симъ уполномочиваю Августа Ольмюца быть моимъ посредникомъ. Графъ Канемаркъ“.

Число не было указано. Офицеръ хотѣлъ было бросить это письмо въ каминъ, но затѣмъ, видимо передумавъ, аккуратно сложилъ его и спряталъ въ ящикъ письменнаго стола. Потомъ онъ позвалъ слугу и велѣлъ подать себѣ лошадь.

Въ 10 часовъ вечера, заботливо спрятавъ бумаги въ желѣзный шкапъ, переодѣвшись въ штатскій костюмъ для верховой ѣзды и захвативъ, написанное ротмистру Ржевику, письмо, баронъ выѣхалъ изъ дому и быстро поскакалъ.

Онъ былъ такъ погруженъ въ свои мысли, что не обратилъ вниманія на неотступно за нимъ слѣдовавшій фіакръ, въ которомъ, стараясь быть незамѣтнымъ за спиной кучера, сидѣлъ Августъ Ольмюцъ,

Офицеръ остановился передъ высокимъ домомъ на одной изъ главныхъ улицъ.

Онъ привязалъ лошадь къ фонарному столбу, попросилъ полицейскаго присмотрѣть за ней, затѣмъ вошелъ въ парадную дверь и быстро поднялся на третій этажъ. Здѣсь онъ потушилъ электрическую лампочку, освѣщавшую площадку, и позвонилъ. Дверь отворилась, и молоденькая горничная спросила, кого угодно господину.

— Передайте это письмо ротмистру,— сказалъ баронъ, не входя въ переднюю и оставаясь стоять въ темнотѣ.

— Да смотрите, чтобы порученіе было выполнено немедленно,— добавилъ онъ мягко, протягивая дѣвушкѣ письмо и кроновую монету.

Затѣмъ онъ спустился внизъ, вскочилъ на лошадь и спѣшно удалился. Ольмюцъ же, слѣдовавшій за офицеромъ до этого дома, теперь не зналъ, что ему предпринять. Съ одной стороны, ему надо было продолжать преслѣдованіе, съ другой—узнать, къ кому

могъ приходить баронъ. Ольмюцъ рѣшилъ продолжать преслѣдованіе и отложить собираніе свѣдѣній на болѣе позднее время. Онъ снова сѣлъ въ пролетку и, весело посвистывая, покатилъ за скачущимъ офицеромъ.

Послѣдній, проѣхавъ три-четыре квартала, остановился передъ зданіемъ телеграфа, соскочилъ съ лошади, но, не зная куда ее привязать, стоялъ нѣкоторое время въ нерѣшительности. Наконецъ, осмотрѣвшись, онъ увидѣлъ рѣшотку воротъ, къ которой и пошелъ, ведя лошадь подъ уздцы.

Воспользовавшись этимъ моментомъ, Ольмюцъ проскользнулъ въ почтамтъ, подошелъ къ телеграфному окошку, около котораго не было никого изъ публики, и сказалъ чиновнику быстро, почти шопотомъ:

— Я агентъ тайной полиціи. Вотъ моя карточка. Сейчасъ господинъ въ верховомъ костюмѣ подастъ телеграмму. Задержите ее до моего возвращенія.

Сказавъ это, онъ спѣшно направился къ выходу, оставшись незамѣченнымъ барономъ. Послѣдній подошелъ къ телеграфному окошку, взялъ депешный бланкъ и написалъ:

„Вѣна. Анграбенштрассе. Августъ Морицъ. Пріѣзжайте“.

Затѣмъ, расплатившись, онъ спросилъ, скоро ли телеграмма будетъ на мѣстѣ.

Телеграфистъ смутился и замялся, что не ускользнуло отъ вниманія барона и весьма удивило его.

— Завтра утромъ,—сказалъ, наконецъ, чиновникъ.

Фонъ-Рокебургъ вышелъ изъ телеграфа, стараясь дать себѣ отчетъ, что можетъ означать смущеніе чиновника. Въ этотъ моментъ ему пришла въ голову одна мысль. Онъ вернулся назадъ, подошелъ къ телефону и, позвонивъ домой, велѣлъ конюху немедленно на автомобилѣ прибыть къ почтовому отдѣленію. Пока что онъ прохаживался по пустынному залу, погруженный въ размышленія. Наконецъ, видимо на что-то рѣшившись, онъ снова подошелъ къ телеграфисту и спросилъ, отправлена ли депеша.

Тотъ, смущенный и незнающій, что отвѣтить, сказалъ, что нѣтъ.

— Послушайте,—произнесъ офицеръ рѣзко.—Я вижу, вы что-то скрываете. Прошу васъ объяснить мнѣ, въ чемъ дѣло, иначе я немедленно обращусь въ полицію, такъ какъ вы не исполняете вашей обязанности. Вы не знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло!

— А съ кѣмъ же?—спросилъ чиновникъ вызывающе.

— Я баронъ фонъ-Рокебургъ, майоръ кавалеріи,—вскричалъ офицеръ разсерженно.—Вы, навѣрное, слышали мое имя и, клянусь вамъ, что если телеграмма не будетъ отправлена, то завтра вы не будете сидѣть на этомъ мѣстѣ.

Чиновникъ былъ сильно озадаченъ. Имя богатаго и вліятельнаго барона было всѣмъ извѣстно въ Прагѣ. Онъ сказалъ:

— Простите, баронъ, но я дѣйствовалъ по приказанію агента полиціи. Конечно, если настаиваете, я немедленно отправлю телеграмму.

— Какого агента?—спросилъ офицеръ.

— Я не знаю его имени,—отвѣтилъ чиновникъ.

— Каковъ онъ изъ себя?—задалъ вопросъ баронъ.

Телеграфистъ описалъ наружность Ольмюца.

„Вотъ оно что“! подумалъ про себя фонъ-Рокебургъ и сейчасъ же произнесъ:

— Я прошу васъ тотчасъ отправить телеграмму. Это былъ не сыскной агентъ, а аферистъ.

— Будетъ исполнено,—сказалъ чиновникъ и немедленно приступилъ къ отправленію телеграммы.

Въ этотъ моментъ послышался рожокъ автомобиля, и моторъ подкатилъ къ крыльцу. Баронъ вышелъ, сѣлъ къ рулю и, велѣвъ отвести лошадь домой, поѣхалъ къ отелю, въ которомъ остановился графъ Канемаркъ.

Графъ былъ крайне удивленъ, когда ему доложили о пріѣздѣ фонъ-Рокебурга.

Ему интересно было знать, какими словами и въ какомъ тонѣ передастъ баронъ Ольмюцу свой отказъ вступить въ число членовъ общества.

Теперь же онъ самъ явился къ нему поздно вечеромъ, и этотъ визитъ былъ весьма непріятенъ

графу. Однако, заслышавъ шаги, онъ изобразилъ на своемъ лицѣ удовольствіе и привѣтствовалъ входящаго офицера словами:

— Я очень радъ, баронъ, лично видѣть васъ. Я вдругъ почувствовалъ себя нездоровымъ и не могъ бы завтра навѣстить васъ. Утромъ отправляется въ Вѣну мой довѣренный и онъ передастъ секретарю общества письменное сообщеніе о рѣшеніи вашемъ относительно моего предложенія.

Съ этими словами графъ указалъ своему гостю на кресло. Офицеръ сѣлъ. Лицо его было спокойно, но блѣдно. Онъ чувствовалъ въ скрытномъ и хитромъ графѣ будущаго опаснаго врага. Онъ не понималъ только, что именно породило подозрѣнія въ Канемаркѣ. Баронъ произнесъ:

— Дорогой графъ, я обезпокоилъ васъ такъ поздно потому, что не могъ отложить свой отвѣтъ на завтра. Мнѣ необходимо утромъ на двое сутокъ покинуть Прагу, а поэтому я сейчасъ принесъ вамъ свое окончательное рѣшеніе.

Офицеръ на минуту остановился. Въ этотъ моментъ Канемаркъ, страстно желавшій, чтобы баронъ, на котораго онъ имѣлъ какія-то смутныя и неопредѣленныя подозрѣнія, отказался отъ участія въ обществѣ, сказалъ:

— Я предвижу вашъ отвѣтъ, мой другъ. Вы уклоняетесь отъ переданнаго вамъ мною предложенія.

— Наоборотъ, милый графъ,—воскликнулъ фонъ-Рокебургъ,—я серьезно призадумался надъ этимъ вопросомъ и пришелъ къ заключенію, что былъ неправъ, не надѣясь на продуктивность дѣятельности общества. Теперь я убѣжденъ, что общество можетъ принести огромную пользу государству. Поэтому я отъ всего сердца принимаю на себя почетное званіе члена, предоставленное мнѣ милостивымъ монархомъ. Я прошу васъ, графъ, дать мнѣ нужные документы, чтобы я могъ исполнить формальности.

Графъ Канемаркъ былъ крайне пораженъ словами офицера и ему казалось, что онъ улавливаетъ въ нихъ тѣнь насмѣшки. Принимая на себя званіе члена

общества, баронъ ставилъ себя выше всякихъ подозрѣній. Не было никакой возможности отсрочить передачу документовъ и дождаться Ольмюца, чтобы получить отъ него интересующія графа свѣдѣнія. Графъ произнесъ со смущеніемъ, которое не ускользнуло отъ вниманія фонъ-Рокебурга.

— Я не ожидалъ отъ васъ подобнаго отвѣта, баронъ, и очень радъ за васъ, что вы послѣдовали столь благоразумному рѣшенію: Императоръ будетъ радъ видѣть васъ въ числѣ дѣятельныхъ защитниковъ благополучія и могущества Австріи.

Съ этими словами графъ досталъ изъ письменнаго стола конвертъ и предложилъ офицеру его вскрыть. Пакетъ содержалъ три бумаги, изъ которыхъ одна содержала списокъ обязанностей члена тайнаго общества, остальныя двѣ были слѣдующія:

— Барону Іоганну фонъ-Рокебургу.

Указъ о полной неприкосновенности.

„Баронъ Іоганнъ фонъ-Рокебургъ пользуется полной неприкосновенностью.

Онъ можетъ быть арестованъ только по особому указу императора“.

Слѣдовали подписи императора, министра двора и военнаго.

Второй документъ былъ таковъ:

„Барону Іоганну фонъ-Рокебургу симъ предоставляется право арестовывать въ предѣлахъ Австро-Венгріи любое лицо, не пользующееся полной неприкосновенностью и подозрѣваемое барономъ въ замыслахъ, опасныхъ государству“.

Подписи императора, министра двора и внутреннихъ дѣлъ.

Смотря на эти бумаги, баронъ понялъ, какую силу держитъ онъ въ рукахъ, но стараясь казаться безразличнымъ, онъ, произнесъ-какъ бы шутя.

— Дорогой графъ, я забылъ васъ спросить относительно страннаго посланнаго, явившагося ко мнѣ какъ будто отъ васъ и представившаго мнѣ весьма подозрительную довѣренность. Я позволилъ себѣ усомниться въ ея подлинности и (добавилъ онъ живо,

видя, что графъ хочетъ его перебить) имѣлъ на это основаніемъ ваши слова.

— Какъ могу я понять васъ?—спросилъ графъ смущенно.

— Вы, вѣдь, сказали—продолжалъ баронъ,—что, въ случаѣ моего отказа вступить въ число членовъ общества, я являюсь единственнымъ посторопнимъ человѣкомъ, знающимъ объ его существованіи. Не могу же я предполагать, что какой-то Ольмюцъ,—кажется такъ звали господина,—даже не дворянинъ, могъ быть удостоенъ императоромъ столь великой чести, какъ право называться членомъ нашего общества.

— Августъ Ольмюцъ мой другъ, для васъ это совершенно посторонній человѣкъ,—сказалъ графъ уже рѣзко;—я не могу вамъ позволить называть его какимъ-то.

— Я не позволилъ бы себѣ такъ выразиться по его адресу,—продолжалъ баронъ,—если бы не имѣлъ на это вѣскихъ основаній. Но раньше прошу васъ отвѣтить мнѣ на вопросъ: состоитъ ли Ольмюцъ членомъ общества или нѣтъ?

Графъ замялся и произнесъ затѣмъ нерѣшительно.

— Да!

— Въ такомъ случаѣ, господинъ графъ Канемаркъ,—воскликнулъ майоръ, вскакивая;—я обвиняю васъ въ оскорбленіи австрійскаго императора и Австріи! Членомъ такого общества, которому ввѣряется цѣлость страны, въ которомъ засѣдаютъ монархъ и офицеры, не можетъ быть сыщикъ. Да! Вашъ Ольмюцъ сыщикъ, простой ищейка!

Графъ смертельно поблѣднѣлъ и отшатнулся. Онъ молчалъ.

Онъ чувствовалъ, что далъ слишкомъ большой ходъ тѣмъ ничтожнымъ подозрѣніямъ, которыя въ немъ зародились.

— Вы позволили себѣ послать сыщика выслѣживать меня офицера, дворянина, облеченнаго довѣріемъ императора,—продолжалъ фонъ-Рокебургъ внѣ себя—какимъ правомъ руководились вы?

— Правомъ члена тайнаго общества!,—вскричалъ графъ.

— Значитъ члены тайнаго общества имѣютъ основаніе или можетъ быть предписаніе выслѣживать своихъ новыхъ товарищей?

Графъ не отвѣчалъ. Онъ сознавалъ, что поступилъ некрасиво и незаконно. Баронъ продолжалъ: Кромѣ того вы избрали своимъ благороднымъ помощникомъ лицо, которое я принужденъ буду арестовать, обвиняя въ тяжеломъ преступленіи.

Графъ былъ озадаченъ.—Прошу васъ, баронъ, пробормоталъ онъ, не дѣлайте этого. Это можетъ бросить тѣнь на меня.

— Что же, сказалъ офицеръ насмѣшливо, вы прикажете мнѣ отказаться отъ моей прямой обязанности—арестовать подозрительное лицо, изъ-за дружеской услуги?

— Нѣтъ, я не говорю этого, отвѣтилъ графъ нетвердымъ голосомъ. Но какія обвиненія вы возводите на Ольмюца?

— Этотъ человѣкъ, который, конечно не знаетъ о существованіи общества, однако знаетъ о его существованіи. Это заставляетъ меня предполагать, что онъ проникъ въ тайну нечистымъ путемъ. Вамъ придется совсѣмъ отречься отъ Ольмюца, иначе это знакомство причинитъ много непріятностей.

— Это все, въ чемъ вы обвиняете его?—спросилъ графъ насмѣшливо, желая показать, что подобное обвиненіе не можетъ быть доказано.

— Главное, въ чемъ я обвиняю Ольмюца, я скажу вамъ послѣ!—отвѣтилъ баронъ. Онъ не имѣлъ еще твердой почвы для дѣйствій и хотѣлъ поэтому выждать время. Фонъ-Рокебургъ понималъ, что Ольмюцъ выслѣживалъ его съ самаго начала и былъ въ томъ домѣ, гдѣ жилъ ротмистръ Ржевикъ. Поэтому надо было только добиться отъ Ольмюца признанія въ этомъ, чтобы взвалить на него всю вину исчезновенія ротмистра.

— Ольмюцъ зналъ, что Ржевикъ долженъ былъ быть арестованъ?—спросилъ баронъ. Графъ не сразу отвѣтилъ и, наконецъ, произнесъ:—да зналъ!

— Когда будетъ произведенъ арестъ?

— Сегодня вечеромъ, — отвѣтилъ Канемаркъ и увидѣлъ, что баронъ на секунду поблѣднѣлъ, но сейчасъ же справился съ собой.

— Это хорошо, добавилъ онъ.—Сегодня вечеромъ ротмистръ былъ еще въ Прагѣ.

Затѣмъ онъ спросилъ:— гдѣ остановился Ольмюцъ?

— Въ этомъ отелѣ,—отвѣтилъ графъ Канемаркъ и къ своему великому смущенію увидѣлъ, что баронъ подошелъ къ телефону и позвонилъ въ полицію.

Здѣсь баронъ фонъ-Рокебургъ. Пришлите немедленно трехъ человѣкъ для ареста подозрительнаго лица. Я имѣю предписаніе. Назвавъ отель, баронъ положилъ трубку.

Въ это время ничего не подозрѣвавшій Ольмюцъ составивъ точный списокъ жильцовъ дома и съ удовольствіемъ отмѣтивъ ротмистра Ржевика, поболталъ на эту тему съ близъ стоящимъ гордовымъ и отправился на телеграфъ. Здѣсь, однако, его ожидало разочарованіе. За окошечкомъ онъ увидѣлъ уже другого телеграфиста, такъ какъ тотъ смѣнился. Этотъ чиновникъ ничего не зналъ о телеграммѣ. Разсерженный сыщикъ поѣхалъ въ отель графа Канемарка, гдѣ также снималъ комнату.

Увидѣвъ въ прихожей троихъ полицейскихъ, онъ рѣшилъ, что фонъ-Рокебургъ попалъ въ ловушку и сейчасъ будетъ арестованъ. Поговоривъ съ городовыми и показавъ свой значекъ, который долженъ былъ вызвать почтеніе, онъ сталъ подыматься вверхъ по лѣстницѣ, какъ вдругъ увидѣлъ, спускающагося ему навстрѣчу. барона фонъ-Рокебурга и почтительно за нимъ, слѣдовавшаго графа Канемарка.

Надѣясь увидѣть столь милую своему сердцу сцену ареста, Ольмюцъ остановился и насмѣшливо поклонился барону. Въ этотъ моментъ послѣдній, подойдя къ сыщику вплотную, положилъ ему руку на плечо и произнесъ:

— Августъ Ольмюцъ, я, баронъ фонъ-Рокебургъ, майоръ кавалеріи, именемъ императора арестую васъ!

Ольмюцъ былъ такъ пораженъ этими словами, что, раскрывъ ротъ, широкими, удивленными глазами смотрѣлъ на спокойную фигуру офицера.

— Вы шутить изволите,—пробормоталъ онъ.

— Нѣтъ, я не шучу,—отвѣтилъ баронъ.—Повторяю, именемъ императора арестую васъ, подозрѣвая въ проникновеніи въ важную политическую тайну. Графъ подтвердитъ мои слова.

— Графъ!—бросился къ нему сыщикъ,—что это значитъ?

Канемаркъ молчалъ. Тогда Ольмюцъ, выведенный изъ себя и взбѣшенный до крайности, крикнулъ:

— Я самъ полицейскій агентъ. Какое право вы имѣете арестовать меня?

Баронъ не хотѣлъ простымъ полицейскимъ показывать своихъ полномочій, чтобы не распространять о нихъ молвы въ городѣ.

Я докажу свое право въ полиціи,—сказалъ онъ и, обращаясь къ городовымъ, добавилъ: — Возьмите этого господина.

Полицейскіе переглянулись и не тронулись съ мѣста. Тогда фонъ-Рокебургъ, выведенный изъ терпѣнія, подбѣжалъ къ телефону и попросилъ выслать жандармовъ, такъ какъ полицейскіе отказываются исполнить приказаніе. Одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Мы не можемъ арестовать сыскного агента.

Въ этотъ моментъ Ольмюцъ подошелъ къ барону, грубо схватилъ его за платье и сказалъ:

— Я самъ арестую тебя!

Полицейскіе громко разсмѣялись и бросились на барона.

Офицеръ силой откинулъ ихъ отъ себя и, выхвативъ высочайшій указъ, крикнулъ:

— Читайте, несчастные!

Одинъ изъ городовыхъ грубо вырвалъ у него изъ рукъ бумагу, но, пробѣжавъ первыя строки поблѣднѣлъ и пролепеталъ:

— Простите, баронъ, мы не знали.

— Теперь поздно, — воскликнулъ баронъ. — Вы позволили себѣ поднять руку на офицера и презрѣть его приказанія. Самъ императоръ облекаетъ меня высшей властью, а какой-то ничтожный ищейка позволяетъ себѣ глумится надо мной.

Онъ указалъ на Ольмюца и, обращаюсь къ послѣднему, сказалъ:

— Кромѣ уже сказаннаго, ты обвиняешься мною въ томъ, что предупреждалъ подозрительныхъ лицъ, подлежащихъ аресту, объ опасности. Если ротмистръ Ржевикъ исчезнетъ изъ Праги до завтрашняго утра, ты будешь повѣшенъ въ 48 часовъ.

Ольмюцъ смертельно поблѣднѣлъ и прошипѣлъ:

— Я былъ тамъ послѣ васъ!

— Я былъ тамъ по долгу службы. Ты же по какому поводу?

— По приказанію графа Канемарка! — воскликнулъ сыщикъ.

— Такъ ли это, графъ? — спросилъ фонъ-Рокебургъ насмѣшливо.

Графъ не отвѣтилъ. Отречься отъ своего участія онъ не могъ. Въ то же время было невозможно взвалить вину на свои плечи.

Графъ не потверждаетъ вашихъ словъ, господинъ Ольмюцъ, — продолжалъ баронъ также насмѣшливо, — а онъ не сталъ бы скрывать правды.

Ольмюцъ ничего не сказалъ. Онъ чувствовалъ свое униженіе и страшную безсильную ненависть къ этимъ двумъ людямъ, такъ коварно предающимъ его.

Въ этотъ моментъ къ крыльцу подскакалъ взводъ жандармовъ, офицеръ которыхъ, увидѣвъ импраторскій указъ, немедленно арестовалъ Ольмюца и полицейскихъ. Уходя, сыщикъ обернулся къ барону и крикнулъ:

— Мы еще встрѣтимся съ вами, господинъ майоръ. Посмотримъ, чѣмъ кончится эта борьба.

Офицеръ разсмѣялся ему вслѣдъ и затѣмъ обратился къ графу.

Онъ попросилъ извиненія за некрасивую сцену, свидѣтелемъ которой былъ принужденъ его сдѣлать,

а также за нѣсколько рѣзкія слова, которыя позволилъ себѣ произнести въ минуту запальчивости.

На это графъ отвѣчалъ холодно и злобно:

— Мнѣ нечего вамъ прощать, милостивый государь. Прошу только не считать графа Канемарка въ числѣ вашихъ знакомыхъ.

Графъ повернулся и быстро направился въ свои комнаты.

— Какъ вамъ будетъ угодно,—крикнулъ ему вслѣдъ офицеръ. Затѣмъ онъ оставилъ отель, сѣлъ въ свой автомобиль и покатилъ домой.

По дорогѣ онъ подумалъ. Само счастье идетъ мнѣ въ руки. Я, иностранный шпіонъ и пропагандистъ, облеченъ высшимъ довѣріемъ австрійскаго императора. И, перелистывая свои могущественныя бумаги, онъ произнесъ:

— Симъ побѣдишь!

Глава III.

Черезъ три дня послѣ описанныхъ событій, въ шесть часовъ пополудни 15-го мая къ большому крыльцу императорскаго дворца въ Шенбруннѣ подкатила карета, изъ которой вышли двое военныхъ. Первый, высокаго роста, съ длинными торчащими усами, былъ генералъ фонъ-Рецеръ, инспекторъ арміи. За нимъ слѣдовалъ полковникъ генеральнаго штаба фонъ-Ретерштейнъ, человѣкъ для своего чина еще молодой, съ открытымъ лицомъ и веселыми глазами. Онъ держалъ въ рукѣ портфель изъ черной мягкой кожи.

Въ залѣ ожиданій, куда прошли прибывшіе, ихъ встрѣтилъ дежурный флигель-адъютантъ въ формѣ гвардейскихъ гусаръ. Онъ сказалъ, что эрцгерцогъ занятъ пріемомъ генераловъ и завязалъ съ офицерами оживленную бесѣду о современныхъ политическихъ событіяхъ.

Фонъ-Рецеръ говорилъ, что недавно лишь вернулся изъ отпуска. Поэтому онъ не совсѣмъ въ курсѣ дѣлъ. Однако дипломатическія операціи Австріи за послѣднее время стали внушать ему опасенія. Ему не вѣрится, чтобы причиной служилъ албанскій вопросъ.

Гусаръ былъ согласенъ съ его мнѣніемъ. Злосчастная кандидатура принца Вида или совсѣмъ не имѣетъ значенія, или играетъ самую ничтожную роль. Очевидно въ глуши кабинетовъ скрывается какая-то важная тайна. Но онъ самъ не въ курсѣ дѣлъ. Онъ знаетъ только, что никогда еще эрцгерцогъ не былъ такъ дѣятеленъ, а старый императоръ такъ сумраченъ.

Въ этотъ моментъ въ сосѣдней залѣ послышался шумъ. Флигель-адъютантъ вышелъ и вернувшись вскорѣ, доложилъ что аудіенція у эрцгерцога кончена и его высочество проситъ офицеровъ къ себѣ.

Францъ-Фердинандъ, наслѣдникъ престола Австріи, высокій и статный мужчина, въ простой форменной курткѣ безъ сабли и орденовъ, стоялъ за большимъ письменнымъ столомъ и смотрѣлъ на дверь, въ которую съ почтительнымъ поклономъ вошелъ фонъ-Рецеръ въ сопровожденіи полковника.

Кабинетъ эрцгерцога представлялъ большую свѣтлую комнату съ окнами въ тѣнистый садъ. Стѣны до потолка были обиты кожаными обоями и увѣшаны стариннымъ оружіемъ. Около массивнаго письменнаго стола стояло глубокое мягкое кресло. По бокамъ тянулся рядъ стульевъ.

Эрцгерцогъ окинулъ вошедшихъ дружелюбнымъ взглядомъ и предложилъ имъ сѣсть. Онъ самъ опустился въ кресло. Офицеры заняли два боковыхъ стула.

— Я пригласилъ васъ, господа,—сказалъ Францъ-Фердинандъ—по важному дѣлу.—Онъ на минуту остановился, обдумывая свою фразу.

— Генералъ,—сказалъ онъ затѣмъ,—вы не дипломатъ, но какъ человѣкъ большого ума и проницательности, конечно понимаете, что за послѣдніе нѣсколько лѣтъ Австрія приняла не совсѣмъ обычный курсъ политики.

— Безусловно, отвѣтилъ фонъ-Рецеръ.—Это измѣненіе не ускользнуло отъ моего вниманія. Нетрудно замѣтить, что вотъ уже десять лѣтъ, какъ Австро-Венгрія усиленно выступаетъ въ европейскихъ вопросахъ, и въ этихъ выступленіяхъ нельзя не усмотрѣть тенденціозности.

— Какой же?—спосилъ эрцгерцогъ.

— Drang nach Osten, ваше высочество—произнесъ генералъ.

По лицу Францъ-Фердинанда скользнула улыбка удовольствія, и онъ сказалъ:

— Я не обманулся въ вашей прозорливости. Дѣйствительно судьба поставила Австрію бокъ-о-бокъ съ опасной сосѣдкой, поразительно быстрое процвѣтаніе которой, грозитъ не только гегемоніи нашей на Балканахъ, но и самому существованію нашему. Изъ этого непосредственно слѣдуетъ выводъ, что.... Францъ-Фердинандъ остановился и испытующе посмотрѣлъ на офицеровъ, ожидая отъ нихъ продолженія своей мысли.

— .... что надо остановить ростъ могущества Россіи, пока она не остановила нашего, закончилъ фонъ-Рецеръ съ улыбкой.

— Вы еще разъ правы, мой другъ, сказалъ эрцгерцогъ.—Конечно вамъ не впервые пришла въ голову эта мысль?

— Безусловно, но вмѣстѣ съ этимъ мнѣ приходили и другія мысли....

— Какія же?—спросилъ эрцгерцогъ.

— Выражаясь прямо, ваше высочество, дипломатія наша клонитъ дѣло къ войнѣ съ Россіей. Обдумывая это положеніе, я пришелъ къ убѣжденію рискованности подобной задачи.

По лицу наслѣдника скользнула тѣнь недовольства, но сейчасъ же онъ замѣтилъ совершенно безстрастно.

— Мы, генералъ, уже часто обсуждали съ вами военные планы. И каждый разъ, признавая отдѣльныя качества нашей арміи, вы уклонялись отъ обсолютной ея оцѣнки. Сегодня, наконецъ, вы высказались прямо.

— Да, я нисколько не отрицаю прекрасной технической обслуженности и обученности нашихъ войскъ — произнесъ фонъ-Рецеръ.—Но у насъ есть хроническіе недостатки, неустранимые, которые парализуютъ насъ въ борьбѣ съ Россіей.

— Что же это такое?—спросилъ эрцгерцогъ.

— Ваше высочество, — отвѣтилъ генералъ. Вы удостоиваете меня великой чести, желая знать мое мнѣніе; поэтому мой долгъ сказать вамъ чистую правду, хотя бы она была горька и тяжела. Австрія,

не можетъ воевать противъ великой славянской державы. Я знаю, я твердо знаю, что половина нашихъ войскъ броситъ оружіе передъ полками царя.

И хотя Францъ-Фердинандъ былъ подготовленъ услышать нѣчто подобное, онъ поблѣднѣлъ, и нѣкоторое время всѣ хранили молчаніе.

Наконецъ наслѣдникъ произнесъ.

— Австрія это истуканъ, который покоится на гнилыхъ славянскихъ ногахъ. Бисмаркъ былъ правъ, сказавъ, что славянъ можно только бить. Иначе отъ нихъ не добьемся толку. Генералы, бывшіе сегодня у меня, также увѣрены въ измѣнѣ славянскихъ батальоновъ. Но какого мнѣнія вы, полковникъ? „Славянскій вопросъ" въ вашихъ рукахъ. Вы у насъ главный дѣятель общества.

Полковникъ поклонился и произнесъ.

— Ваше высочество, къ моему глубокому прискорбію я долженъ согласиться съ генераломъ и подписаться подъ его мнѣніемъ. Никто лучше меня не знаетъ истиннаго положенія дѣлъ Австріи. Глубокія, неизлѣчимыя раны таитъ она подъ блестящей оболочкой.

Францъ-Фердинандъ ничего не отвѣтилъ, а фонъ-Рецеръ произнесъ:

— Ваше высочество, я—плохой дипломатъ, но по сколько могу судить, мы можемъ сохранить миръ съ сосѣдними державами, а въ этомъ случаѣ намъ нечего опасаться славянскихъ движеній.

Наслѣдникъ посмотрѣлъ на говорящаго съ легкой ироніей и произнесъ:

— Видно, что вы не посвящены въ тайны дипломатическихъ кабинетовъ. Есть сила, которая неумолимо влечетъ Австрію на страшную авантюру.

Затѣмъ, видимо не желая продолжать разговоръ на эту тему, онъ обратился къ полковнику съ предложеніемъ заняться текущими дѣлами общества.

Фонъ-Ротерштейнъ досталъ изъ портфеля кипу бумагъ, которую онъ передалъ эрцгерцогу. Это были документы „тайнаго общества" и протоколы дѣятельности его членовъ.

Просматривая листы, лицо эрцгерцога приняло мрачное выраженіе.

— 129 человѣкъ, — произнесъ онъ, — вотъ онѣ австрійскія язвы. 129 офицеровъ арміи унизились до того, что подстрекали солдатъ измѣнить присягѣ на вѣрность престолу.

Онъ вернулъ бумаги фонъ-Ротерштейну и спросилъ:

— Всѣ арестованы?

— Арестованы 112 человѣкъ, 9 скрылись и 8 будутъ арестованы на-дняхъ.

— Назовите мнѣ имена скрывшихся.

— Полковникъ Троцкій, лейтенантъ Францъ-Польсенъ, ротмистры Скревиль и Томпырскій, поручики Скржемницъ и фонъ-Августъ, лейтенантъ Левелекъ и ротмистръ Ржевикъ,—прочелъ фонъ-Ротерштейнъ.

— Послѣдняя фамилія мнѣ знакома,—сказалъ послѣдній.—Я слышалъ о ротмистрѣ отъ графа Канемарка и далъ разрѣшеніе на арестъ.

— Ваше высочество совершенно правы,—сказалъ полковникъ,—Ржевикъ долженъ былъ быть схваченъ въ Прагѣ, но нѣкій Ольмюцъ предупредилъ его, но самъ не успѣлъ бѣжать и былъ арестованъ барономъ фонъ-Рокебургомъ. Я получилъ эти свѣдѣнія по телеграфу.

— Вы сказали фонъ-Рокебургомъ? — спросилъ Францъ-Фердинандъ.—Это лицо только недавно получило отъ меня высшія полномочія. Извѣстите барона о моей благодарности за ревностную службу.— Затѣмъ, желая показать, что аудіенція кончена, онъ добавилъ:—Прошу васъ завтра быть у меня на обѣдѣ.

Офицеры благодарили и покинули кабинетъ. Наслѣдникъ, оставшись одинъ, долго ходилъ по кабинету. Наконецъ, остановившись у широкаго окна, онъ бросилъ взглядъ на Шенбруннъ, утопавшій въ зелени, и произнесъ:

— Корона колеблется на головѣ Габсбурговъ. Неужели австрійскій мечъ сломится о славянскій щитъ?

И, повернувшись къ портрету, висящему на противоположной стѣнѣ и изображавшему его царственнаго дядю, онъ прошепталъ:

— О, старый императоръ. Тяжелыя испытанія сулитъ рокъ твоему трону. Ты единственное звено, связывающіе народы Австріи. Не станетъ тебя и рухнетъ древняя имперія.

Шенбруннъ спалъ. Ночь была мрачная и бурная. Темныя лохматыя тучи бѣжали по небу, напоминая собой мрачныхъ вѣдьмъ, спѣшащихъ на шабашъ. Изрѣдка раздавались удары приближающейся грозы. Вѣтеръ клонилъ и бросалъ изъ стороны въ сторону деревья и трепалъ развѣвающійся надъ дворцомъ императорскій флагъ.

На улицѣ не было никого, кромѣ часовыхъ лейбъ-гвардейцевъ, тщательно кутающихся въ шинели отъ холоднаго вѣтра.

Въ 12 часовъ ночи эрцгерцогъ еще не ложился. Онъ сидѣлъ за большимъ письменнымъ столомъ въ кабинетѣ и задумчиво слѣдилъ за вспышками молніи. Тяжелыя думы думалъ онъ.

Неумолимый рокъ увлекалъ Австрію въ кровавую войну, неизбѣжную и опасную. Съ каждымъ годомъ крѣпчаетъ и безъ того могущественный врагъ, и скоро борьба съ нимъ сдѣлается безуміемъ. Притупились когти и ослабѣли крылья австрійскаго двуглаваго орла. Исторія мстила Австріи за вѣковую политику интригъ и обмановъ. Враги могучи, друзей нѣтъ. Гибнетъ старый тронъ Франца-Іосифа.

Эрцгерцогъ поднялся и, раскрывъ окно, вздохнулъ. Тучи бѣжали съ востока, и страннымъ казался ему этотъ бѣгъ.

„На Вѣну! на Вѣну!“, какъ будто шепталъ вѣтеръ и все яростнѣй рвалъ габсбургскій флагъ.

Францъ-Фердинандъ съ тяжелымъ вздохомъ закрылъ окно, затѣмъ снялъ со стѣны старинный мечъ, которымъ, по преданію, его вѣнчанные предки защищали свою честь, и произнесъ:

— Неужели ты безсиленъ, теперь, старый мечъ! Неужели склонишься ты передъ знаменами царя! Неужели погибнетъ старый тронъ Австріи! Все противъ тебя, ты окруженъ врагами и измѣнниками. Но еще живы австрійцы, еще никогда не позволяли они безнаказанно глумиться надъ собой! Нѣтъ, старый габсбургскій мечъ, пока я живъ, мы будемъ бороться. Пусть возстанутъ славяне, мы направимъ на нихъ вѣрные нѣмецкіе штыки. Мы постоимъ за тебя, тронъ Франца-Іосифа. Австрія приметъ борьбу и не побоится враговъ. Austria est imperatura orbi universa! (Австрія— императрица вселенной).

И показалось ему, что шумящій вѣтеръ прошепталъ:

Ad majorem Die gloriam.

На слѣдующій день на торжественномъ обѣдѣ, данномъ императоромъ въ честь пріѣзда эрцгерцога въ Шенбруннъ, присутствовало много высшихъ чиновъ арміи и флота.

По окончаніи трапезы, во время которой Францъ-Іосифъ былъ очень задумчивъ и молчаливъ, старый императоръ удалился въ свои покои. Эрцгерцогъ также прошелъ въ свой кабинетъ, пригласивъ министра иностранныхъ дѣлъ графа Берхгольда слѣдовать за нимъ.

Графъ Берхгольдъ, уже нѣсколько лѣтъ занимавшій свой высокій постъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ дипломатовъ, которые путемъ интригъ передъ сильными и насилій надъ слабыми добиваются господствующаго положенія такой шаткой державы, какъ Австрія. Когда же въ своей политикѣ запугиванія и бряцанія оружіемъ Австрія наталкивалась на серьезное сопротивленіе, она приходила къ Ульмѣ и Кенигрецу, спасая свой тронъ отъ внутреннихъ враговъ иностранными войсками.

После ряда позорныхъ дипломатическихъ пораженій по вопросамъ балканскихъ событій, Габсбургская монархія готова была укротить свои бурные порывы, но вѣчный источникъ угрозъ миру, вооруженный лагерь, именуемый Германіей, не могъ смотрѣть спокойно на бездѣятельное прозябаніе своей единственной естественной союзницы. И неумолимо влекомая злымъ геніемъ войны, Австрія снова вступила на путь исканій и авантюръ. Но лучшіе люди монархіи въ послѣдній моментъ поняли рискованность подобныхъ замысловъ. Они постарались приложить свои единичныя силы, чтобы остановить губительный бѣгъ исторіи.

Напрасно! Австрія неуклонно неслась въ пропасть...

Графъ Берхгольдъ немедленно приступилъ къ этому больному вопросу.

Онъ считаетъ положеніе критическимъ. Надо призадуматься надъ возможностью серьезной опасности. Онъ считаетъ, что въ цѣляхъ сохраненія Австріи надо разъ навсегда отказаться отъ политики „запугиванія". Онъ не имѣетъ права привести Австрію къ войнѣ, не зная, можетъ ли она воевать. У нихъ есть союзъ съ Германіей, но плоха та держава, которая опирается на чужіе штыки. Кромѣ Германіи у нихъ нѣтъ союзниковъ и доброжелателей.

Послѣдняя мысль поразила эрцгерцога.

— Какъ могу я васъ понимать?—спросилъ онъ удивленно.

— Ваше высочество,—отвѣтилъ графъ,—я давно уже собирался высказать вамъ свое убѣжденное мнѣніе по поводу этого вопроса первостатейной важности. Я болѣе чѣмъ увѣренъ, что, несмотря на возобновленные договоры и многократныя завѣренія въ дружбѣ, Италія въ рѣшительный моментъ измѣнитъ союзу. Здѣсь безсильна дипломатія, и итальянскій тронъ не можетъ совладать съ духомъ народа. Исторія влила вражду въ кровь австрійцевъ и итальянцевъ, и никакіе договоры не смоютъ взаимнаго антагонизма. Русскіе давно забыли Мукденъ и Цусиму, а фран-

цузы до тѣхъ поръ будутъ помнить Седанъ, пока не смоютъ его позоръ новой Іеной. Самыя тяжкія раны заживаютъ безслѣдно, пока нѣтъ вражды народовъ. Италія слишкомъ помнитъ Венецію, и живы еще ветераны Кустоцы и Лиссы. Дай Богъ, чтобы Италія сохранила нейтралитетъ.

— Неужели вы допускаете возможность нападенія на насъ Италіи?—воскликнулъ эрцгерцогъ.

— Все зависитъ отъ того, въ чью сторону повернетъ свое лицо военное счастье. Если мы разобьемъ русскихъ, то Италія непремѣнно начнетъ намъ оказывать содѣйствіе въ Средиземномъ морѣ. Если же Россія побѣдитъ, то королевскіе полки могутъ перейти нашу границу.

— Что же вы считаете необходимымъ предпринять?—спросилъ Францъ-Фердинандъ.

— Какъ я уже сказалъ, ваше высочество, мнѣ необходимо знать, можетъ ли Австрія воевать или нѣтъ.

— Съ кѣмъ?

— Съ тройственнымъ соглашеніемъ въ союзѣ съ Германіей. Вы понимаете ваше высочество, что дѣло слишкомъ важно. Нашъ посолъ въ Петербургѣ часто указывалъ намъ, что Россія готова къ войнѣ и не скрываетъ своей готовности. Мы не имѣемъ основаній относиться скептически къ вооруженной мощи такого государства, какъ Россія. Достаточно серьезнаго пораженія Германіи, чтобы Австрія была предоставлена на растерзаніе. Какъ можемъ мы разорвать сношенія съ Англіей, не имѣя флота. Мы приведемъ Австрію къ позору. Другое дѣло, если мы побѣдимъ русскихъ на сушѣ. Поэтому мнѣ необходимо знать, имѣемъ ли мы надежду побѣдить Россію.

Наслѣдникъ австрійскаго престола, эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ д'Эстэ, былъ главаремъ сильной шовинистической партіи. Онъ всегда порывался уничтожить славянъ и Россію, и ставъ руководителемъ военнаго управленія и увидѣвъ то плачевное состояніе, въ которомъ находилась, ожидающая его держава, онъ все-таки не могъ заставить себя отказаться

отъ воинственныхъ порывовъ. Онъ не могъ представить себѣ, что Австрія, старая Австрія должна бояться возстанія какихъ то славянъ. Эрцгерцогъ не помнилъ печальнаго прошлаго своей страны: возстанія венгровъ и позорныхъ войнъ. Онъ мнилъ австрійскій тронъ въ сліяніи военной мощи, онъ не зналъ русской силы и поэтому питалъ надежду побѣдить Россію.

— Графъ,—сказалъ эрцгерцогъ послѣ минутнаго молчанія. Я не могу нарушить мира, когда можно сохранить его безъ униженія. Но если рокъ неумолимо клонитъ насъ къ кровавой развязкѣ, то знайте,—добавилъ онъ, повышая голосъ,—что Австрія готова въ любой моментъ сразиться за честь своихъ знаменъ. Примите это къ свѣдѣнію и твердо опирайтесь на штыки нашей монархіи.

Графъ Берхгольдъ поклонился и произнесъ съ ноткой недовѣрія въ голосѣ:

— Я радъ слышать, ваше высочество, столь утѣшительныя для патріота слова. Но вы простите мнѣ, если я напомню вамъ, что не всегда можно быть такъ твердо увѣреннымъ въ силѣ своей арміи, особенно принимая во вниманіе могущество враговъ. Кромѣ того у меня есть свѣдѣнія, противорѣчащія убѣжденію вашего высочества.

— Какія это свѣдѣнія?—спросилъ наслѣдникъ, стараясь казаться удивленнымъ.

— Мнѣ приходилось слышать,—отвѣтилъ министръ,—что славяне волнуются, и что большая часть войскъ измѣнитъ въ случаѣ войны.

— Эти слухи ложны!—вскричалъ Францъ-Фердинандъ.

— Я повторяю вамъ, графъ, что мы должны вести рѣшительную политику. Германія имѣетъ право требовать отъ насъ точнаго исполненія союзныхъ договоровъ, и намъ незачѣмъ уклоняться отъ священныхъ обязательствъ. Быть можетъ, въ скоромъ времени намъ нужно будетъ рѣшительно выступить. Императоръ начинаетъ поддаваться моимъ убѣжденіямъ, что ниже нашего достоинства никогда не уходить дальше простого бряцанія оружіемъ. Мы должны

простереть свои руки надъ Балканами, и Албанія оказывается для этого недурнымъ предлогомъ. Но это мы съ вами будемъ обсуждать позднѣе. Итакъ, графъ, мои послѣднія слова—Австрія готова воевать.

Берхгольдъ поклонился и, простившись съ наслѣдникомъ, покинулъ кабинетъ.

„Эрцгерцогъ не знаетъ, что дѣлаетъ,—подумалъ про себя министръ.—Боже! Убереги меня толкнуть Австрію въ пропасть!“

ГЛАВА IV.

Вернувшись домой около 11 часовъ ночи, весьма довольный арестомъ сыщика, баронъ фонъ-Рокебургъ рѣшилъ отправиться наблюдать за домомъ Ржевика съ цѣлью удостовѣриться въ благополучномъ бѣгствѣ ротмистра. Ближайшій поѣздъ уходилъ за границу въ половинѣ перваго, поэтому баронъ, велѣлъ подать себѣ автомобиль къ полночи и отпустивъ шоффера, поѣхалъ по тому направленію, по какому скакалъ нѣсколько часовъ тому назадъ, преслѣдуемый Ольмюцемъ.

Нѣсколько разъ проѣхалъ офицеръ назадъ и впередъ мимо наблюдаемаго дома, не сводя глазъ съ параднаго крыльца. Улицы были безлюдны, только постовой полицейскій медленно расхаживалъ по тротуару; фонари почти всѣ погашены. Городъ спалъ. Баронъ остановилъ машину на углу и, притворившись задремавшимъ въ ожиданіи, продолжалъ зорко наблюдать за крыльцомъ интересующаго его дома. Скоро дверь отворилась, и на улицу вышелъ человѣкъ высокаго роста, широкоплечій, въ котелкѣ и длинномъ пальто, Онъ шелъ быстро, но, казалось, безпечно, помахивая тросточкой. По фигурѣ баронъ узналъ Ржевика, но чтобы удостовѣриться, медленно поѣхалъ ему вслѣдъ, наблюдая, куда свернетъ неизвѣстный. Послѣдній повернулъ на длинную широкую улицу, ведущую къ вокзалу, вынулъ часы и, какъ бы убѣдившись, что ему надо торопиться, ускорилъ шаги. Фонъ-Рокебургъ нагналъ идущаго человѣка и при свѣтѣ уличнаго фонаря узналъ ротмистра,

Оглянувшись и увидѣвъ автомобиль, Ржевикъ окликнулъ его и, велѣвъ ѣхать къ вокзалу, вошелъ въ карету. Чтобы не быть замѣченнымъ снаружи, онъ не зажегъ электричества, и тѣмъ яснѣе бросилось ему въ глаза величавое изображеніе двухглаваго орла на переднемъ стеклѣ. Удивленный этимъ рисункомъ, а также роскошью обивки кареты, офицеръ понялъ, что попалъ въ автомобиль частнаго собственника. Ржевикъ, отлично зналъ фонъ-Рокебурга, состоялъ съ нимъ въ тайныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ, но въ частной жизни не соприкасался.

Поэтому ротмистръ не могъ узнать владѣльца автомобиля. Чувствуя себя окруженнымъ предателями и сыщиками, онъ заволновался, опасаясь, что попалъ въ ловушку, вынувъ изъ внутренняго кармана револьверъ, онъ положилъ его въ пальто, рѣшивъ во всякомъ случаѣ дорого продать свою свободу и жизнь.

Автомобиль остановился передъ ярко освѣщеннымъ вокзаломъ. Ржевикъ вышелъ, держа руку съ револьверомъ въ карманѣ, и подалъ шофферу пятикроновую монету. Баронъ отстранилъ его руку и произнесъ шопотомъ.

— Счастливый путь, Ржевикъ.

Ротмистръ вздрогнулъ, но шофферъ поднялъ свои большіе очки, и онъ узналъ фонъ-Рокебурга.

— Вы,—произнесъ Ржевикъ, сдерживая восклицаніе.

— Тише,—перебилъ баронъ.—Вы куда ѣдете?—

— Парижъ.

— Хорошо, ждите вѣстей.

— Прощайте.

— Спасибо, прощайте.

Моторъ тронулся и скоро скрылся изъ виду. Ротмистръ вошелъ въ зданіе вокзала, купилъ себѣ билетъ второго класса въ Мюнхенъ и занялъ мѣсто въ купэ.—Прощай Чехія,—сказалъ онъ, когда поѣздъ тронулся.—Прощай австрійская Прага. Близокъ день, когда я увижу тебя свободной.

На слѣдующій день въ газетахъ появилось сообщеніе:

„Таинственное исчезновеніе офицера. Арестъ сыщика“.

„Сегодня въ шесть часовъ утра, на П-ской улицѣ, въ домѣ № 12, разыгралась слѣдующая сцена. Явившійся нарядъ полиціи окружилъ домъ и направился въ квартиру № 6, гдѣ жилъ ротмистръ Ржевикъ. Послѣдній долженъ быть арестованъ, такъ какъ нѣкіимъ графомъ Канемаркомъ, уполномоченнымъ Вѣной, подозрѣвался въ государственной измѣнѣ. Однако ротмистра дома не оказалось. Онъ, видимо, былъ предупрежденъ объ угрожающей ему опасности и успѣлъ скрыться изъ Праги. Въ связи съ этимъ случаемъ стоитъ арестъ сыщика Ольмюца вчера вечеромъ въ „Австрійскомъ дворѣ“ извѣстнымъ барономъ фонъ-Рокебургомъ. Какъ передаютъ, баронъ обвиняетъ сыщика въ предупрежденіи ротмистра. Слѣдствіе ведется судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ съ особой поспѣшностью“.

Узнавъ изъ газетъ о неудачной облавѣ на ротмистра, баронъ фонъ-Рокебургъ отправился къ судебному слѣдователю, но не засталъ его дома. Тогда, недолго думая, онъ поѣхалъ на квартиру Ржевика, гдѣ уже находились слѣдователь, его секретарь, начальникъ полиціи, два полицейскихъ офицера и самъ графъ Канемаркъ.

— Мое присутствіе не должно казаться лишнимъ,—сказалъ баронъ, входя.—Вчера я арестовалъ нѣкоего Августа Ольмюца, агента тайной полиціи, будучи твердо увѣренъ въ его причастности къ дѣлу. Но я буду лишь нѣмымъ свидѣтелемъ слѣдствія, такъ какъ надѣюсь, что оно само выведетъ виновныхъ на свѣжую воду.

— Однако,—замѣтилъ слѣдователь,—вы по всей вѣроятности имѣли на рукахъ факты, задерживая Ольмюца. Можетъ быть, вы будете любезны подѣлиться ими съ нами?

— Это совершенно излишне,—возразилъ фонъ-

Рокебургъ. Подробное слѣдствіе укажетъ вамъ на нихъ. Мнѣ было бы желательно остаться въ сторонѣ.

— Господинъ баронъ, — вмѣшался начальникъ полиціи,—такъ какъ Ольмюцъ былъ однимъ изъ надежнѣйшихъ моихъ агентовъ, то его арестъ меня крайне затрагиваетъ. Я попросилъ бы васъ дать мнѣ указанія хотя бы частнымъ образомъ, въ чемъ вы его подозрѣваете.

Баронъ отвѣтилъ отказомъ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ начальникъ полиціи разсерженно,—позвольте мнѣ удостовѣриться въ вашемъ правѣ на арестъ.

— Извольте,— отвѣтилъ офицеръ хладнокровно и досталъ императорскій указъ, увидя, который, начальникъ полиціи не могъ ничего возразить.

— Я думаю,—замѣтилъ слѣдователь,—что мы можемъ продолжать работу. Итакъ, на основаніи писемъ и бумагъ ротмистра Ржевика мы установили, что онъ несомнѣнно состоялъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ какими-то личностями, при чемъ переписка велась шифромъ и имена изображались, видимо, цифрами. Такимъ образомъ, характеръ дѣятельности ротмистра не установленъ, но господинъ графъ Канемаркъ имѣетъ основаніе подозрѣвать его въ заговорѣ, опасномъ государству. Теперь намъ предстоитъ установить личность того, кто предупредилъ Ржевика и далъ ему возможность заблаговременно скрыться. Для этого мы допросимъ единственныхъ двухъ свидѣтелей—прислугу и полицейскаго, дежурившаго вечеромъ передъ этимъ домомъ.

Затѣмъ, обратившись къ Канемарку, слѣдователь спросилъ:

— Итакъ, графъ, вы увѣрены, что во всей Прагѣ никто посторонній не зналъ о предстоящемъ арестѣ?

— Никто, — отвѣтилъ графъ, — за исключеніемъ меня и барона фонъ-Рокебурга.

— Вы сами сообщили барону эту тайну?

— Да, самъ.

— Однако арестованный Ольмюцъ былъ съ вами знакомъ. Онъ жилъ въ той же гостинницѣ, что и вы.

Графу было весьма непріятно признаваться въ этомъ, но теперь было совершенно невозможно это отвергнуть. Онъ сказалъ:

— Да, я зналъ Ольмюца, такъ какъ иногда пользовался его услугами. Во всякомъ случаѣ, я не говорилъ ему объ арестѣ.

Слѣдователь попросилъ позвать горничную и обратился къ вошедшей дѣвушкѣ съ вопросомъ:

— Не можете ли вы сказать, съ кѣмъ за послѣдніе дни разговаривалъ вашъ баринъ лично или по телефону?

На это служанка не могла дать точныхъ отвѣтовъ. Ротмистръ, какъ всегда, бесѣдовалъ по телефону со своими знакомыми и товарищами.

— Получалъ-ли ротмистръ письма и откуда — австрійскія или заграничныя — освѣдомился слѣдователь.

— Господинъ ротмистръ,—отвѣтила дѣвушка,—получалъ много писемъ, часто изъ-за границы, но я не знаю откуда. Вчера же было письмо безъ марки, принесенное какимъ-то человѣкомъ.

— Это очень важно,—замѣтилъ слѣдователь,—разскажите намъ подробнѣй.

— Вчера въ началѣ одинадцатаго вечера позвонилъ какой-то мужчина и попросилъ передать моему барину письмо. Онъ былъ очень любезенъ и далъ мнѣ крону.

— Каковъ онъ былъ изъ себя?

— Я не могла его видѣть, такъ какъ онъ держался въ темнотѣ на площадкѣ.

— Развѣ у васъ на площадкѣ всегда темно?

— Нѣтъ, обыкновенно тамъ горитъ электрическая лампочка, но на этотъ разъ она была погашена.

— Ясно, что принесшій письмо намѣренно потушилъ свѣтъ,—замѣтилъ начальникъ полиціи.

— Его голосъ былъ вамъ не знакомъ?—продолжалъ слѣдователь.

— Нѣтъ, я слышала его въ первый разъ. Могу только съ увѣренностью сказать, что онъ былъ изъ господъ, такъ какъ говорилъ очень любезно и мягко.

— На это надо обратить вниманіе,—замѣтилъ слѣдователь.

Затѣмъ отпустивъ дѣвушку, онъ обратился къ присутствующимъ.

— Теперь остается допросить дежурившаго вчера вечеромъ полицейскаго.

Когда полицейскій появился, слѣдователь обратился къ нему:

— Знали ли вы, что ротмистръ Ржевикъ, проживавшій въ этомъ домѣ, оказался опаснымъ лицомъ и долженъ былъ быть арестованъ. Не можете ли вы дать намъ какія-нибудь свѣдѣнія относительно поведенія ротмистра въ послѣдніе дни?

— Вотъ уже два дня, какъ я не видѣлъ господина ротмистра,—отвѣчалъ полицейскій.—Однако объ его арестѣ узналъ еще вчера.

Присутствующіе выразили крайнее удивленіе по этому поводу.

— Кто вамъ говорилъ объ этомъ?—спросилъ слѣдователь.

— Полицейскій агентъ. Около десяти часовъ когда я стоялъ на посту, ко мнѣ подошелъ какой-то человѣкъ, оказавшійся сыщикомъ. Онъ говорилъ, что долженъ составить списокъ жильцовъ дома; затѣмъ онъ вошелъ въ парадное крыльцо и, вернувшись вскорѣ, разсказалъ мнѣ, что ротмистръ Ржевикъ будетъ арестованъ, и просилъ, чтобы я никому не говорилъ объ этомъ.

— Ваши показанія весьма цѣнны,—сказалъ слѣдователь.—Теперь приходится только изумляться проницательности фонъ-Рокебурга. Нѣтъ сомнѣнія, что Ольмюцъ виновенъ въ предупрежденіи ротмистра.

— Безъ сомнѣнія,—подтвердилъ начальникъ полиціи.—Я только удивляюсь, откуда господинъ баронъ можетъ знать объ этомъ?

— Я могъ бы не отвѣтить на этотъ вопросъ,—сказалъ майоръ,—но не только не сдѣлаю этого, но въ свою очередь умолчу о весьма щекотливомъ вопросѣ—откуда Ольмюцъ узналъ о предстоящемъ аре-

стѣ.—И, обратившись къ полицейскому, онъ произнесъ:—Вы не помните моего лица, мой другъ?

— Мнѣ кажется,—отвѣтилъ спрошенный, — что вы вчера также были здѣсь.

Всѣ присутствующіе переглянулись, выражая крайнее удивленіе.

— При какихъ объстоятельствахъ?—продолжалъ баронъ.

— Въ десять часовъ, одни верхомъ, въ штатскомъ платьѣ. Вы просили меня присмотрѣть за лошадью.

— Вы правы, мой другъ, но не замѣтили ли вы, что за мной слѣдовалъ тотъ самый сыщикъ?

— Да, да,—воскликнулъ полицейскій,—мнѣ показалось, что бесѣдовавшій со мной сыщикъ былъ здѣсь уже во второй разъ.

— Вотъ вамъ и разгадка, господа,—спокойно сказалъ баронъ.—Этотъ Ольмюцъ явился ко мнѣ по порученію нѣкоего лица, онъ показался мнѣ подозрительнымъ и я выслѣдилъ его.

Присутствующіе были удивлены слышаннымъ разговоромъ; Канемаркъ же въ одинъ моментъ понялъ всю ту роль, которую игралъ баронъ въ дѣлѣ исчезновенія ротмистра. Но онъ не имѣлъ на рукахъ никакихъ доказательствъ и поэтому молчалъ, стараясь побороть бушующую въ немъ злобу.

— Почему же вы не предупредили бѣгства Ржевика,—спросилъ начальникъ полиціи фонъ-Рокебурга, также чувствовавшій, что съ барономъ что-то неладно.

— Это не моя обязанность,—отрѣзалъ майоръ.—Я не имѣлъ ни спеціальныхъ полномочій для ареста Ржевика, ни подозрѣній и не позволилъ бы себѣ схватить офицера безъ достаточныхъ основаній.

На это никто ничего не отвѣтилъ. Затѣмъ слѣдователь удалился, считая допросъ законченнымъ и попросивъ начальника полиціи опечатать квартиру.

Когда чины вышли, въ комнатѣ остались Канемаркъ и фонъ-Рокебургъ.

Нѣкоторое время никто изъ нихъ не рѣшался говорить. Наконецъ графъ Канемаркъ произнесъ:

— Господинъ баронъ, вы можете быть увѣрены, что я все понимаю и знаю. Вамъ нечего передо мной разыгрывать комедію. Я непозволилъ бы себѣ сказать что-либо при полицейскихъ, такъ какъ намъ съ вами передъ ними неудобно устраивать сцены. Я, лично, высоко цѣню свое достоинство и званіе—не знаю, какъ вы.

— Я вполнѣ съ вами согласенъ, графъ,—отвѣтилъ майоръ холодно.—Я только не понимаю, о какой комедіи вы говорите.

— Я знаю,—воскликнулъ графъ,—что это вы предупредили Ржевика. Я въ этомъ увѣренъ, такъ же, какъ и въ томъ, что я графъ Канемаркъ.

— Вы оскорбляете меня!—сказалъ баронъ спокойно.—У васъ есть доказательства?

Графъ смутился. Точныхъ данныхъ у него не было.

Въ то же время майоръ отлично понималъ, что слѣдствіе, такъ удачно для него начавшееся, можетъ плохо кончиться. Надо было во что бы то ни стало довести дѣло до осужденія Ольмюца и постараться тѣмъ или инымъ способомъ устранить графа Канемарка.

Предстояла борьба не на жизнь а на смерть.

Когда графъ удалился, офицеръ опустился на стулъ и глубоко задумался.

Неужели его звѣзда, звѣзда счастья и удачи, клонится къ закату!

Графъ Канемаркъ что-то знаетъ, чувствуетъ. Въ этомъ спорѣ одинъ изъ нихъ долженъ погибнуть.

— Боже мой!—воскликнулъ фонъ Рокебургъ.—Поддержи меня и помоги мнѣ въ этой страшной борьбѣ на краю пропасти. Я одинъ. За нимъ стоитъ вся Австрія. Я слабый гладіаторъ того великаго цирка, который называется Европой! Пусть моя побѣда будетъ первымъ тріумфомъ нашего оружія!

На слѣдующій день къ вечеру въ камеру заключенія Ольмюца явился графъ Канемаркъ. Сыщикъ, было задремавшій, пробудился отъ шума отпираемой

двери и съ изумленіемъ увидѣлъ передъ собой Канемарка.

— Мой другъ, — сказалъ послѣдній, пожимая Ольмюцу руку. — Я долженъ просить передъ вами прощенія за то, что не пытался вчера заступиться за васъ. Но это было бы все равно безплодно, такъ какъ фонъ-Рокебургъ можетъ арестовать кого угодно, за исключеніемъ весьма немногихъ лицъ, въ томъ числѣ, къ счастью, и меня.

— Но вы вѣрите въ мою невинность?—-воскликнулъ сыщикъ.

— Мой другъ,—сказалъ графъ спокойно и ласково,—я знаю васъ такъ давно, что готовъ головой ручаться за ваши поступки.

Ольмюцъ сердечно благодарилъ. Это удваивало его надежды.

Графъ продолжалъ:

— Самое главное — теперь узнать, какую цѣль преслѣдовалъ баронъ, стараясь взвалить на васъ вину исчезновенія ротмистра. Даже въ томъ случаѣ, если онъ предупредилъ Ржевика, а я въ этомъ не сомнѣваюсь, можно было бы вообще обойтись безъ отысканія личности доносчика. Но, видимо, баронъ считаетъ васъ настолько опаснымъ, что находитъ нужнымъ удалить съ дороги.

— Какъ вы думаете, — спросилъ сыщикъ,—кто онъ на самомъ дѣлѣ?

— Я теряюсь въ догадкахъ и предположеніяхъ. Думаю, во всякомъ случаѣ, что онъ замѣшанъ въ дѣло пропаганды.

— Надо его уничтожить!—воскликнулъ Ольмюцъ яростно.

— Это не такъ легко сдѣлать,—возразилъ графъ спокойно.—Раньше надо позаботиться о вашемъ освобожденіи.

— Да, да, освободите меня, и я самъ приведу предателя къ эшафоту.

— Слушайте, — сказалъ графъ серьезно.—Слѣдствіе ведется очень спѣшно, и судъ можетъ состояться въ ближайшемъ будущемъ. Поэтому нельзя терять

времени. Сегодня я пришлю къ вамъ тюремнаго священника, который передастъ вамъ евангеліе. Въ немъ вы найдете письмо съ подробными инструкціями и еще кое-что...

— Что же еще?—спросилъ сыщикъ.

— Это вы увидите,—отвѣтилъ графъ съ улыбкой.—Сюрпризъ.

Онъ простился съ Ольмюцемъ и покинулъ тюрьму.

Ольмюцъ, оставшись одинъ, сѣлъ на край своей постели и старался угадать, что можетъ еще содержать обѣщанное евангеліе.

Но онъ ничего не придумалъ.

Въ семь часовъ вечера, когда въ камерѣ стало почти совсѣмъ темно, снова раздался шумъ отодвигаемаго засова.

На этотъ разъ на порогѣ появился священникъ. Это былъ маленькій старичокъ, говорившій тихимъ и ласковымъ голосомъ.

Въ концѣ бесѣды онъ передалъ Ольмюцу небольшое евангеліе, перевязанное лентой.

Какъ только священникъ вышелъ и дверь за нимъ затворилась, Ольмюцъ лихорадочно разорвалъ ленту, обхватывающую Евангеліе, и сталъ трясти книгу, надѣясь, что изъ нея выпадетъ обѣщанное письмо. Однако ничего не было. Удивленный и взволнованный, сыщикъ сталъ перелистывать страницы книги и, наконецъ, къ великой своей радости онъ увидѣлъ, что два листа склеены и между ними находится какой-то предметъ. Разорвавъ бумагу, онъ обнаружилъ тонкое письмо и тщательно завернутый пакетъ.

Онъ зажегъ свѣчу и прочелъ письмо:

— Перепилить рѣшетку. Сегодня ночью обязательно. Завтра должны отправить въ Вѣну. Два сторожа подкуплены. Опасаться только наружныхъ. Быть къ полночи въ „Маленькомъ дворѣ“. Тамъ безопасно.

Судоржно схвативъ присланный пакетъ, Ольмюцъ увидѣлъ въ немъ нѣсколько стальныхъ пилокъ.

— Свобода,—воскликнулъ онъ,—свобода. Теперь не сдобровать вамъ, господинъ фонъ-Рокебургъ.

Въ газетѣ появилась замѣтка:

Бѣгство сыщика изъ заключенія.

„Какъ сообщалось во вчерашнемъ номерѣ, нѣкій Августъ Ольмюцъ, агентъ тайной полиціи, заподозрѣнный въ политическомъ преступленіи, былъ вчера арестованъ извѣстнымъ барономъ фонъ-Рокебургомъ и заключенъ въ одиночную камеру. Сегодня, въ 5 часовъ утра, при восходѣ солнца, входившій караулъ обратилъ вниманіе, что рѣшетка одной изъ камеръ перепилена. Это была камера Ольмюца, которому удалось, выпиливъ стальные брусья, незамѣтно перелѣзть ограду и скрыться. Ведется тщательное слѣдствіе".

Узнавъ о бѣгствѣ Ольмюца, баронъ фонъ-Рокебургъ понялъ, что это не обошлось безъ содѣйствія графа Канемарка. Майоръ немедленно отправился къ начальнику полиціи и потребовалъ отъ него самаго рѣшительнаго разслѣдованія. Онъ принялъ участіе въ осмотрѣ мѣста происшествія, т.-е. камеры заключеннаго, но никакихъ указаній не было получено. Евангеліе не обратило не себя никакого вниманія, такъ какъ предполагалось, что это одна изъ тюремныхъ книгъ.

Фонъ-Рокебургъ былъ не только недоволенъ бѣгствомъ сыщика, но и сильно обезпокоенъ. Ольмюцъ былъ теперь его личнымъ и злѣйшимъ врагомъ, кромѣ того онъ являлся сильнымъ орудіемъ въ рукахъ враждебнаго графа Канемарка. Свобода Ольмюца была угроза безопасности барона. Поэтому послѣдній рѣшился бороться, не покладая оружія. Онъ потребовалъ опубликованія фотографіи бѣглеца и назначилъ изъ собственныхъ средствъ 1000 кронъ за его поимку. Одновременно съ этимъ онъ пригласилъ на свою службу трехъ полицейскихъ агентовъ, лично знавшихъ Ольмюца, и поручилъ имъ обойти всѣ загородные кварталы, а также присутствовать при отходѣ поѣздовъ дальняго слѣдованія.

Въ тотъ же день, въ 4 часа дня, когда баронъ собирался къ обѣду, къ крыльцу его дома подъѣхалъ фіакръ и изъ него вышелъ господинъ средняго роста со свѣтлыми волосами и небольшой русой бородкой. Увѣренно, какъ человѣкъ, хорошо знакомый, онъ прошелъ въ вестибюль, скинулъ пальто и направился въ столовую, безъ доклада.

Баронъ только-что сѣлъ за столъ, какъ вдругъ увидѣлъ вошедшаго человѣка. Лицо его выразило радостное удивленіе; онъ оживленно поднялся и привѣтливо произнесъ:

— Не ждалъ васъ такъ скоро, мой другъ, но вы сдѣлали очень хорошо, что поспѣшили съ пріѣздомъ.

— Получивъ вашу телеграмму,—отвѣтилъ новоприбывшій, — я понялъ, что у васъ есть важныя новости.

— Да, да, Морицъ, — отвѣтилъ майоръ. — За послѣдніе дни произошло много новаго и важнаго. Послѣ обѣда, наединѣ я изложу вамъ положеніе дѣлъ.

Въ продолженіе трапезы весело бесѣдовали оба собесѣдника, а затѣмъ они прошли въ знакомый намъ кабинетъ, заперли двери и усѣлись въ мягкія кресла.

Баронъ разсказалъ Морицу исторію пріѣзда Канемарка, предложеніе вступить въ члены „тайнаго общества“, приключенія съ Ольмюцемъ и бѣгство послѣдняго.

Затѣмъ фонъ-Рокебургъ приступилъ къ изложенію своихъ дальнѣйшихъ намѣреній.

— Сегодня ночью,–сказалъ онъ,–я, ѣду въ Вѣну. Графъ Канемаркъ, видимо, подкапывается подъ меня, поэтому необходимо укрѣпить свое положеніе на мѣстѣ. Васъ я попрошу остаться хозяиномъ въ моемъ домѣ, слѣдить по газетамъ за развитіемъ дѣла и въ случаѣ чего немедленно сообщить мнѣ.

— Признателенъ вамъ за довѣріе,—отвѣтилъ Морицъ, — но не опасаетесь ли вы, что Канемаркъ можетъ ворваться въ домъ и устранить меня съ дороги, пользуясь своими неограниченными полномочіями.

— За себя вамъ опасаться не придется,–возразилъ баронъ, — такъ какъ я сумѣю обезопасить вашу лич-

ность. Что же касается вторженія, то оно возможно, но за это самоуправство графъ дорого заплатитъ передъ обществомъ.

— Что же вы намѣрены предпринять въ Вѣнѣ?

— Я постараюсь поколебать полное довѣріе къ Канемарку. Надо нанести ему ударъ раньше, чѣмъ онъ успѣетъ нанести его мнѣ.

— Но у васъ нѣтъ на рукахъ никакихъ фактовъ!

— Больше, чѣмъ у него.

— Но все же не совѣтую вамъ сжигать свои корабли и очистить путь для отступленія.

— Это обстоятельство я въ достаточной мѣрѣ обдумалъ. Мнѣ далеко не такъ легко будетъ покинуть Австрію, какъ, напримѣръ Ржевику. По всей вѣроятности, всѣ пограничныя станціи будутъ знакомы съ описаніемъ моей наружности. Но я отвлеку погоню тѣмъ, что прямо укажу, куда ѣду.

— Какъ,—воскликнулъ Морицъ,—что вы намѣрены сдѣлать?

— Мой расчеть простъ и вѣренъ,—отвѣтилъ баронъ съ улыбкой.—Я оставлю имъ письмо съ увѣдомленіемъ, что бѣгу къ швейцарской границѣ. Дѣйствительно, я поѣду въ Швейцарію, но они не повѣрятъ мнѣ и будутъ особенно рыскать на границѣ съ Россіей.

— Вашъ расчетъ можетъ быть угаданъ,—возразилъ Морицъ.

— Безусловно, но все же этотъ маневръ даетъ лишній шансъ на удачу. Главное же, чего я опасаюсь въ настоящій моментъ, это вліянія Канемарка на эрцгерцога и императора съ цѣлью освобожденія Ольмюца. Сыщикъ мнѣ крайне опасенъ. — Однако,— перебилъ онъ самаго себя,—нельзя забывать и васъ, мой другъ. Въ случаѣ, если Канемаркъ рискнетъ произвести обыскъ, вамъ надлежитъ поступать слѣдующимъ образомъ: поручите одному изъ слугъ дежурить у дверей. Онъ предупредитъ васъ объ опасности, и вы скроетесь въ одномъ мѣстѣ, которое я вамъ укажу.

Съ этими словами баронъ поднялся, отодвинулъ небольшой шкапъ съ книгами и нажалъ скрытую за

нимъ и заклееную обоями едва замѣтную кнопку. Черезъ секунду раздался легкій трескъ, часть стѣны какъ бы вдавилась, образуя нишу, достаточную для вмѣщенія двухъ человѣкъ.

— Если явится полиція,— сказалъ офицеръ,—вы поступите такъ, какъ сдѣлалъ только что я. Затѣмъ вы войдете въ образовавшееся отверстіе, придвинете шкапъ при помощи специальной ручки и опять нажмете кнопку. Дверцы закроются сами собой, не оставя никакого слѣда. Стѣнки настолько тонки, что, находясь внутри, вы можете разслышать каждое слово, произнесенное въ кабинетѣ. Но у меня есть еще одно приспособленіе, далеко не такое невинное, какъ это! Если понадобится, я могу въ десять минутъ охватить весь домъ пожаромъ.

— Какъ,—изумился Морицъ,—что можетъ заставить васъ уничтожить этотъ роскошный особнякъ?

— Самооборона и стремленіе къ свободѣ,—отвѣтилъ фонъ-Рокебургъ и продолжалъ:—Видите вы здѣсь эту штуку на стѣнѣ, похожую на большой выключатель. Такія же приспособленія вы найдете и въ нѣкоторыхъ другихъ комнатахъ, а также въ этой тайной камерѣ. Достаточно отвинтить металлическую крышку и отвернуть скрытый подъ ней рычагъ, чтобы въ нѣсколькихъ опредѣленныхъ мѣстахъ разъединились электрическія провода. Они образуютъ между собою искру, которая воспламенитъ спеціально приспособленный горючій матеріалъ, обмотанный вокругъ проводовъ. Огонь съ разныхъ концовъ окружитъ домъ и также по проводамъ скоро проникнетъ въ погребъ, гдѣ хранятся взрывчатые матеріалы. Въ полчаса домъ будетъ представлять гиганскій костеръ.

— Зачѣмъ же всѣ эти приготовленія,—спросилъ Морицъ, которому стало жутко отъ перспективы разрушенія такого прекраснаго сооруженія.

— Если обыскъ откроетъ что нибудь меня компрометирующее, то домъ будетъ опечатанъ. Тогда необходимо его уничтожить.

— Слѣдоватено, вы даете мнѣ порученіе сжечь вашъ особнякъ въ случаѣ крайней опасности?—спросилъ Морицъ, взволнованно.

Да, мой другъ, я даю вамъ на это всѣ полномочія.

ГЛАВА V.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Вѣну баронъ отправился къ фонъ-Ротерштейну. Онъ не былъ особенно близко знакомъ съ полковникомъ, однако недавнее зачисленіе въ члены общества требовало отъ него офиціальнаго визита секретарю.

Фонъ-Ротерштейнъ принялъ гостя съ большимъ радушіемъ.

— Я крайне радъ, баронъ, видѣть васъ у себя,— сказалъ онъ.—Вотъ уже два года, какъ я не имѣлъ удовольствія съ вами встрѣчаться.

— Я также,—отвѣтилъ майоръ,—крайне сожалѣю, что моя оторванность отъ Вѣны не давала мнѣ возможности быть въ вашемъ обществѣ. Теперь же мнѣ будетъ это тѣмъ пріятно, такъ какъ насъ объединяетъ общее дѣло.

— Да,—произнесъ фонъ-Ротерштейнъ.—Вы были удостоены высшаго довѣрія императора и, будемъ надѣяться, что рука объ руку съ нашими товарищами мы достигнемъ предначертанной цѣли и съ честью послужимъ дорогому отечеству.

—О!—воскликнулъ майоръ,—я клянусь вамъ, что, доколѣ баронъ фонъ-Рокебургъ носитъ этотъ мундиръ, онъ принесетъ всѣ жертвы для блага Австріи.

— Благодарю васъ, мой другъ,—сказалъ полковникъ, пожимая руку своему гостю, и добавилъ:

— Сила нашего общества заключается въ дружбѣ и единствѣ его членовъ. Подъ мудрымъ руководствомъ императора и наслѣднаго эрцгерцога мы побѣдимъ внутреннихъ враговъ двуединой монархіи, залѣчимъ ее

язвы и сдѣлаемъ Австрію мощной для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ.

— Я не сомнѣваюсь въ окончательномъ успѣхѣ нашего благороднаго дѣла,—произнесъ баронъ фонъ-Рокебургъ.—Однако, къ великому огорченію сѣмя раздора уже упало на почву тайнаго общества.

— Какъ я могу понимать васъ?—удивился полковникъ.

— Дѣло въ томъ, — пояснилъ фонъ-Рокебургъ,— что графъ Канемаркъ, передавшій мнѣ высшія полномочія и явившійся въ мой домъ, какъ старый знакомый, вдругъ по совершенно непонятнымъ причинамъ рѣзко измѣнилъ свое отношеніе ко мнѣ. Я не хотѣлъ бы далѣе распространяться, такъ какъ подобныя дѣла могутъ бросить тѣнь на графа...

— Нѣтъ, говорите,—сказалъ полковникъ встревоженно.—Мнѣ крайне важно знать, что могло произойти между вами.

— Между нами,—продолжалъ фонъ-Рокебургъ,— собственно говоря ничего не произошло. Я повторяю, что даже не могу догадываться о характерѣ основаній возникшаго ко мнѣ со стороны графа недовѣрія. Однако онъ не ограничился одними подозрѣніями и позволилъ себѣ прямыя враждебныя дѣйствія. Онъ подослалъ сыщика Ольмюца выслѣдить меня, при чемъ этотъ сыщикъ оказался лицомъ столь неблагонадежнымъ въ политическомъ отношеніи, что я принужденъ былъ арестовать его. Онъ предупредилъ ротмистра Ржевика о готовившемся арестѣ и этимъ способствовалъ его бѣгству.

— Исторія съ Ольмюцемъ мнѣ знакома,—произнесъ фонъ-Ротерштейнъ.—Но я никакъ не могъ предполагать, что имя сыщика стоитъ въ связи съ графомъ Канемаркомъ.

— Это, дѣйствительно, крайне странно,—замѣтилъ баронъ,—а роли ихъ столь противоположны, что положеніе становится запутаннымъ. Въ то же время внезапное исчезновеніе арестованнаго изъ главной тюрьмы...

— Какъ! — воскликнулъ полковникъ, — Ольмюцъ бѣжалъ?

— Онъ скрылся въ первую же ночь послѣ заключенія.

— Это крайне усложняетъ дѣло, — произнесъ фонъ-Ротерштейнъ съ заботой въ голосѣ.—Какъ вы думаете, причастенъ ли къ этому Канемаркъ?

— Я не смѣю строить никакихъ предположеній,—отвѣтилъ баронъ,—которыя бы выставляли члена тайнаго общества съ дурной стороны.

— Я прошу васъ высказаться вполнѣ объективно.

— Съ этой точки зрѣнія я увѣренъ, что графъ Канемаркъ способствовалъ бѣгству Ольмюца.

Нѣкоторое время офицеры хранили молчаніе, причемъ лицо фонъ-Ротерштейна было грустно и выражало глубокое волненіе.

— Мнѣ крайне прискорбно это слышать,—произнесъ онъ наконецъ.

— Положеніе усложняется тѣмъ, — продолжалъ баронъ,—что графъ питаетъ ко мнѣ не личную враждебность, а основанную на той же политической почвѣ.

— Неужели онъ подозрѣваетъ васъ въ измѣнѣ?

— Я не знаю точно, въ чемъ онъ меня подозрѣваетъ. Во всякомъ случаѣ его обвиненія весьма тяжкаго характера. Онъ, видимо, старается свалить на меня причины исчезновенія ротмистра Ржевика.

— Это переходитъ всякія границы,—воскликнулъ фонъ-Ротерштейнъ.—Будучи самъ, на краю пропасти, почти уличенный въ сообществѣ съ врагами отечества, онъ смѣетъ бросить подобное обвиненіе безупречному офицеру. Повѣрьте баронъ, что никто никогда не поколеблется въ увѣренности въ вашу преданность и честность.

— Благодарю васъ, полковникъ,—отвѣтилъ фонъ-Рокебургъ.—Я надѣюсь, что оправдаю довѣріе.

— Однако, — спросилъ фонъ-Ротерштейнъ, — что вы посовѣтуете предпринять для выясненія истинной личности графа Канемарка?

— Въ данномъ случаѣ я ничего не смѣю совѣтовать. Графъ самъ сдѣлалъ меня своимъ личнымъ

врагомъ, но я не хочу проявлять по отношенію къ нему активной непріязни.

— Вы могли бы сдѣлать это изъ чувства самообороны,—замѣтилъ полковникъ.

— Моя полная невинность служитъ достаточной защитой,—отвѣтилъ баронъ.—Австрія знаетъ справедливость.

— Если вы не хотите облегчить мою работу,—сказалъ фонъ-Ротерштейнъ,—въ данномъ случаѣ столь сложную и крайне непріятную, то мнѣ придется прибѣгнуть къ весьма рѣшительнымъ мѣрамъ. Я постараюсь лишить графа Канемарка его полномочій. Во всякомъ случаѣ, дѣло не останется невыясненнымъ.

— Я буду радъ этому, — произнесъ фонъ-Рокебургъ,—и не столько за себя, сколько за наше общество.

Затѣмъ офицеры простились.

Благополучно преодолѣвъ всѣ препятствія и проскользнувъ незамѣтно мимо сторожей, Ольмюцъ къ 11 часамъ ночи добрался до гостинницы „Kleiner Hof“. Здѣсь онъ засталъ графа Канемарка, съ нетерпѣніемъ его дожидавшагося. Графъ торопилъ его переодѣться и сбрить бороду, чтобы не былъ случайно узраннымъ.

Они уѣзжали въ Вѣну съ послѣднимъ поѣздомъ.

По дорогѣ они мало разговаривали. Впереди имъ предстояло много трудной работы и крайне рискованныхъ положеній, такъ какъ противникъ занялъ слишкомъ сильныя позиціи. Но они не знали и не могли предполагать, что фонъ - Рокебургъ уже опередилъ ихъ и два часа тому назадъ отбылъ въ столицу.

Графъ Канемаркъ намѣревался повліять на высшихъ членовъ общества и, можетъ быть, на самого эрцгерцога въ томъ направленіи, чтобы они разрѣшили ему произвести активное разслѣдованіе личности и дѣятельности фонъ - Рокебурга. Увѣренный въ причастности послѣдняго къ дѣлу иностранной пропаганды, графъ не имѣлъ на рукахъ не только уликъ, но даже какихъ-нибудь серьезныхъ основаній, возникшихъ въ немъ подозрѣній. Онъ крайне опасался разоблаченія своей совмѣстной съ Ольмюцемъ дѣятельности и по-

этому, по мѣрѣ приближенія къ Вѣнѣ, его волненіе возрастало.

Прибывъ въ Вѣну черезъ день утромъ, благодаря значительной задержкѣ въ пути, графъ Канемаркъ позаботился о судьбѣ Ольмюца и предоставилъ въ его распоряженіе свою квартиру на Рингѣ.

Къ четыремъ часамъ по-полудни, приведя въ порядокъ нѣкоторыя неотложныя дѣла, онъ явился къ фонъ-Ротерштейну, немного спустя послѣ того, какъ полковника покинулъ баронъ Рокебургъ.

Мысли секретаря тайнаго общества, оставшагося подъ живымъ впечатлѣніемъ бесѣды съ майоромъ, были какъ разъ заняты судьбой Канемарка и тѣми мѣрами, которыя надо было предпринять.

Въ этотъ моментъ ему доложили о пріѣздѣ графа.

Хотя полковнику этотъ визитъ былъ крайне непріятенъ, онъ рѣшилъ не избѣгать встрѣчи, чтобы вывести собственное заключеніе о положеніи дѣлъ.

Однако, графъ Канемаркъ, пожимая руку офицеру, былъ сразу непріятно пораженъ строгостью его взгляда и холодностью привѣтствія.

Онъ старался показать, что не обратилъ на это вниманія, и произнесъ:

— Меня, дорогой полковникъ, привело къ вамъ важное дѣло. Неустанная работа на пользу нашего общества натолкнула меня на столь странныя обстоятельства, что я не могъ въ нихъ самостоятельно разобраться.

— Да,—отвѣтилъ фонъ-Ротерштейнъ, устремивъ на графа пристальный взоръ и отчеканивая каждое слово.— Мнѣ также пришлось къ несчастью натолкнуться на весьма непонятныя обстоятельства...

— Могу ли я узнать, въ чемъ они заключаются?— спросилъ Канемаркъ, пораженный тономъ офицера, но стараясь не показать своего смущенія.

— Раньше позвольте мнѣ ознакомиться съ вашими необыкновенными открытіями,—отвѣтилъ фонъ-Ротерштейнъ.

— Я съ удовольствіемъ изложу ихъ вамъ,—сказалъ графъ и продолжалъ:—Дѣло въ томъ, что, какъ

вамъ извѣстно, мнѣ было поручено эрцгерцогомъ передать предложеніе участвовать въ обществѣ кавалерійскому майору фонъ-Рокебургу изъ Праги...

— А! — воскликнулъ фонъ-Ротерштейнъ, услышавъ, о комъ идетъ рѣчь.—Наши наблюденія имѣютъ много общаго.

— Вотъ какъ,—замѣтилъ Канемаркъ довольнымъ тономъ.—Я очень радъ этому и, надѣюсь, вы скоро согласитесь съ моими выводами.

Говоря такъ, онъ не замѣтилъ саркастической улыбки, скользнувшей по лицу офицера.

— Итакъ,—произнесъ графъ,—я явился въ домъ фонъ-Рокебурга и изложилъ ему суть дѣла. Однако, вопреки моимъ ожиданіямъ, баронъ не только не былъ польщенъ довѣріемъ, оказаннымъ ему императоромъ, не только не выразилъ благодарности и готовности служить отечеству, но даже пустился въ критику, находя дѣятельность общества нецѣлесообразной. Это странно меня поразило, и я, признаюсь, почувствовалъ нѣчто въ родѣ непріязни и подозрѣнія, въ особенности, когда узналъ, что его автомобиль сдѣланъ въ Россіи.

— Такъ вотъ на чемъ все это основано,—воскликнулъ фонъ-Ротерштейнъ, будучи не въ силахъ удержаться отъ смѣха.—О! это вѣскія улики.

— Нѣтъ, нѣтъ,—замѣтилъ Канемаркъ смущенно.— Это было только толчкомъ. Считая своимъ долгомъ строго проконтролировать личность того, кому я передаю высшія полномочія, я произвелъ за барономъ рядъ наблюденій и установилъ, что онъ имѣлъ сношенія съ ротмистромъ Ржевикомъ, о предстоящемъ арестѣ котораго я имѣлъ неосторожность ему сказать.

— Вы сами производили наблюденія?—спросилъ полковникъ.

— Да, самъ,—отвѣтилъ Канемаркъ.

— Это ложь! — вскричалъ фонъ-Ротертшейнъ.— Барона выслѣживалъ по вашему приказанію сыщикъ Ольмюцъ. Это онъ предупредилъ Ржевика о необходимости покинуть Австрію, и нынѣ не фонъ-Рокебургъ, а вы обвиняетесь въ государственной измѣнѣ. Намъ

извѣстно, что Ольмюцъ бѣжалъ изъ тюрьмы, и это, конечно, не обошлось безъ вашего благосклоннаго участія.

Эти слова, произнесенныя громовымъ голосомъ, совершенно ошеломили графа Канемарка, и онъ не зналъ, что отвѣтить. Наконецъ, едва переводя духъ, онъ прошепталъ:

— Я докажу вамъ. Я докажу, кто истинный измѣнникъ. Или я, или онъ. Одинъ изъ насъ долженъ погибнуть!

И даже не простившись, онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Въ этотъ моментъ графъ рѣшилъ, поставить на карту свою честь и даже существованіе, проникнуть въ тайну фонъ-Рокебурга и вырвать ее, чего бы это ему ни стоило.

Какое-то смутное предчувствіе говорило фонъ-Рокебургу, что его дѣятельность близится къ концу. Канемаркъ не положитъ оружія, пока не побѣдитъ.

Судьба Морица также безпокоила барона. Было невозможно теперь вернуться въ Прагу, ибо въ его отсутствіе Канемаркъ могъ склонить членовъ общества на свою сторону.

Поэтому, какъ бы принимая во вниманіе близкій конецъ своей семилѣтней работы, фонъ - Рокебургъ рѣшилъ воспользоваться послѣдними днями пребыванія въ Вѣнѣ.

Какъ извѣстно читателю, баронъ получилъ отъ Морица шифрованное посланіе, въ которомъ указывалась главная перегрупировка австрійскихъ войскъ, а также предводители ихъ въ предстоящей кампаніи съ Россіей. Этими намѣченными предводителями были генералъ-инспектора: Данкль, фонъ-Ауфенбергъ и фонъ-Брудерманъ.

Къ первому изъ нихъ фонъ-Рокебургъ отправился съ визитомъ, поводомъ къ которому были ихъ прежнія служебныя отношенія, а также частное знакомство. Истинная же причина, приведшая барона въ домъ генералъ - инспектора, заключалась въ желаніи разу-

знать его взгляды на положенiе международныхъ дѣлъ и военныя соображенiя.

Генералъ принялъ фонъ - Рокебурга весьма привѣтливо.

— Мы съ вами давно не видѣлись, майоръ, — сказалъ онъ. — Однако я никогда не забуду вашей усердной и преданной службы подъ моимъ начальствомъ въ императорской гвардiи.

— Я съ своей стороны, — отвѣтилъ фонъ-Рокебургъ,—съ восхищенiемъ вспоминаю то время, когда видѣлъ васъ во главѣ гвардейскихъ корпусовъ. И, если Австрiи суждено будетъ стать съ оружiемъ противъ врага, нѣтъ сомнѣнiя, что вы, генералъ, поведете императорскiя войска къ побѣдѣ.

Эти слова польстили инспектору, и, не скрывая своего удовольствiя, онъ произнесъ:

— Будемъ надѣяться, что часъ славы близокъ. Не утаю отъ Васъ, мой другъ, что армiя, которой предназначено вторгнуться въ предѣлы русской Польши, пойдетъ подъ моимъ командованiемъ.

— Да,—сказалъ фонъ-Рокебургъ.—Близокъ тотъ часъ, когда Австрiя обнажитъ мечъ во славу Всемогущаго и со всей силой опуститъ его на врага.

— Такъ вы освѣдомлены о близости войны? — спросилъ инспекторъ.

— Ее можно замѣтить въ каждомъ шагѣ нашей дипломатiи. Она читается между строкъ дипломатическихъ документовъ.

— Вы правы, мой другъ, — произнесъ Данкль, опуская руку на плечо молодого офицера. — Война ближе, чѣмъ это можно предполагать. Дни грозныхъ боевъ и великой славы стоятъ у порога исторiи. Весь мiръ изумится доблести и могуществу нѣмецкихъ державъ. Австрiя вѣнчается вѣнкомъ побѣды!

— Да благословитъ Господь императорское королевское оружiе,—воскликнулъ фонъ-Рокебургъ, хорошо имитируя воодушевленiе.—Наша армiя непобѣдима.

— Да,—сказалъ инспекторъ.—Тяжкiя раны, нанесенныя намъ подъ Кенигрецомъ, не остались безслѣдными. Наши войска, преобразованныя, перевооружен-

ныя, руководимыя блестящими стратегами, погонятъ передъ собой полки русскихъ, какъ стадо овецъ. Варшава и Кіевъ — вотъ мѣста, которыя станутъ памятниками нашей славы.

На это фонъ-Рокебургъ ничего не сказалъ, и легкая блѣдность покрыла его лицо. Ему стало непріятно продолжать разговоръ съ генераломъ послѣ оскорбленія, нанесеннаго имъ русскимъ войскамъ, но, желая еще кое-что вывѣдать у него, онъ произнесъ:

— Нѣтъ сомнѣнія, что и другіе предводители австрійской арміи будутъ на высотѣ своего положенія.

— Мои товарищи,— отвѣтилъ инспекторъ,—генералы фонъ-Афенбергъ и фонъ-Брудерманъ, намѣченные эрцгерцогомъ для командованія восточными арміями,—выдающіеся полководцы.

— О!—воскликнулъ фонъ-Рокебургъ, дѣлая видъ, что впервые узнаетъ о назначеніи упомянутыхъ инспекторовъ. — Эти генералы заслужатъ благодарность австрійскаго трона и народа. Они показали себя въ прошлогоднихъ маневрахъ „на Варшаву“.

— Да,—замѣтилъ Данкль,—походъ „на Варшаву“ былъ разыгранъ мастерски. Нѣтъ сомнѣнія, что черезъ недѣлю послѣ начала войны наши батальоны займутъ польскую столицу.

На этихъ пожеланіяхъ и похвальбѣ кончился разговоръ офицеровъ.

Фонъ-Рокебургъ, почтительно простившись съ генералъ-инспекторомъ, покинулъ его домъ.

„Итакъ,—думалъ баронъ, — свѣдѣнія, собранныя Морицемъ, оказались правильны. Мы стоимъ передъ эпохой великой войны. О, Австрія! какъ жалка самонадѣянность тѣхъ генераловъ, которые поведутъ твои пестрыя и разноязычныя войска противъ несокрушимой силы русской арміи!“

И, вмѣстѣ съ этими мыслями, ему приходили въ голову другія размышленія.

Какъ разъ теперь, передъ грознымъ пожаромъ Европы, Австрія почувствовала въ себѣ тайнаго врага.

Не пора ли оставить эти предѣлы, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ, какъ честный офицеръ, стать на защиту родныхъ рубежей?

Вернувшись къ себѣ, фонъ-Рокебургъ нашелъ шифрованную телеграмму отъ Морица, которую раскрылъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ. То, что онъ узналъ, было поистинѣ потрясающимъ:

„Канемаркъ произвелъ обыскъ. Желѣзный шкапъ взломанъ. Я спрятался въ застѣнкѣ. Въ послѣдній моментъ домъ былъ взорванъ. Однако часть бумагъ похищена. Графъ уѣхалъ въ Вѣну. Спѣшите оставить Австрію. Морицъ. Прага“.

Офицеръ тяжело опустился въ кресло. Въ первый разъ почувствовалъ онъ, что почва уходитъ у него изъ-подъ ногъ.

„Кампанія кончена,—подумалъ онъ.—Пора подводить счеты съ Австріей. Неужели столько титаническихъ усилій останется безплодными? Нѣтъ! Въ день войны Австрія вспомнитъ обо мнѣ!“

Онъ подумалъ о своемъ прекрасномъ пражскомъ особнякѣ, теперь обращенномъ въ груду развалинъ, и ему стало грустно на душѣ.

— Прощай, Прага,—сказалъ онъ.—Прощай, все, что я полюбилъ здѣсь, въ этой вражеской странѣ.

Затѣмъ онъ сталъ поспѣшно готовиться къ отъѣзду. Онъ разбиралъ свои бумаги, намѣреваясь взять съ собой только самыя необходимыя.

Случайно натолкнувшись на записку, переданную нѣкогда ему Ольмюцемъ отъ графа Канемарка, онъ положилъ ее въ свой портфель.

ГЛАВА VI.

Совершивъ свой незаконный набѣгъ въ домъ фонъ-Рокебурга и, несмотря на неожиданный пожаръ, взрывъ и разрушеніе, графъ Канемаркъ узналъ все, что ему было нужно, и даже болѣе, того, что могъ предполагать. Однако, чтобы окончательно восторжествовать надъ разоблаченнымъ барономъ, нельзя было мѣшкать, и онъ поспѣшилъ въ Вѣну.

Прибывъ въ столицу и зная нерасположенность къ себѣ полковника фонъ-Ротерштейна, онъ рѣшилъ обратиться непосредственно къ эрцгерцогу и черезъ него къ императору.

Было уже довольно поздно, когда онъ подъѣхалъ къ дворцу наслѣдника и просилъ доложить о себѣ.

Францъ-Фердинадъ, узнавъ о появленіи графа, не хотѣлъ было его принять, такъ какъ фонъ-Ротерштейнъ успѣлъ доложить ему о происшедшемъ между Канемаркомъ и барономъ разрывѣ.

Однако, ссылка графа на „объстоятельства величайшей важности“ принудила эрцгерцога согласиться, и онъ велѣлъ провести Канемарка въ кабинетъ.

Одновременно по телефону онъ вызвалъ во дворецъ фонъ-Ротерштейна.

Графъ Канемаркъ, появившись въ дверяхъ, остановился и почтительно поклонился эрцгерцогу. Послѣдній, отвѣтивъ легкимъ движеніемъ головы, произнесъ весьма сухо:

— Что привело васъ ко мнѣ графъ?

— Я не осмѣлился бы безпокоить ваше высочество,—отвѣтилъ Канемаркъ—если бы меня не побуждалъ на это долгъ службы.

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ Францъ-Фердинандъ.

— Ваше высочество,—отвѣтилъ спрошенный.— Послѣдніе пять дней были самыми тяжелыми днями моей жизни. Я пережилъ столько униженій и вынесъ столько волненій, что былъ на краю самоубійства. Враги такъ глубоко проникли въ нѣдра нашей страны, что сумѣли не только заслужить довѣріе къ себѣ, но и поколебать таковое по отношенію къ стариннымъ и испытаннымъ слугамъ Австріи.

— Кого подразумѣваете вы подъ врагами? — вставилъ эрцгерцогъ.

— Барона фонъ - Рокебурга. Теперь, ваше высочество, я имѣю на рукахъ неоспоримыя доказательства. Тотъ, въ комъ мы видѣли австрійскаго аристократа, никто иной, какъ подосланный Россіей шпіонъ и пропагандистъ.

— Что!—вскричалъ наслѣдникъ, вскакивая и замѣтно мѣняясь въ лицѣ,—Баронъ фонъ-Рокебургъ— русскій шпіонъ?

— Это такъ, ваше высочество, — подтвердилъ графъ Канемаркъ. — Я имѣю большую часть его переписки, и вся система пропаганды раскрыта передо мною.

Въ этотъ моментъ въ комнату вошелъ фонъ-Ротерштейнъ. Онъ былъ весьма удивленъ присутствіемъ графа, и удивленіе его возросло, когда Канемаркъ повторилъ ему суть дѣла.

Не вѣря своимъ ушамъ и сомнѣваясь въ правдивости словъ графа, полковникъ бросился къ бумагамъ; но даже поверхностный осмотръ ихъ развернулъ передъ нимъ потрясающую картину.

— Ваше высочество,—произнесъ Канемаркъ, видя, что его предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ.—Вы можете удостовѣриться въ томъ, что мои подозрѣнія были вполнѣ основательны. Майоръ фонъ-Рокебургъ — русскій шпіонъ. Измѣна проникла въ самое сердце Австріи.

— Да,—подтвердилъ фонъ-Ротерштейнъ, отлагая въ сторону разоблачительные документы. — Всякія сомнѣнія падаютъ.

— Откуда вы раздобыли эти бумаги?—спросилъ эрцгерцогъ.

— Ваше высочество,—отвѣтилъ Канемаркъ.—Я насильственно проникъ въ домъ фонъ-Рокебурга и вырвалъ ихъ оттуда, несмотря на многочисленныя препятствія. Этотъ путь былъ безусловно незаконенъ, но... цѣль оправдываетъ средства.

На это эрцгерцогъ ничего не отвѣтилъ и спустя нѣкоторое время спросилъ:

— Что же вы намѣрены предпринять?

— Во что бы то ни стало задержать мнимаго барона,—произнесъ Канемаркъ. А такъ какъ онъ, навѣрное, уже покинулъ Вѣну, то надо прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ.

— Какимъ же именно?—освѣдомился наслѣдникъ.

— Первымъ дѣломъ я долженъ просить ваше высочество освободить арестованнаго и затѣмъ бѣжавшаго Ольмюца отъ возведеннаго на него обвиненія. Послѣднее послѣ разоблаченія Рокебурга падаетъ само собой. Ольмюцъ долженъ получить свободу дѣйствій.

— Какъ же можно довѣрить человѣку, бѣжавшему изъ тюрьмы?—замѣтилъ эрцгерцогъ.

— Это необходимо для пользы дѣла, ваше высочество. Только Ольмюцъ можетъ успѣть задержать барона. Арестъ же послѣдняго долженъ быть весьма полезенъ для выясненія дѣятельности славянскихъ пропагандистовъ.

Эрцгерцогъ долго молчалъ. Измѣна фонъ-Рокебурга, которому онъ довѣрялъ, была для него тяже-

лымъ ударомъ. Онъ чувствовалъ теперь ненависть къ этому предателю и рѣшилъ не разбираться въ средствахъ, чтобы задержать его.

— Я согласенъ способствовать помилованію Ольмюца и дать право на арестъ фонъ-Рокебурга,—произнесъ наслѣдникъ. — Передайте, полковникъ, мою волю канцеляріи императора и распорядитесь, чтобы сыщикъ былъ немедленно объ этомъ извѣщенъ.

— Ваше высочество, — замѣтилъ графъ.— Надо прибѣгнуть еще къ одной мѣрѣ. Пограничныя станціи должны быть увѣдомлены о необходимости задержать барона фонъ-Рокебурга или всякое лицо, подходящее по описанію къ его наружности, а также надо предупредить пограничную стражу, что я, графъ Канемаркъ, и сыщикъ Ольмюцъ пользуемся особыми полномочіями въ розыскахъ государственнаго преступника.

— Я согласенъ на все,—отвѣтилъ Францъ-Фердинандъ,—и предоставляю вамъ, господа, поступать, какъ вы находите нужнымъ.

Фонъ-Рокебургъ покинулъ Вѣну съ одиннадцатичасовымъ поѣздомъ, идущимъ въ Швейцарію. До вечера не могло быть за нимъ погони, хотя онъ не зналъ этого и не выходилъ изъ купэ, чтобы никому не попадаться на глаза.

Онъ благополучно миновалъ полдороги, когда вѣнская полиція съ графомъ Канемаркомъ, Ольмюцемъ и полковникомъ фонъ-Ротерштейномъ во главѣ ворвалась въ его комнаты отеля.

— Какъ и слѣдовало ожидать, птичка упорхнула!— воскликнулъ Канемаркъ.

— Немедленно предпримемъ погоню!—

— Письмо на ваше имя, графъ,—замѣтилъ одинъ изъ полицейскихъ, беря со стола небольшой конвертъ. Дѣйствительно, это было прощальное посланіе мнимаго барона Канемарку.

Фонъ-Рокебургъ писалъ: „Любезный графъ. Шлю вамъ свое прости и, оставляя Австріи незабвенное наслѣдіе, смѣняю ее на болѣе привѣтливые предѣлы Швейцаріи“.

Это письмо привело въ ярость какъ Канемарка, такъ и полковника. Шпіонъ позволяетъ себѣ глумиться надъ ними. Онъ думаетъ обмануть ихъ, говоря, что ѣдетъ въ Швейцарію. Понятно, онъ бѣжитъ въ Россію.

Однако Ольмюцъ былъ несогласенъ съ ихъ мнѣніемъ. Онъ думаетъ, онъ увѣренъ, что Рокебургъ дѣйствительно ѣдетъ въ Швейцарію. До Россіи слишкомъ далеко, а въ Германію онъ не поѣдетъ, такъ какъ тамъ императорскій указъ о неприкосновенности безсиленъ и его могутъ арестовать по телеграфному приказу.

Такъ разсуждалъ Ольмюцъ, со свойственной ему проницательностью, угадывая маневръ Рокебурга.

Ольмюцъ поспѣшилъ вдогонку барону. Повсюду телеграфомъ разосланы инструкціи императорской канцеляріи. Желѣзнымъ кольцомъ замыкаются для шпіона предѣлы монархіи.

Австрія мститъ...

Узкая извилистая горная шоссейная дорога. Кругомъ необъятныя тѣснины и мрачные провалы, въ глубинѣ которыхъ съ рокотомъ бѣгутъ проворныя рѣки. Граница Австріи и Швейцаріи близъ Вадуца.

Одинокій путникъ въ походномъ костюмѣ, съ длинной палкой и почти безъ поклажи быстро идетъ впередъ. Онъ торопится, не прельщаясь красотами природы и не оглядываясь. Онъ внимательно, какъ бы съ подозрѣніемъ, осматриваетъ встрѣчныхъ и обгоняющихъ.

Наконецъ—Рейнъ, узкій и бурный въ этихъ мѣстахъ. Таможенная станція.

Къ путнику приближается чиновникъ и осматриваетъ его. Затѣмъ чиновникъ бесѣдуетъ со своимъ товарищемъ.

— Кто вы?—спрашиваетъ онъ пѣшехода.

— Развѣ моя внѣшность кажется вамъ подозрительной?—удивляется тотъ спокойно.

Пограничникъ мнется, не зная, что отвѣтить.

— Ели хотите,—да,—говоритъ его товарищъ.— Мы имѣемъ приказъ внимательно осматривать переходящихъ границу мужчинъ. Вы подходите къ даннымъ намъ примѣтамъ. Вашъ паспортъ!

— Одно слово. Кого вы должны арестовать?

— Человѣка, похожаго на васъ.

— Больше вы ничего не знаете?

— Больше ничего.

— Зачѣмъ же вамъ мой паспортъ? Онъ все равно ничего не скажетъ.

— Для формальности.

— А кому вы меня предоставляете?

— Нѣкоему Ольмюцу, который завтра будетъ въ Вадуцѣ.

— Можетъ быть эта бумажка вамъ что-нибудь уяснитъ,—говоритъ путникъ, протягивая чиновникамъ письмо.

Тѣ читаютъ:

„Симъ уполномачиваю Августа Ольмюца быть моимъ посредникомъ. Графъ Канемаркъ“.

Пограничники страшно смущены.

— Простите, господинъ Ольмюцъ, — говорятъ они.—Мы плохо разобрались въ данныхъ намъ указаніяхъ.

— Я сердечно прощаю васъ,—отвѣтилъ путникъ.

Онъ переходитъ Рейнъ.

Путникъ стоитъ на швейцарской горѣ. На востокѣ шумитъ Рейнъ, а за нимъ простирается Австрія.

Онъ долго смотритъ въ эту сторону. Взоръ его спокоенъ и ясенъ, но въ душѣ бушуетъ буря. Сколько переживаній въ такой короткій срокъ!

Онъ вспоминаетъ время, проведенное въ Австріи— семь лѣтъ.

И сердце его мало-по-малу заливается ненавистью.

„Будь проклята,—кричитъ онъ въ сторону австрійскихъ высотъ. — Будь проклята ты, ничтожная и коварная страна! Близокъ день русской войны! Finis Austriae“.

И эхо горъ повторило, растягивая слова: Finis Austriae!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Часть II.

„Мины и контръ-мины“.

ГЛАВА I.

Августъ Морицъ, прибывъ въ Вѣну поздно вечеромъ, сейчасъ же проѣхалъ къ себѣ домой на Анграбенштрассе. Здѣсь онъ приступилъ къ разборкѣ многочисленной корреспонденціи, накопившейся за время его отсутствія, и среди писемъ одинъ маленькій конвертъ съ причудливымъ штемпелемъ привлекъ его вниманіе. Распечатавъ его, онъ прочелъ:

„Когда вернетесь, немедленно приходите. Есть новости. П. М.“.

Эти краткія слова заставили, однако, Морица призадуматься, и онъ старался угадать, что новаго могло произойти въ работѣ его товарищей.

Погруженный въ размышленія, онъ долго ходилъ по своему кабинету и лишь много спустя вернулся къ письменному столу, за которымъ работалъ до глубокой ночи.

На слѣдующее утро Морицъ нанялъ фіакръ и направился въ кварталъ Гицинга, гдѣ остановился передъ маленькимъ особнякомъ. Войдя въ парадное крыльцо, онъ былъ любезно встрѣченъ высокимъ и статнымъ юношей, котораго назвалъ Петромъ. Сердечно поздоровавшись, они прошли въ обширный кабинетъ, освѣщенный высокими венеціанскими окнами, и приступили къ бесѣдѣ.

Молодой человѣкъ, встрѣтившій Морица, былъ Петръ Млейхъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей славянскаго общества. Намъ придется вскорѣ встрѣтиться и съ сестрой его, ловкость и находчивость которой часто оказывали неоцѣнимыя услуги нашимъ героямъ въ

борьбѣ съ ихъ могущественными врагами. Теперь Петръ распрашивалъ Морица объ его приключеніяхъ, а также о судьбѣ фонъ-Рокебурга, при чемъ оба собесѣдника выразили надежду, что ихъ товарищу удастся избѣжать опасности.

Вскорѣ въ комнату вошли двое молодыхъ людей, при чемъ появленіе одного изъ нихъ привело Морица въ крайнее изумленіе.

— Рамбецкій! — воскликнулъ онъ, — я не вѣрю своимъ глазамъ, что вижу васъ въ Вѣнѣ.

— Я и самъ не думалъ, что вернусь когда-нибудь въ австрійскую столицу, — отвѣтилъ молодой человѣкъ, привѣтливо пожимая Морицу руку. Затѣмъ, по общей просьбѣ, Рамбецкій приступилъ къ разсказу о своихъ скитаніяхъ.

Бѣжавъ, какъ извѣстно читателю со словъ графа Канемарка, изъ Вѣны совершенно неожиданно для окружающихъ, онъ добрался до Парижа, гдѣ встрѣтилъ много своихъ товарищей. Оттуда онъ привезъ важныя вѣсти, которыя являются причиной ихъ сегодняшняго собранія.

Затѣмъ Рамбецкій приступилъ къ изложенію этихъ новостей, которыя крайне интересовали присутствующихъ.

— Я не знаю точно, изъ какихъ источниковъ,— сказалъ молодой человѣкъ,— по среди нашей парижской колоніи стали распространяться упорные слухи, что одно изъ важнѣйшихъ лицъ Австріи въ союзѣ съ такимъ же высокимъ лицомъ Германіи рѣшило предпринять рядъ мѣръ, явно угрожающихъ не только австрійскимъ славянамъ, но и славянамъ вообще, въ лицѣ одной изъ малыхъ балканскихъ державъ. Конечно, было трудно получить какія бы то ни было подтвержденія возникшихъ толковъ, и мы было рѣшили махнуть на нихъ рукой, какъ вдругъ одна изъ сотрудницъ нашего дѣла, живущая въ Германіи, извѣщаетъ насъ, что ею изъ безукоризненнаго источника получены свѣдѣнія, дѣлающія существованіе заговора несомнѣннымъ. Обсудивъ дѣло, мы рѣшили энергично бороться, чтобы съ самаго начала во всеоружіи пред-

стать противъ грознаго врага. И взоры наши обратились первымъ дѣломъ на опаснѣйшаго ненавистника славянъ — наслѣднаго эрцгерцога. Нѣтъ сомнѣнія, что если антиславянскій заговоръ существуетъ, то Францъ-Фердинандъ стоитъ во главѣ его. Намъ конечно, извѣстно существованіе „тайнаго общества", но послѣднее, благодаря бездарности и неповоротливости большинства своихъ членовъ, можетъ преслѣдовать только оборонительныя цѣли. Итакъ, принимая во вниманіе могущество врага, располагающаго всѣми средствами и дѣйствующаго подъ покровительствомъ власти, мы рѣшили пользоваться противъ него его же оружіемъ, т.-е. силой. И, не имѣя за собой численности и военной организаціи, мы обладаемъ тѣмъ громаднымъ преимуществомъ, что можемъ нанести наши удары неожиданно. Однимъ словомъ, наше общество, поставивъ на карту существованіе славянства, рѣшилось дѣйствовать, не стѣсняясь средствами. Это будетъ незамѣтная, но смертельная борьба. Это будетъ терроръ.

— Терроръ!—воскликнулъ Морицъ пораженный.— Неужили славянство находитъ только такой жестокій способъ борьбы!

На это Рамбецкій возражалъ, что терроръ является единственнымъ средствомъ. Австрія душитъ славянъ, и пока не придетъ избавленіе извнѣ, надо защищаться, чтобы не погибнуть въ желѣзныхъ тискахъ. Россія рано или поздно явится освободительницей, но эта великая держава не можетъ преслѣдовать одну только узко-національную политику. Поэтому, пока что, надо обороняться собственными силами.

— Или вы хотите, чтобы наши братья были растоптаны подъ копытами швабскихъ коней?—закончилъ Рамбецкій.

Затѣмъ присутствующіе нѣкоторое время хранили молчаніе, обдумывая все услышанное, которое не могло ихъ не волновать.

Наконецъ, видимо принявъ какое-то твердое рѣшеніе, Морицъ произнесъ:

— Я старый слуга славянства. Я клялся служить и повиноваться его волѣ и на этотъ разъ готовъ головой пожертвовать ради него.

Эти слова были встрѣчены съ радостью присутствующими, которые въ свою очередь выразили желаніе сдѣлать все возможное для блага своего народа.

Затѣмъ Рамбецкій продолжалъ:

— Для каждаго изъ васъ обществомъ приготовлены инструкціи съ подробнымъ планомъ вашихъ дѣйствій.

Молодой человѣкъ досталъ три конверта съ надписанными фамиліями и передалъ ихъ по назначенію.

— Прочитайте ихъ дома,—сказалъ онъ,—и обдумайте. Замѣтивъ себѣ все что нужно, немедленно уничтожьте письма.

На этомъ они разошлись.

Войдя въ свой кабинетъ, Августъ Морицъ съ нетерпѣніемъ разорвалъ конвертъ и прочелъ письмо, содержаніе котораго не могло не заставить его вздрогнуть. Вотъ что тамъ значилось:

„Августъ Морицъ. На васъ, какъ на наиболѣе опытнаго и вѣрнаго сотрудника нашего, падаетъ жребій исполнить актъ великой важности. Не позднѣе 28-го іюня, собственной ли рукой, или наемной, вы должны устранить съ дороги эрцгерцога Франца-Фердинанда австрійскаго.

Для скорѣйшаго и успѣшнѣйшаго достиженія намѣченной цѣли вы пользуетесь правомъ во всей мѣрѣ распоряжаться общественными средствами и содѣйствіемъ членовъ союза“.

Прочтя эти повелительныя строки, Морицъ долго сидѣлъ въ задумчивости. Затѣмъ на угляхъ камина онъ уничтожилъ посланіе до тла.

ГЛАВА II.

Ночь уже спускалась надъ Парижемъ, и городъ-великанъ, широко раскинувъ свою дышащую грудь, блестѣлъ въ темнотѣ безчисленными огнями.

Былъ прекрасный теплый вечеръ. Звѣзды облѣпили темносиній небосводъ, точно отражая собой огни земли. Едва народившійся мѣсяцъ тонкимъ серпомъ съ высоты небесъ прорѣзалъ сгустившійся мракъ.

Въ 11 часовъ экспрессъ „Парижъ—Ліонъ—Средиземное море“ съ грохотомъ подошелъ къ дебаркадеру Ліонскаго вокзала, и изъ многочисленныхъ дверей высыпала пестрая толпа пассажировъ и направилась къ широкимъ выходамъ.

Изъ спальнаго вагона перваго класса, въ сопровожденіи носильщика, несшаго весьма немногочисленный багажъ, показался господинъ, средняго роста, широкоплечій и плотный, съ длинной, уже посѣдѣвшей бородкой. Онъ шелъ, не торопясь, и статная крѣпкая походка, быстрый и яркій взглядъ его, обличали въ немъ силу и молодость, идя какъ бы въ разрѣзъ съ сѣдѣющими волосами.

Выйдя на улицу, онъ остановился и стоялъ нѣкоторое время, точно всматриваясь въ кишащую передъ нимъ толпу. Затѣмъ онъ взялъ автомобиль и приказалъ ѣхать на площадь Вандомъ.

Отъ вокзала шофферъ свернулъ на набережную Сены.

Сѣдокъ приподнялся и устремилъ жадные взоры на спокойную рѣку и бѣгущіе по ней взадъ и впередъ пароходики. Взглядъ его выражалъ слѣпой восторгъ, и изрѣдка едва понятно онъ шепталъ про себя:

— Парижъ! Парижъ!

А столица міра шумѣла вокругъ него, и этотъ шумъ, столь характерный для великаго города Франціи, еще большимъ восторгомъ наполнялъ душу неизвѣстнаго путешественника.

Послѣдній, когда моторъ достигъ Тюльери, попросилъ шоффера сдѣлать крюкъ и ѣхать черезъ Согласіе. На площади онъ велѣлъ остановиться передъ памятникомъ Страсбургу.

Темный силуэтъ величавой женской фигуры—символа столицы Эльзаса—отчетливо выдѣлялся на фонѣ звѣзднаго неба, и казалось, тихой грустью вѣяло отъ этого увѣшаннаго траурными флагами памятника національнаго героя.

Неизвѣстный вышелъ изъ автомобиля, приблизился къ монументу и нѣкоторое время стоялъ, устремивъ на него взоры. Затѣмъ, въ порывѣ высокаго воодушевленія, онъ почти громко произнесъ:

— Здѣсь, передъ памятникомъ Страсбурга, я клянусь самъ передъ собой своей честью, что сдѣлаю все отъ себя зависящее, чтобы прекрасная Франція снова обрѣла эту древнюю провинцію. Ты, Страсбургъ, скоро снимешь съ себя траурные цвѣта.

Затѣмъ неизвѣстный вернулся въ карету и, погруженный въ свои мысли, даже не замѣтилъ, какъ подкатилъ къ отелю „Вандомъ".

Здѣсь онъ попросилъ отвести себѣ двѣ комнаты съ видомъ на площадь и, найдя подходящее помѣщеніе, расписался въ книгѣ для пріѣзжихъ:—„Артуръ Броунъ. Глазго".

Было уже около двѣнадцати, и новоприбывшій сталъ готовиться итти ко сну. Онъ заперъ за собой дверь, наглухо сдвинулъ занавѣски оконъ и опустился передъ большимъ туалетнымъ столомъ.

Всякій, имѣвшій возможность наблюдать за его поступками въ эту минуту, былъ крайне удивленъ увидѣннымъ.

Броунъ, намазавъ лицо вазелиномъ, аккуратно снялъ свою сѣдую бороду и парикъ, обнаживъ небольшіе черные усики и богатую природную шевелюру.

Если бы читатель взглянулъ теперь на столь измѣнившаго свою наружность путешественника, то навѣрное сразу бы узналъ въ немъ стараго знакомаго— майора барона Іоганна фонъ-Рокебурга изъ Праги.

Прорвавшись черезъ австрійскую границу, бывшій офицеръ имперской арміи впервые за семь лѣтъ вздохнулъ свободно и поспѣшилъ въ предѣлы Франціи, гдѣ могъ чувствовать себя въ безопасности. Обстоятельства, съ которыми уже знакомъ читатель, заставили фонъ-Рокебурга, или, какъ мы теперь его будемъ называть, Артура Броуна, прервать свою трудную дѣятельность въ самый разгаръ работы. Многое осталось неоконченнымъ, многія отношенія невыясненными, но двери Австріи были теперь навсегда заперты для недавняго еще любимца императорской гвардіи.

Однако и впереди было немало работы, не менѣе трудной и опасной, но и не менѣе плодотворной. Франція была для Броуна второй родиной, если и не по времени, въ предѣлахъ ея проведенному, то по тѣмъ симпатіямъ, которыя питалъ бывшій офицеръ къ прекрасной республикѣ, дружной и объединенной съ его истиннымъ великимъ отечествомъ.

Тфперь онъ ѣхалъ, чтобы принести свой трудъ на пользу Франціи и служить ей такъ же вѣрно, какъ служилъ Россіи.

Еще не пришло время стать въ ряды арміи, чтобы вести къ побѣдѣ грозныя войска Согласія; надо было еще подготовлять почву для успѣха въ будущемъ. И въ головѣ Броуна уже складывался планъ дѣйствій, еще неясный, но уже полный рискованныхъ положеній.

Что сулило ему будущее въ этой страшной игрѣ?

Утомленный продолжительными и безпрерывными переѣздами, Броунъ поспѣшилъ броситься въ постель, такъ какъ уже слѣдующій день вводилъ его въ разгаръ трудной и упорной работы, требующей большого напряженія умственныхъ и физическихъ силъ.

На слѣдующій день въ шесть часовъ вечера Артуръ Броунъ, подъ видомъ знакомаго намъ старика, подъѣхалъ къ одному изъ тѣхъ особняковъ, которые украшаютъ авеню Елисейскихъ полей. Пройдя

въ богатый вестибюль, онъ скинулъ пальто и, съ видомъ человѣка, не впервые попавшаго въ этотъ домъ, направился во внутреннія комнаты. Въ гостинной его встрѣтила (баронесса Фальkстонъ) хозяйка дома,—видимо, заранѣе предупрежденная о предстоящемъ визитѣ и потому не выразившая никакого удивленія.

Баронесса была женщина лѣтъ двадцати пяти, удивительной красоты. Золотисто-рыжіе волосы окаймляли свѣжее молодое лицо, искрящееся своими голубыми, полными жизни, глазами. Она была одѣта въ свѣтлое атласное платье, плотно облегавшее ея стройный и высокій станъ. Обнаженныя руки и плечи также дышали свѣжестью, и вся фигура ея свидѣтельствовала о силѣ и темпераментѣ.

Баронесса привѣтливо протянула руку входящему и оживленно произнесла по англійски:

— Я крайне рада видѣть васъ, мистеръ Броунъ. Вы доставляете мнѣ большое удовольствіе и оказываете честь вашимъ посѣщеніемъ.

— Мнѣ также, баронесса,—отвѣтилъ гость, цѣлуя ея руку,—доставляетъ наивысшее наслажденіе привѣтствовать васъ послѣ столькаго времени, проведеннаго внѣ Франціи.

Съ этими словами Броунъ послѣдовалъ за баронессой въ сосѣднюю комнату,—обширную красную гостинную, въ которую сквозь цвѣтныя окна прорывался уже слабѣющій вечерній свѣтъ. Разговоръ продолжался по-англійски, но, отдавъ нѣсколько распоряженій экономкѣ и удаливъ прислугу, молодая женщина указала своему гостю мѣсто подлѣ себя, произнеся по-французски:

— Теперь, милый Александръ, мы можемъ перестать строить изъ себя чопорныхъ британцевъ. Разсказывайте подробнѣй, что заставило васъ покинуть Австрію съ той поспѣшностью, о которой вы упоминали мнѣ въ утреннемъ письмѣ.

— Дорогая баронесса,—отвѣтилъ Броунъ, усаживаясь въ мягкое кресло.—Обстоятельства приняли

такой неожиданный оборотъ, что я принужденъ былъ сжечь свои корабли и покинуть имперію навсегда.

— Даже навсегда?—переспросила баронесса.

— По крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока корону держатъ Габсбурги,—отвѣтилъ Броунъ.
Затѣмъ онъ въ краткихъ и выразительныхъ фразахъ передалъ молодой женщинѣ исторію своихъ скитаній.

Такъ бесѣдуя, они просидѣли до восьми часовъ вечера, когда баронесса предложила своему гостю отужинать.

Въ столовой, въ присутствіи слугъ, французская рѣчь была снова замѣнена англійской.

— Баронесса,—сказалъ Броунъ,—посвятивъ васъ въ область прошлаго, я долженъ сдѣлать то же и по отношенію ко многимъ планамъ будущаго.

— Я, со своей стороны, милордъ,—произнесла молодая женщина,—отвѣчу вамъ тѣмъ же. И, думаю, мои новости будутъ не менѣе поразительны, чѣмъ ваши. Дѣятельность нашихъ друзей въ Парижѣ продолжается усиленно и пришла къ конкретнымъ результатамъ. Три—четыре дня тому назадъ, имѣя важныя порученія, лейтенантъ Рамбецкій вернулся въ Вѣну.

— Рамбецкій,—воскликнулъ Броунъ пораженно.— Неужели онъ рѣшился вернуться въ самый центръ вражескаго лагеря?

— Обстоятельства принудили его на этотъ рискованный шагъ, при чемъ, конечно, были приняты всѣ мѣры предосторожности, и пребываніе его будетъ кратковременнымъ.

— Какія же обстоятельства были причиною поѣздки Рамбецкаго?

— Я подробно посвящу васъ въ дѣло,—отвѣтила баронесса,—но для этого намъ нужно быть изолированными отъ постороннихъ слушателей. Послѣ ужина мы продолжимъ нашу дѣловую бесѣду.

Спустя полчаса молодая хозяйка проводила своего гостя въ обширный кабинетъ, обставленный мягкою турецкой мебелью и увѣшанный восточными коврами. Здѣсь, при свѣтѣ цвѣтного фонаря, тусклымъ мерца-

ніемъ своимъ дополняющаго экзотическую обстановку, размѣстившись удобно на диванахъ, баронесса передала своему собесѣднику весь ходъ возникновенія террористическаго заговора, о которомъ намъ приходилось уже слышать изъ устъ Рамбецкаго.

По мѣрѣ разсказа молодой хозяйки, лицо Броуна все болѣе покрывалось складками заботы. Онъ всталъ и началъ нервно расхаживать по кабинету.

Когда же баронесса кончила, онъ произнесъ.

— Вашъ разсказъ заставилъ меня надъ многимъ призадуматься. Я не буду касаться своихъ личныхъ симпатіи и антипатій къ изложенному вами грандіозному террористическому заговору. Мой голосъ „за" или „противъ" опоздалъ. Но я долженъ сказать и поставить на видъ слѣдующее: нѣкогда моя родина поручила мнѣ исполнить трудную, вѣрнѣе сказать, необычайно трудную, работу. Поэтому она сконцентрировала въ моихъ рукахъ высшія полномочія, и, сдѣлавъ меня отвѣтственнымъ за будущее, этимъ заставила всѣхъ явныхъ и неявныхъ моихъ сотрудниковъ считаться съ моими интересами. Парижское же общество однако, въ симпатіяхъ котораго ко мнѣ я не сомнѣваюсь, неожиданно рѣшается на такое грандіозное предпріятіе, какъ насильственное устраненіе высокихъ австрійскихъ особъ. При всемъ этомъ никто не подумалъ не только освѣдомиться о моемъ мнѣніи, но даже увѣдомить меня о состоявшемся рѣшеніи. И то обстоятельство, что первый ударъ будетъ нанесенъ эрцгерцогу, настолько вторгается въ мои планы, что я долженъ рѣшительно протестовать. Вы, баронесса, были намѣчены мной для проведенія въ жизнь сложнаго замысла, имѣющаго неоцѣнимое значеніе не только въ національныхъ вопросахъ, но и политическихъ. Я раскрою передъ вами эти замыслы и предоставлю вамъ убѣдиться, насколько неожиданный воинственный выпадъ нашего общества идетъ ему въ разрѣзъ.

При всемъ моемъ желаніи и откровенности, я не могъ бы указать вамъ тѣ источники, на которыхъ основаны мои построенія. Источники эти исходятъ изъ

недоговоренныхъ фразъ, загадочныхъ улыбокъ и едва уловимыхъ настроеній. Однимъ словомъ, дѣло въ томъ, что, какъ я пришелъ къ убѣжденію, въ высшихъ сферахъ Австріи и Германіи зародился грандіозный военно-политическій планъ, грозящій страшной катастрофой Россіи и Франціи. Конечно, эти двѣ могущественныя державы найдутъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы дать отпоръ. Тѣмъ не менѣе, нашъ священный долгъ предупредить ихъ объ опасности. Я обдумалъ положеніе и, принимая во вниманіе, что мы не располагаемъ временемъ для выжиданія, пришелъ къ убѣжденію, что надо немедленно приступить къ дѣлу. Единственный путь къ цѣли — вѣнскій дворъ. Туда надо проникнуть во что бы то ни стало и какъ можно ближе подойти къ тому, кто, конечно, стоитъ во главѣ военной партіи, т.-е. къ эрцгерцогу. Вы, баронесса, какъ давнишній членъ австрійскаго совѣта, должны взять на себя эту сложную, но первостепенную по своей важности задачу. И вы поймете теперь, почему смерть Франца-Фердинанда была бы гибельной для насъ.

Броунъ замолчалъ и со вниманіемъ посмотрѣлъ на баронессу.

Послѣдняя отвѣчала живо:

— Ваши слова, милый Александръ, заставили меня о многомъ призадуматься. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что я возьму на себя порученіе и постараюсь исполнить его. Я обсужу планъ дѣйствій, но полагаю, что въ выборѣ средствъ нечего стѣсняться. Тѣмъ или инымъ путемъ должна я подойти къ эрцгерцогу.

— Вы правы, баронесса, — замѣтилъ гость. — Позвольте намекнуть вамъ, что чѣмъ нѣжнѣе будутъ узы, связывающія васъ съ наслѣдникомъ Австріи, тѣмъ крѣпче онѣ. Я не позволилъ бы себѣ направить васъ на этотъ путь опасностей и напряженія, если бы того не требовало наше дѣло...

— Александръ, — отвѣтила баронесса серьезно, — вы знаете, что я не новичокъ и не менѣе другихъ предана идеѣ великаго славянства. Я съ самоотверженностью брошусь въ водоворотъ авантюръ и, на-

дѣюсь, выйду побѣдительницей изъ этой молчаливой борьбы.

— Я несказанно благодаренъ вамъ, баронесса!— воскликнулъ Броунъ. — Но что посовѣтуете вы мнѣ предпринять, чтобы задержать исполненіе заговора. Не знаете ли вы, на чью долю выпалъ жребій занести руку надъ Францемъ-Фердинандомъ?

— Я не могу вамъ сказать это, мой другъ. Рамбецкій увезъ предписанія въ запечатанныхъ конвертахъ. Но я надѣюсь раздобыть нужныя свѣдѣнія и доставить ихъ вамъ ко времени.

На этомъ дѣловой разговоръ кончился, и спустя четверть часа Броунъ вышелъ изъ роскошнаго особняка баронессы Фалькстонъ.

Онъ спустился по Елисейскимъ полямъ и, чтобы разсѣять свои утомительныя думы, сталъ бродить по большимъ бульварамъ.

Поздно вечеромъ, вернувшись, наконецъ, домой. онъ засталъ на столѣ письмо, пришедшее съ послѣдней почтой, при чемъ штемпель „Вѣна“ странно поразилъ его. Вотъ что гласило посланіе:

„На мою долю выпалъ важный жребій, исполнить который я долженъ не позднѣе 28-го іюня. Подробности вы узнаете въ Парижѣ. Буду ждать отъ васъ вѣстей и сообразоваться съ ними. Вашъ А. М.“

— Такъ вотъ кто долженъ занести ножъ надъ головой наслѣдника престола!—воскликнулъ Броунъ.— Судьба благопріятствуетъ мнѣ!

И спустя четверть часа изъ ближайшаго почтоваго отдѣленія онъ послалъ Морицу телеграмму:

— Медлите до послѣдняго срока.

ГЛАВА III.

Благополучное бѣгство фонъ-Рокебурга было тяжелымъ ударомъ его неутомимымъ преслѣдователямъ— Августу Ольмюцу и графу Канемарку.

Какъ извѣстно, сыщикъ по пятамъ преслѣдовалъ барона до Вадуца, города на швейцарской границѣ. Онъ расчитывалъ такъ искусно разставить свои сѣти, чтобы не было никакой возможности ихъ избѣжать.

Каково же было его изумленіе, когда пограничные стражники донесли, что какой-то путешественникъ, назвавшій себя Ольмюцемъ и документально доказавшій это, перешелъ Рейнъ и уже находится за границей.

Сыщикъ понялъ, конечно, кто былъ этотъ путешественникъ, и, потерявъ всякія надежды на успѣхъ, вернулся въ Прагу.

Немедленно по пріѣздѣ онъ посѣтилъ графа Канемарка, чтобы вмѣстѣ съ нимъ обсудить планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Онъ высказалъ графу свое крайнее огорченіе по поводу неудачи ихъ сложнаго предпріятія, а также опасенія, что теперь Рокебургъ находится въ безопасности навсегда.

На это Канемаркъ возразилъ ему и сказалъ:

— Вы напрасно думаете, мой другъ, что цѣпкія и длинныя наши руки никогда не достанутъ измѣнника. Мнимый баронъ фонъ-Рокебургъ какъ никакъ человѣкъ большого ума, ловкости и знаній. Тѣ, кому онъ служитъ не оставятъ его въ бездѣятельности, такъ какъ участіе его принесетъ имъ пользу на каж-

домъ шагу. Скоро навѣрное, баронъ снова выплыветъ на поверхность и наша задача заключается въ томъ, чтобы угадать мѣсто его появленія.

— Это крайне трудно сдѣлать, произнесъ Ольмюцъ безнадежнымъ тономъ. Вся Европа будетъ ареной его дѣятельности.

— Далеко не вся, возразилъ Канемаркъ. Мы можемъ смѣло угадать тенденцію его дальнѣйшей работы.

— На чѣмъ же будутъ основаны эти предположенія?, спросилъ сыщикъ.

— А на томъ простомъ разсчетѣ, отвѣтилъ графъ, что Рокебургъ, послѣ того, какъ его пропагандѣ положенъ конецъ, пойдетъ по весьма схожей съ этимъ благороднымъ занятіемъ дорогѣ, а именно займется шпіонажемъ.

— Вы думаете, что онъ обратится въ шпіона?, замѣтилъ Ольмюцъ.

— Я болѣе, чѣмъ увѣренъ въ этомъ, продолжалъ Канемаркъ,—и это обстоятельство даетъ намъ возможность съ большой точностью предугадать сферу его дѣятельности. Изгнанный изъ Австріи и лишившись возможности вредить ей, Рокебургъ направитъ свои взоры на естественную союзницу нашу — Германію. Такимъ образомъ можетъ быть уже черезъ недѣлю онъ начнетъ запускать свой острый взоръ въ тайны германской имперіи, и намъ остается выяснить, будетъ ли это со стороны Вислы или Рейна.

— Ваши слова, произнесъ Ольмюцъ, вливаютъ мнѣ надежду, что мы снова нападемъ на слѣдъ бѣглеца. Но, въ то же время, я не представляю себѣ, какъ мы можемъ оперировать за границей, въ особенности въ Россіи.

— Россія для насъ, конечно въ этой области закрыта, отвѣчалъ графъ, но у насъ есть тамъ надежныя лица, которые отлично справятся съ подобной задачей.

— Кто же это такіе? освѣдомился сыщикъ.

— Неужели вы забыли нашу неустанную помощницу, воскликнулъ Канемаркъ шутливо. Графиня К... (Онъ назвалъ громкую фамилію).

— Въ самомъ дѣлѣ, отвѣтилъ Ольмюцъ, никто, какъ графиня не можетъ такъ чисто обдѣлать это дѣло. За Петербургъ мы можемъ быть спокойны — тамъ ему не удастся безъ нашего вѣдома расположиться лагеремъ.

Но что же намъ предпринять?

— Это надо серьезно обдумать, произнесъ Канемаркъ.—Я лично, предлогалъ избрать ареной дѣятельности Францію. Нѣтъ сомнѣнія, что первый шагъ Рокебурга былъ направленъ въ Парижъ. Туда поѣдемъ мы и постараемся выслѣдить его.

— Но удастся ли намъ найти бѣглеца въ огромномъ городѣ? замѣтилъ Ольмюцъ. Навѣрное онъ измѣнитъ свою фамилію и наружность.

— Это вполнѣ возможно, отвѣтилъ графъ, но я былъ болѣе предусмотрителенъ, чѣмъ вы могли предпологать, и уже послалъ телеграмму въ Парижъ одному весьма опытному сыщику, чтобы тотъ установилъ тщательный надзоръ за всѣми прибывающими по Ліонскому вокзалу.

На это Ольмюцъ отвѣтилъ одобреніемъ и они продолжали свою бесѣду еще продолжительное время. Они уговорились относительно мельчайшихъ подробностей и рѣшили, въ свою очередь принять рядъ мѣръ, чтобы не быть узнанными.

Простившись, наконецъ, съ сыщикомъ, и постановивъ отправиться въ путь черезъ два дня, графъ Канемаркъ сѣлъ за свой письменный столъ и написалъ слѣдующее письмо:

„Дорогая графиня. Вотъ уже два года, какъ мнѣ не приходилось утруждать и безпокоить Васъ своими просьбами. Но теперь важныя обстоятельства опять приводятъ меня къ Вамъ. Быть можетъ событія необычайной важности придется раздѣлить намъ. Приступая къ сути дѣла, скажу слѣдующее: въ ближай-

шемъ будущемъ къ Вамъ въ Петербургъ пріѣзжаетъ „то“ лицо, о которомъ Вы, конечно, знаете и который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ равноправнымъ гражданиномъ Россіи, а нѣсколько дней — Австріи. Это м. б. І. ѳ. Р. Теперь двери Двуединой Монархіи съ грохотомъ захлопнулись за нимъ и, надо думать, онъ постарается вернуться во свояси. Если Вы нападете на его слѣдъ, немедленно сообщите. Вашъ графъ К—ъ“.

Окончивъ свое посланіе, графъ внимательно перечелъ его и, запечатавъ въ конвертъ, надписалъ:

Петербургъ. До востребованія Г. К. М.

Затѣмъ онъ велѣлъ слугѣ бросить письмо въ ящикъ, а самъ часъ спустя отправилъ въ столицу Россіи телеграмму, которая, кромѣ адреса, содержала только одно слово:

„Получайте“.

ГЛАВА IV.

Телеграмма фонъ-Роксбурга о необходимости оттянуть исполненіе заговора до послѣдняго срока, была весьма пріятна Августу Морицу.

Послѣдній, несмотря на свою опытность, былъ теперь въ весьма затруднительномъ положеніи и не зналъ, съ какого конца приступить къ задачѣ. Ему было извѣстно мѣстопребываніе Франца-Фердинанда, а также нѣкоторые его планы на будущее, въ томъ числѣ присутствіе на маневрахъ боснійскихъ корпусовъ.

Пригласивъ къ себѣ Рамбецкаго и Петра Млейха, Морицъ изложилъ имъ свои расчеты.

Убійство должно быть настолько основательно и подготовлено, чтобы оно привело къ рѣшительному результату. Исполнители не могутъ быть не только членами славянскихъ организацій, но даже лицами освѣдомленными о существованіи таковыхъ. Кромѣ того они должны быть австрійскими подданными, чтобы покушеніе ни въ коемъ случаѣ не вызвало международнаго конфликта.

Съ этими мыслями Морица его товарищи были вполнѣ согласны, но выразили опасенія, что лица, непричастныя къ славянскому дѣлу, не возьмутъ на себя столь сложное порученіе.

На это Морицъ возразилъ:

— Если бы мы располагали большимъ временемъ, то навѣрное бы нашли въ предѣлахъ Австріи лицо, которое на личной почвѣ питаетъ ненависть къ эрцегерцогу, и съ радостью воспользуется нашими

средствами, чтобы свести съ нимъ счеты. Но, такъ какъ теперь уже слишкомъ поздно, то мы можемъ остановиться на какомъ-нибудь славянинѣ, скорѣе всего на юношѣ, который хотя и не принадлежитъ къ нашимъ организаціямъ, но все же воодушевленъ національными идеями. Я хорошо знаю Боснію и думаю, что въ ней легче всего можно найти подходящаго человѣка. Тамъ широко развито панславянство и стремленіе присоединенія къ Сербіи.

— Однако, замѣтилъ Рамбецкій, слово Сербія не должна исходить изъ устъ убійцы, если онъ будетъ схваченъ. Мы можемъ навлечь гнѣвъ Австріи на маленькое королевство.

— Безусловно, подтвердилъ Морицъ. Террорестическій актъ долженъ стать слѣдствіемъ внутренняго недовольства а никакъ не покусительствомъ иностранцевъ.

— Все же нельзя забывать, сказалъ Млейхъ, что это убійство будетъ имѣть громадное политическое значеніе и можетъ послужить толчкомъ къ значительнымъ переворотамъ. То обстоятельство, что сразившая эрцгерцога рука принадлежитъ славянину, можетъ имѣть слѣдствіемъ тяжелую реакцію со стороны имперскаго правительства и, несмотря на непричастность иностранцевъ, вызвать международный конфликтъ.

— Это было бы намъ только выгодно, воскликнулъ Рамбецкій. Если Двуединая Монархія выступитъ противъ славянъ открыто, то у нихъ найдутся могущественные защитники. Россія подымется и пробьетъ часъ объединенія ея великаго народа съ младшими братьями.

— Да будетъ такъ, произнесъ Морицъ серьезно. Пусть кровь эрцгерцога будетъ первой кровью въ грозной и священной борьбѣ за нашу свободу.

И, подъ вліяніемъ нахлынувшаго воодушевленія, всѣ трое дружно пропѣли „Гей Славяне"...

Затѣмъ они приступили къ обсужденію своей, по возможности, совмѣстной работы. Надо было зондировать почву въ Сараевѣ, такъ какъ только въ этомъ городѣ

пребываніе наслѣдника будетъ продолжительнымъ и время его опредѣленнымъ.

Млейхъ поѣдетъ въ Боснію, Морицъ же останется въ столицѣ, чтобы наблюдать за происходящими перемѣнами.

Рамбецкій, къ несчастью, долженъ покинуть Австрію, такъ какъ здѣсь ему угрожаетъ опасность быть узнаннымъ.

Обсудивъ все это, друзья рѣшили собраться еще разъ на слѣдующій день для выясненія подробностей.

Экспрессъ Вѣна — Парижъ былъ на полдорогѣ между обѣими столицами. Онъ только что отошелъ изъ Мюнхена, и новые пассажиры еще не успѣли какъ слѣдуетъ размѣститься. Они суетились въ роскошныхъ купэ спальныхъ вагоновъ, наполняя воздухъ шумными и веселыми разговорами. Общее вниманіе привлекала молодая, богато и замѣчательно изящно одѣтая дама, ѣхавшая въ сопровожденіи молодого человѣка, какъ казалось изъ разговоровъ, ея родственника. Они занимали мѣсто въ первомъ классѣ и, размѣстивши свой багажъ по полкамъ, направились въ салонъ, гдѣ уже собралось многочисленное общество.

Было девять часовъ вечера, и въ столовой сервировался ужинъ. Теплый лѣтній вѣтерокъ врывался въ широко раскрытыя окна и дѣлалъ обстановку еще болѣе уютной и пріятной.

Молодая пара помѣстилась за небольшимъ столикомъ. Спутникъ путешественницы, казалось, увлекся прекрасной картиной вечерней зари, которая своимъ розовымъ свѣтомъ обагряла живописный пейзажъ.

Но дама его необращала вниманія на красоты природы и пытливые взоры ея скользили по лицамъ многочисленныхъ путешественниковъ.

Въ десять часовъ, когда звоночекъ оповѣстилъ поѣздъ о времени ужина, въ салонъ вошли два господина. Оба они были пожилые, съ большими сѣдыми баками и гладко выбритыми подбородками.

Костюмы ихъ—дорожныя куртки и короткія брюки, обличали въ нихъ англичанъ, чему также вполнѣ соотвѣтствовала ихъ флегматичность и молчаливость. Они заняли отдѣльный столикъ и погрузились въ изученіе меню. Въ это время уже знакомая намъ молодая путешественница поднялась съ мѣста и прошла мимо двухъ сидящихъ англичанъ. Эти послѣдніе видимо привлекли ея особое вниманіе. Она опустилась за ближайшій столъ и знакомъ попросила своего спутника занять мѣсто тутъ же.

Они заказали себѣ ужинъ, и казалось, каждый погрузился въ свои думы, но молодая женщина иногда бросала проницательные взоры на своихъ иностранныхъ сосѣдей. Послѣдніе лишь изрѣдка перебрасывались краткими англійскими фразами.

Когда ужинъ приближался къ концу, молодая путешественница неожиданно обратилась къ одному изъ англичанъ по-французски и оживленно произнесла:

— Простите, сэръ, что я заговариваю съ вами, не имѣя чести быть знакомой. Но меня на это толкаютъ важныя обстоятельства.

Тотъ, къ кому она обратилась, видимо смущенный отвѣтилъ однако немедленно на прекрасномъ французскомъ языкѣ:

— Я радъ быть вамъ полезенъ, сударыня, чѣмъ могу.

— Благодарю васъ, произнесла дама и продолжала.—Я направляюсь теперь въ Лондонъ и, не будучи знакомой съ англійской рѣчью, по всей вѣроятности буду себя тамъ весьма стѣснительно чувствовать. Вы были бы очень любезны, если бы указали мнѣ, гдѣ лучше всего остановиться иностранкѣ.

— Къ несчастью, отвѣтилъ англичанинъ, мы не лондонцы, и столичныя условія жизни намъ незнакомы. Во всякомъ случаѣ въ любомъ отелѣ есть служащіе, владѣющіе французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ. Произнеся это, говорящій погрузился въ разсматриваніе какой-то записи показавъ этимъ, что не желаетъ продолжать разговора.

Молодая дама благодарила и въ скоромъ времени поднявшись изъ за стола оставила салонъ. Проходя длиннымъ и пустыннымъ коридоромъ сосѣдняго вагона, молодой человѣкъ, сопровождавшій путешественницу, шепнулъ ей:

— Что тебѣ за охота, Анна, связываться съ этими англичанами. И съ какой радости приплела ты это фантастическое путешествіе въ Лондонъ?

При этихъ словахъ молодая женщина обернулась и произнесла съ улыбкой.

— Англичанами! Они такіе же англичане, какъ мы негры. Ты развѣ не слышалъ, какъ они говорятъ по-французски. Нѣмца легче всего отличить отъ англичанина по его неправильному французскому выговору. Это настоящіе австрійцы.

— Такъ зачѣмъ же имъ ѣхать подъ видомъ британцевъ?

— А за тѣмъ же, зачѣмъ наклеивать фальшивые баки.

Въ началѣ двѣнадцатаго часа, когда салонъ-вагонъ сталъ пустѣть, и пассажиры направились въ свои купэ, два англичанина, все время безмятежно остававшіеся за столомъ, также поднялись съ мѣстъ. Они молча постояли нѣсколько минутъ передъ окномъ, любуясь картиной ясной звѣздной ночи, и затѣмъ повернули къ выходу. Очутившись въ пустынномъ коридорѣ спальнаго вагона, одинъ изъ нихъ шепнулъ другому по-нѣмецки:

— Вы знаете, графъ, та красивая дама, что обратилась къ вамъ за ужиномъ, показалась мнѣ подозрительной.

— Оставьте, Ольмюцъ, отвѣтилъ другой. Вы видите опасность, гдѣ ея совсѣмъ нѣтъ. Это начинаетъ походить на манію преслѣдованія. Мы имѣли дѣло не болѣе, какъ съ желѣзнодорожной кокоткой, мечтавшей подцѣпить въ насъ богатыхъ путешественниковъ.

Ольмюцъ на это ничего не отвѣтилъ, но въ душѣ онъ оставался при своемъ мнѣніи.

На слѣдующій день къ вечеру поѣздъ перешелъ границу. Сумерки быстро спускались на землю, и мракъ сѣрой пеленой ложился на цвѣтущія поля Франціи.

Ольмюцъ и графъ Канемаркъ, скрывавшіеся подъ видомъ англичанъ, весь день почти не показывались изъ своего купэ. Теперь они вышли на уединенную площадку, чтобы подышать свѣжимъ ночнымъ воздухомъ.

— Вотъ и Франція, произнесъ графъ, когда поѣздъ миновалъ таможенную станцію.—А завтра утромъ передъ нами раскинется великолѣпный Парижъ.

— Къ несчастью, замѣтилъ Ольмюцъ, мы вступимъ въ него не какъ иностранцы, дивящіеся прекрасному городу, а какъ тайные враги.

— Мы не враги Франціи, возразилъ Канемаркъ. Мы только защищаемся отъ нападенія.

— Нѣтъ, отвѣтилъ сыщикъ, теперь мы сами переходимъ въ наступленіе. И кажется мнѣ, что наша работа будетъ направлена противъ Франціи.

— А вамъ было бы это нежелательно?, спросилъ графъ.

— Мнѣ было бы непріятно подрывать устои Франціи, произнесъ Ольмюцъ уклончиво. Это государство всегда вызывало во мнѣ симпатію. Но если дѣло идетъ о пользѣ Австріи, то я безъ колебанія исполню свой долгъ.

— И хорошо сдѣлаете, мой другъ, добавилъ графъ, ибо близокъ часъ, когда Франція и Австрія станутъ другъ передъ другомъ какъ враги.

— Вы думаете, что война близка?, удивился Ольмюцъ.

— Взгляните туда, произнесъ графъ, указывая на востокъ. Тамъ лежитъ Эльзасъ. Не пройдетъ года, какъ Франція подымется за него. Быть можетъ намъ суждено сдѣлаться участниками величайшихъ событій.

Графъ выглянулъ въ окно и замолчалъ. Свѣжій встрѣчный вѣтеръ ласкалъ и теребилъ его волосы.

А экспрессъ все также стучалъ по рельсамъ и разсѣкалъ мглу, стремясь къ великому городу.

ГЛАВА V.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней мая, около шести часовъ пополудни эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ вернулся въ свои апартаменты послѣ продолжительнаго свиданія съ императоромъ.

Наслѣдникъ Австріи весь этотъ день былъ особенно задумчивъ и глубокія складки не расходились на его лбу. Онъ былъ одѣтъ въ парадную форму, и блестящій мундиръ придавалъ ему еще болѣе дѣловитости и мужества. На этотъ вечеръ у него было назначено совѣщаніе съ генералами, высшими чинами имперской арміи. Имѣя еще нѣсколько минутъ свободными, эрцгерцогъ расхаживалъ по знакомому читателю кабинету, заложивъ руки за спину и погруженный въ свои думы.

Въ это время въ залъ ожиданій прибыли генералы фонъ-Брудерманъ и фонъ-Ауфенбергъ, инспектора арміи. Оба они были высокаго роста, съ довольно простыми и грубыми лицами настоящихъ воиновъ, а пышные мундиры на фонѣ зала красиво выдѣляли ихъ статныя фигуры.

Поздоровавшись съ товарищемъ, фонъ-Ауфенбергъ произнесъ:

— Интересно знать, зачѣмъ собираетъ насъ сегодня эрцгерцогъ. Вы не имѣете свѣдѣній по этому поводу?

— Могу только строить предположенія, отвѣтилъ фонъ-Брудерманъ. Но думаю, что дѣло стоитъ въ связи съ аудіенціей наслѣдника у императора.

— Я былъ недавно у министра, продолжалъ первый генералъ, и узналъ у него новости, которыя къ несчастью до поры до времени долженъ хранить въ секретѣ. Могу сказать только, что они касаются вопроса величайшей важности.

Въ этотъ моментъ въ залу вошелъ знакомый намъ генералъ фонъ-Рецеръ, свѣтская и изящная наружность котораго рѣзко отдѣлялась отъ лицъ его товарищей. Генералы дружелюбно поздоровались съ вновь прибывшимъ, и разговоръ сдѣлался общимъ. Фонъ-Рецеръ, видимо, не имѣлъ понятія о причинахъ экстреннаго совѣщанія у эрцгерцога и не могъ объяснить себѣ это. Онъ ожидалъ только чего-то необыкновеннаго.

Въ семь часовъ, когда прибылъ военный министръ фонъ-Кробатинъ и баронъ фонъ-Ретцендорфъ, начальникъ штаба, а также инспекторъ фонъ-Фракъ и полковникъ фонъ-Ротерштейнъ, офицеры были приглашены въ кабинетъ эрцгерцога.

Почтительнымъ поклономъ привѣтствовали они наслѣдника, который пожалъ имъ руки и предложилъ занимать мѣста. Самъ Францъ-Фердинандъ опустился за письменный столъ. Онъ началъ говорить, видимо, обдумывая каждое слово, такъ какъ вопросъ касался важныхъ обстоятельствъ.

— Генералы, произнесъ онъ. Сегодня мнѣ придется сказать вамъ нѣчто, что несомнѣнно когда-нибудь запечатлится на страницахъ исторіи. Я уже знакомъ съ вашимъ личнымъ мнѣніемъ относительно положенія военнаго дѣла Австріи и не буду касаться этого вопроса вторично. Скажу вамъ только, что есть высшія силы, которыя иногда неумолимо влекутъ государство на рискованный путь авантюръ, вопреки голосу благоразумія. Австрія въ настоящій моментъ находится какъ разъ въ такомъ положеніи. Грозная, непоколебимая сила заставляетъ насъ взяться за рукоять меча.

Эрцгерцогъ замолчалъ и посмотрѣлъ на сидящихъ передъ нимъ генераловъ, лица которыхъ, за исключеніемъ Кробатина, выражали удивленіе.

— Мои слова вамъ не вполнѣ ясны, продолжалъ наслѣдникъ престола. Только генералъ фонъ-Кробатинъ освѣдомленъ въ сущности дѣла, съ которымъ я поспѣшу познакомить и васъ.

Вамъ, близко стоящимъ у власти, конечно не безызвѣстно, какое направленіе приняла наша политика за послѣдніе годы. Быстрое возростаніе могущества Россіи является угрозой намъ и Германіи. Императоръ Вильгельмъ предвидитъ грядущую опасность съ Востока. Состязаніе съ Англіей на морѣ кончилось для него признаніемъ своего безсилія. Вооруженія Франціи и шаткость союза съ Италіей окружаютъ нѣмецкія державы кольцомъ явныхъ и неявныхъ враговъ. Еще два три года, и мы будемъ безсильны въ рукахъ державъ Согласія.

Вы, генералы, все это прекрасно знаете и я повторяю вамъ это лишь для оформленія вопроса. Вильгельмъ Второй не разъ указывалъ мнѣ на необходимость энергичной подготовки, но лишь недавно узналъ я, что онъ имѣетъ въ виду не оборону, а нападеніе. Да, господа, нападеніе со стороны Германіи на державы Тройственнаго Согласія, вѣрнѣй на всю Европу, неизбѣжно. И мы будемъ вовлечены въ эту кровавую авантюру. Я предупреждаю васъ, хотя и неоффиціально, что надо приступить къ послѣднимъ подготовительнымъ работамъ. Да поможетъ намъ Богъ, и Австрія выйдетъ побѣдительницей. Быть можетъ осуществится мечта созданія Великой Габсбургіи, что простритъ границы свои отъ Альпъ до Кавказа.

Опять прервалъ свою рѣчь Францъ - Фердинандъ и бросилъ испытующій взглядъ на генераловъ. Послѣдніе не выражали однако на своихъ лицахъ особаго восторга и не проронили ни одного слова. Только министръ фонъ-Кробатинъ, спустя нѣсколько минутъ, поднявшись съ мѣста сказалъ:

— Ваше высочество, было бы очень интересно знать, имѣются ли у васъ данныя, что положеніе дѣлъ заставляетъ ускорить событія. Или вы говорите на основаніи прежняго?

— Имѣются данныя, отвѣтилъ эрцгерцогъ, но о характерѣ ихъ я могу только гадать. Однако думаю, что мои предположенія основательны.

Императоръ Вильгельмъ собственноручнымъ письмомъ просилъ меня назначить ему мѣсто свиданія по вопросу особой важности, не позднѣе слѣдующей недѣли. Спустя нѣсколько дней я встрѣчусь съ его величествомъ въ замкѣ Канопиштъ.

Эти слова произвели на генераловъ замѣтное впечатлѣніе.

— Поспѣшность императора, сказалъ инспекторъ фонъ-Рецеръ, безусловно служитъ тревожнымъ симптомомъ. Но въ настоящій моментъ есть другія важныя событія, которыя быть можетъ, являются побудительными причинами. Я подразумѣваю намѣренія русскаго царя свидѣться съ Карломъ румынскимъ.

— Я не совсѣмъ согласенъ съ вами, генералъ, отвѣтилъ эрцгерцогъ. Свиданіе въ Констанцѣ не будетъ имѣть большого политическаго значенія. Императоръ Вильгельмъ это понимаетъ и не сталъ бы придавать дѣлу большое значеніе, чѣмъ оно заслуживаетъ. Нѣтъ, надо признать, что настало время смѣло сорвать завѣсу долготерпѣнія и нерѣшительности. Надо смѣло посмотрѣть въ лицо будущему. Пусть Германія беретъ въ свои руки инициативу выступленія. Если она замедлитъ, Австрія сама подыметъ боевые флаги.

— Ваше высочество, замѣтилъ фонъ-Кробатинъ, вы продолжаете считать войну необходимой для насъ. Но не стоимъ ли мы передъ разрѣшеніемъ непосильной задачи.

— Нѣтъ, генералъ, отвѣтилъ Францъ-Фердинандъ рѣшительно. Никакія опасенія не могутъ остановить Австрію передъ выступленіемъ на міровую сцену для умноженія военной славы и поддержанія національной чести. Пусть исторія осудитъ насъ, — мы принесемъ дань идеѣ „Великой Габсбургіи“.

— Но ваше высочество, возразилъ фонъ-Рецеръ,— Императоръ! Какъ смотритъ государь на это дѣло?

Императоръ!, повторилъ эрцгерцогъ. Императора нетрудно убѣдить въ неоходимости войны. За послѣднее время онъ уже началъ свыкаться съ этой мыслію. У насъ еще есть время, чтобы подготовиться: полъ года, даже годъ. Однако чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Россія перегоняетъ насъ. Итакъ генералы, недѣлю спустя я буду въ Канопиштахъ. Вы не откажетесь сопутствовать мнѣ?

Генералы почтительно поклонились, но лица ихъ не выражали ни радости ни воодушевленія. Затѣмъ эрцгерцогъ съ особой любезностью обратился къ доселѣ молчавшему фонъ-Ротерштейну:

— Вы, полковникъ, будьте при мнѣ. Я назначаю васъ своимъ личнымъ секретаремъ въ данномъ дѣлѣ. Вамъ придется заняться офиціальными бумагами.

Фонъ-Ротерштейнъ благодарилъ наслѣдника за оказанную честь.

Затѣмъ офицеры покинули кабинетъ.

Оставивъ дворецъ, генералы заняли свои экипажи. Фонъ-Рецеръ ѣхалъ вмѣстѣ съ фонъ-Ротерштейномъ, но всю дорогу оба офицера, погруженные въ задумчивость, не проронили ни одного слова. Только прощаясь со своимъ спутникомъ, инспекторъ сказалъ:

— Я попросилъ бы васъ, мой другъ, заѣхать вечеромъ ко мнѣ. Мнѣ хотѣлось бы побесѣдовать съ вами и подѣлиться своими мыслями.

Фонъ - Ротерштейнъ изъявилъ согласіе. Затѣмъ офицеры разстались.

Оставшись наединѣ въ своемъ кабинетѣ, полковникъ сѣлъ у письменнаго стола и погрузился въ размышленія.

Это былъ человѣкъ спокойнаго, уравновѣшаннаго характера и твердой воли. Онъ привыкъ исполнять свой долгъ точно, считая служеніе государству какъ бы священнымъ. Убѣжденный патріотъ, онъ не былъ лишенъ національнаго шовинизма, хотя послѣдній никогда не проявлялся у него въ слишкомъ рѣзкой формѣ. Онъ всегда питалъ надежду, что подъ мудрой державой Габсбурговъ примирятся и сольются въ одно цѣлое пестрые народы Австріи. Пусть только не будетъ

дана возможность внѣшнему врагу, конечно Россіи, разсѣять смуту. Поэтому исторія фонъ-Рокебурга была для полковника тяжкимъ ударомъ. Онъ понялъ, что язвы Двуединой монархіи неизлѣчимы, что только миръ можетъ поддержать ветхое тѣло имперіи. И вотъ теперь эрцгерцогъ хочетъ бросить факелъ войны въ Европу. Германія! Искренній ли она другъ Австріи? Не та же ли Пруссія полвѣка назадъ подъ Кенигрецемъ заперла Габсбургамъ доступъ въ союзъ нѣмецкихъ племенъ? Не захочетъ ли Германія въ случаѣ неудачи, попользоватся владѣніями австрійской короны. Трезвому уму фонъ-Ротерштейна положеніе дѣлъ казалось угрожающимъ. Конечно, онъ безсиленъ повернуть руль исторіи, но не его ли долгъ сдѣлать въ этомъ направленіи все возможное.

Полковникъ поднялся и, пройдясь нѣсколько разъ по кабинету, остановился передъ висящей на стѣнѣ обширной картой Европы.

Взглядъ его упалъ на русскія владѣнія, и онъ подумалъ:

Россія! Не твоему ли народу суждено стать когда-нибудь во главѣ европейскихъ націй. Огромная, богатая и преуспѣвающая, ты можешь стать имперіей Карла Великаго. Намъ ли, раздираемымъ внутренними распрями бороться съ твоимъ могуществомъ. Задача германскихъ племенъ—защититься отъ русскаго разлива. Безумная мечта загнать Россію въ Сибирь. О Францъ-Іосифъ, всѣми чтимый монархъ! Удержи свой мечъ въ ножнахъ. Не ему скреститься съ русскимъ мечемъ.

Такія мысли волновали фонъ-Ротерштейна, этого преданнаго слугу австрійскаго трона. До вечера сидѣлъ онъ, предавшись размышленіямъ, и лишь когда сумерки спустились на землю, онъ вспомнилъ о приглашеніи фонъ-Рецера и отправился къ генералу.

Инспекторъ думалъ почти то же самое, что и полковникъ, когда вернулся къ себѣ послѣ совѣщанія у эрцгерцога.

Стоя непосредственно у арміи, онъ зналъ истинную силу австрійскихъ войскъ, и здоровый патріотизмъ

подсказывалъ ему воздерживаться отъ воинственныхъ порывовъ. Подобно фонъ-Ротерштейну генералъ принялъ рѣшеніе препятствовать агрессивному заговору. Онъ не любилъ Россіи и славянъ вообще, но признавалъ ихъ мощь.

Фонъ-Рецеръ дружески привѣтствовалъ прибывшаго полковника и предложилъ раздѣлить съ нимъ ужинъ. За роскошнымъ столомъ начали они свою бесѣду, сперва касаясь лишь послѣднихъ мелочей свѣтской жизни, но постепенно переходя къ волнующему ихъ вопросу. Оба они были одного и того же мнѣнія, что затѣваемая игра можетъ и должна кончиться плохо для Австріи.

— Я не могу стать на точку зрѣнія эрцгерцога, сказалъ инспекторъ. Національную ли, династическую ли политику ведетъ онъ,—то и другое приведетъ къ разложенію и разрушенію государства. Есть только одна политика, способная поддержать Австрію, это политика мира и терпимости. Не должно быть Нѣмца, Венгра, Чеха и Славянина. Должны быть только Австрійцы. Къ несчастью наше правительство своими объединительными мѣрами только усиливаетъ рознь національностей. Династія же падетъ одновременно съ пораженіемъ австрійскаго знамени.

— Я согласенъ съ вашимъ взглядомъ на вещи, замѣтилъ фонъ-Ротерштейнъ и въ концѣ концовъ меня начинаютъ обуревать сомнѣнія и я теряю надежду въ будущее Австріи. Неужели намъ суждено пережить развалъ старинной монархіи, нѣкогда столь мощной и славной? Неужели Австрія вычеркнется изъ списка державъ?

— Вы уже слишкомъ далеко заходите въ вашихъ опасеніяхъ, возразилъ генералъ. Не думаю, чтобы пораженіе на войнѣ привело къ полному уничтоженію Австріи. Но что намъ будутъ нанесены тяжелыя раны, и что эти раны повлекутъ за собой значительное измѣненіе государственнаго строя,—это возможно.

— Даже ваши оптимистическіе взгляды, сказалъ фонъ-Ротерштейнъ, и то весьма неутѣшительны. Неужели нѣтъ силы, способной удержать Австрію отъ

рискованнаго шага. Неужели общественное мнѣніе не можетъ повліять на правительственныя сферы.

— Общественное мнѣніе, возразилъ фонъ-Рецеръ живо, ослѣплено не менѣе если не болѣе, чѣмъ правительство. Спросите любого вѣнскаго бюргера, и онъ увѣритъ васъ, что Австрія въ войнѣ одинъ на одинъ съ Россіей окажется побѣдительницей. Быть можетъ мы сами виноваты въ томъ, что лучшая часть общества не освѣдомлена въ реальныхъ силахъ государства. Нѣтъ это наша обязанность,—насъ, людей стоящихъ у кормила имперіи удержать стремительный бѣгъ ея въ пропасть.

— Я убѣжденъ, что мы безсильны, отвѣтилъ полковникъ,

— Вы ошибаетесь, возразилъ фонъ-Рецеръ. Можетъ быть результаты свиданія въ Канопиштахъ откроютъ передъ нами истинныя карты и тогда мы сможемъ лучше разобраться. Но мы еще не сказали эрцгерцогу рѣшительнаго слова, еще не изсякли послѣдніе ресурсы нашего значенія и вліянія. Ближайшіе дни должны выяснить все и мы увидимъ, что необходимо предпринять.

Такъ бесѣдовали между собой офицеры, эти представители австрійскаго оружія, являющіеся въ то же время въ сознаніи своего безсилія, поборниками мира.

Но судьба неумолимо влекла Австрію къ роковой развязкѣ, и этимъ людямъ не суждено было остановить ея бѣга. На скрижаляхъ исторіи страницы Австріи были уже заполнены.

Фонъ-Рецеръ простился со своимъ гостемъ поздно вечеромъ. Оба они были угрюмы и задумчивы. Подъ конецъ, пожимая полковнику руку, инспекторъ спросилъ:

— Я надѣюсь встрѣтить васъ завтра на балу у графини Р... Говорятъ, эрцгерцогъ будетъ тамъ?

— Напремѣнно буду, отвѣтилъ фонъ-Ротерштейнъ. Его Высочество просилъ меня сопровождать его.

Затѣмъ офицеры разстались.

ГЛАВА VI.

Солнце уже закатилось, но сѣрый полумракъ свѣтлой пеленой еще окружалъ городъ. Вѣна кипѣла жизнью, полная пестрой, куда-то стремящейся, толпой.

На одной изъ наиболѣе богатыхъ улицъ, застроеныхъ домами аристократовъ-рантье, общее вниманіе привлекалъ величественный особнякъ, обыкновенно сумрачный и молчаливый, но на этотъ разъ ярко освѣщенный и полный оживленія. Это былъ домъ княгини Р..., старинной аристократки, извѣстной высшему свѣту не только Австріи, но и всей Европѣ. Рѣшетчатыя ворота, отъ которыхъ дорога вела къ высокимъ парааднымъ дверямъ, были настежъ открыты, и путь освѣщался рядомъ электрическихъ фонарей. Большія зеркальныя окна, выходящія на улицу и въ садъ были завѣшаны темными гардинами, но и сквозь эти преграды электрическій свѣтъ прорывался наружу. Надъ домомъ, на высокомъ остроконечномъ шпицѣ медленно колыхался австрійскій флагъ, и все вмѣстѣ выглядѣло столь торжественно, что вызывало всеобщее любопытство. Особнякъ княгини въ этотъ вечеръ готовился къ исключительному пріему, ибо не только представители высшей аристократіи, но даже лица правящаго дома должны были почтить его своимъ посѣщеніемъ. Первые нарядные экипажи, парныя кареты, ландо и блестящіе автомобили уже подкатили къ настежь распахнутымъ воротамъ. Слуги помогали дамамъ выходить, и нарядное общество слѣдовало въ вестибюль,—первую изъ комнатъ, поражавшихъ даже привычный глазъ аристократовъ. Снявъ свои легкія

верхнія платья, гости проходили въ одну изъ гостиныхъ, гдѣ имъ навстрѣчу выходила молодая княжна, племянница почтенной владѣлицы дома. Эта миловидная дѣвушка, весьма скромный туалетъ которой поражалъ всѣхъ своимъ изяществомъ, любезно привѣтствовала прибывшихъ и завязывала съ ними оживленный разговоръ. Мужчины, въ большинствѣ случаевъ военные, собирались группами вокругъ какого-нибудь престарѣлаго генерала и оживленно бесѣдовали на нескончаемыя полковыя темы.

Къ половинѣ десятаго большинство гостей было въ сборѣ, и всѣ ожидали двухъ важныхъ событій — выхода хозяйки и прибытія высокаго гостя. Еще заранѣе было извѣстно, что наслѣдный эрцгерцогъ намѣревался посѣтить княгиню въ торжественный вечеръ, устраиваемый ею разъ въ три года. Это обстоятельство привлекло особенно большое число представителей австрійской и иностранной аристократіи. Здѣсь были герцоги и бароны Германіи и Венгріи, итальянскіе маркизы и члены дипломатическихъ корпусовъ многихъ европейскихъ дворовъ. Повсюду мелькали разноплеменные военные мундиры, но всѣхъ ихъ затмѣвала знаменитая своей красотой форма австрійскихъ гвардейцевъ.

Въ одной изъ сравнительно небольшихъ боковыхъ гостинныхъ, уютной комнатѣ, обставленной мягкой мебелью и озаренной голубоватымъ фонаремъ, расположилась небольшая группа, состоящая изъ двухъ дамъ и трехъ офицеровъ. Среди послѣднихъ находился извѣстный читателю генералъ-инспекторъ фонъ-Рецеръ и его другъ, полковникъ фонъ - Ротерштейнъ. Всѣ присутствующіе вели между собой непринужденный разговоръ, такъ какъ, видимо, были давно и хорошо знакомы. Если бы читатель могъ проникнуть въ этотъ тѣсный кружокъ, то не только лица двухъ названныхъ офицеровъ, но и одной изъ дамъ показались бы ему знакомымъ. Высокая блондинка, съ небольшимъ декольтэ, стройная и статная, она поражала красотой своихъ глазъ и мягкой улыбки. Бѣглая нѣмецкая рѣчь ея обличала, однако, англійское происхожденіе,

чему вполнѣ соотвѣтствовала и наружность ея, полная величавости и женственности англо-саксонской расы.

Это была баронесса Фалькстонъ, которую еще недавно видѣли мы въ Парижѣ, въ обществѣ фонъ-Рокебурга - Броуна. Теперь она перенеслась въ Вѣну, въ самый центръ великосвѣтскаго общества, къ которому вполнѣ подходила не только титуломъ, но и древностью своего рода.

— Какъ долго вы отсутствовали изъ Вѣны и гдѣ пропадали за это время? обратился къ ней фонъ-Рецеръ.

— Почти два года, отвѣчала молодая женщина. Я жила въ Италіи и Египтѣ, такъ какъ чувствовала себя не совсѣмъ здоровой, а поправившись переселилась въ Парижъ.

— Нравится ли вамъ духъ французской столицы?, спросилъ инспекторъ.

— Мы, англичане, произнесла баронесса, не можемъ сродниться характерами съ пылкими галлами. Но меня привлекалъ городъ, равному которому нѣтъ въ мірѣ. Теперь же, пресытившись шумомъ, я хочу немного отдохнуть въ тиши нѣмецкой жизни и затѣмъ вернуться на родину. Вы, вѣдь, знаете, что семейныя непріятности заставили меня пять лѣтъ тому назадъ покинуть дорогія берега Британіи.

Такъ бесѣдовали между собой эти представители высшаго свѣта двухъ націй, перебирая въ памяти крупныя и мелкія событія ихъ безпечнаго и блестящаго прошлаго, и, наконецъ, остановившись на фигурахъ ихъ общихъ знакомыхъ. Назвавъ нѣсколько громкихъ фамилій, принадлежащихъ уже сошедшимъ со сцены лицамъ, баронесса, устремивъ свой глубокій и спокойный взоръ на фонъ-Ротерштейна, произнесла безстрастно:

— А гдѣ, скажите полковникъ, тотъ молодой баронъ, неожиданно появившійся въ свѣтѣ за два года до моего пріѣзда. Я не помню его фамиліи, но вы навѣрное понимаете кого я подразумѣваю.

При этихъ словахъ молодой женщины лицо фонъ-Ротерштейна выразило крайнее смущеніе и онъ произнесъ нерѣшительно:

— Если вы, баронесса, думаете о майорѣ фонъ-Рокебургѣ, то его нѣтъ, и имя это должно быть похоронено не только для всякаго австрійца, но и для каждаго друга Австріи.

— Вотъ какъ! воскликнула баронесса Фалькстонъ съ живымъ удивленіемъ, неужели этотъ блестящій гвардеецъ заслужилъ такое презрѣніе. Въ чемъ же дѣло, собственно?

— Фонъ-Рокебургъ оказался не тѣмъ, за кого мы его принимали, сказалъ полковникъ сухо. Въ этомъ домѣ не мѣсто вспоминать подобнаго человѣка.

Фонъ-Ротерштейнъ не смотрѣлъ на свою собесѣдницу и поэтому не замѣтилъ, что по ея лицу скользнула саркастическая улыбка,

Въ этотъ моментъ въ сосѣдней большой залѣ послышался шумъ.

Замѣтивъ всеобщее оживленіе гостей, сидѣвшіе въ маленькой гостинной покинули свое уединеніе.

Фонъ-Рецеръ предложилъ руку баронессѣ и шелъ впередъ со своей прекрасной дамой, вызывавшей восхищеніе.

— „По всей вѣроятности прибылъ эрцгерцогъ“, замѣтилъ фонъ-Ротерштейнъ. Онъ не ошибся. Дѣйствительно, высокая и плотная фигура наслѣдника, облеченная въ бѣлый парадный мундиръ, показалась въ передней.

Офицеры почтительнымъ поклономъ привѣтствовали будущаго повелителя Австріи, который поздоровался съ молодой княжной и поцѣловалъ руку почтенной хозяйкѣ дома, встрѣтившей высокаго гостя въ залѣ.

Францъ-Фердинандъ держался весьма просто и непринужденно. Онъ заговаривалъ съ генералами и живо отвѣчалъ на поклоны молодыхъ офицеровъ, перебрасывался словами съ пожилыми дамами и наконецъ помѣстился въ мягкомъ креслѣ, окруженный пестрыми мундирами.

Въ это время въ залу вошелъ фонъ-Рецеръ подъ руку съ баронессой Фалькстонъ. Увидѣвъ эрцгерцога онъ не покинулъ своей дамы, но вмѣстѣ съ ней подошелъ къ креслу наслѣдника. Затѣмъ онъ поклонился и произнесъ почтительно, но просто:

— Честь имѣю привѣтствовать васъ Ваше высочество.

Францъ - Фердинандъ, обернувшись и увидѣвъ передъ собой хорошо знакомое лицо одного изъ виднѣйшихъ своихъ генераловъ, поднялся съ мѣста и протянулъ ему руку. Затѣмъ взоръ его скользнулъ на баронессу, которая также слегка поклонилась эрцгерцогу.

— Ваше высочество, сказалъ инспекторъ. Позвольте представить вамъ баронессу Фалькстонъ изъ Лондона.

По лицу Франца-Фердинанда скользнула улыбка удовольствія и, взявъ руку молодой женщины, онъ почтительно приподнесъ ее къ губамъ,

Затѣмъ онъ немного отодвинулъ свое кресло и жестомъ просилъ баронессу занять мѣсто. Она исполнила его желаніе, а онъ, опустившись рядомъ, завязалъ съ ней оживленный разговоръ, столь простой и непринужденный, какъ будто онъ велся простымъ офицеромъ.

Фонъ-Рецеръ, отойдя въ сторону, присоединился къ фонъ-Ротерштейну и его спутникамъ. Полковникъ лишь издали поклонился наслѣднику, замѣтивъ, что тотъ занятъ своей собесѣдницей.

Дѣйствительно, красота молодой англичанки произвела чарующее впечатлѣніе на эрцгерцога. Этотъ солдатъ, суровый и сдержанный, никогда не обращалъ вниманія на рядъ красавицъ, составлявшихъ австрійскій дворъ. Но баронесса Фалькстонъ въ своей величавой простотѣ, казалось, ничего не имѣла общаго съ рядомъ напыщенныхъ фрейлинъ. И высокій гость оказывалъ молодой женщинѣ особое вниманіе.

Ужинъ накрытый въ колоссальномъ залѣ, не прервалъ ихъ оживленной бесѣды. Эрцгерцогъ, какъ

слѣдовало по этикету, помѣстился рядомъ съ престарѣлой хозяйкой дома, въ то время какъ баронесса заняла мѣсто по его лѣвую руку.

Въ этотъ вечеръ Францъ-Фердинандъ былъ исключительно разговорчивъ, что, по мнѣнію присутствующихъ, надо было приписать обществу молодой англичанки. Послѣдняя своимъ изящнымъ иностраннымъ выговоромъ нѣмецкаго языка и остроумной рѣчью привлекла всеобщія симпатіи и явно очаровала эрцгерцога.

Много прекрасныхъ женщинъ встрѣчалъ на своемъ вѣку наслѣдникъ Австріи, но баронесса выгодно отличалась отъ нихъ не только изумительной красотой, но простотой и изяществомъ. Эти свойства рѣдко встрѣчаются въ австрійскомъ свѣтѣ, поэтому эрцгерцогъ смотрѣлъ на свою сосѣдку съ искреннимъ восхищеніемъ.

Послѣ ужина гости перешли въ большую гостинную комнату, уютно обставленную мягкой мебелью и озаренную нѣжнымъ красноватымъ свѣтомъ.

Эрцгерцогу давно слѣдовало бы покинуть гостепріимный домъ, такъ какъ строгій этикетъ австрійскаго двора запрещалъ наслѣдникамъ посѣщеніе частныхъ лицъ. Но Францъ-Фердинандъ не могъ разстаться съ баронессой, ибо эта женщина, какъ онъ чувствовалъ, начала сильно ему нравиться. Онъ удалился со своей прекрасной дамой въ одну изъ боковыхъ гостинныхъ и тамъ продолжали они свою бесѣду.

Было уже около полуночи и большинство гостей разъѣхалось, когда Францъ-Фердинандъ рѣшилъ проститься съ молодой женщиной.

— Баронесса, сказалъ онъ тихо. Простите за откровенность, но я долженъ признаться вамъ, что вы произвели на меня такое впечатлѣніе, что я не могу ограничить наше знакомство единичной встрѣчей. Забудьте, баронесса, что я наслѣдный эрцгерцогъ австрійскій, позвольте мнѣ быть знакомымъ съ вами и встрѣчаться на правахъ простого офицера арміи.

При этихъ словахъ Францъ-Фердинандъ приложилъ руку баронессы къ своимъ губамъ. Молодая

женщина не сразу отвѣтила. Она подняла свои прекрасныя глаза и, бросивъ глубокій взглядъ въ лицо эрцгерцога, произнесла тихо и мягко:

— Ваше высочество оказываетъ мнѣ столь великую честь своимъ вниманіемъ, что я не въ силахъ выразить своей благодарности. Я буду безконечно рада, если ваше высочество дадите мнѣ возможность встрѣчаться съ вами.

Францъ-Фердинандъ еще разъ поцѣловалъ руку баронессы. Онъ чувствовалъ, что сердце его забилось учащенно, и этотъ суровый человѣкъ можетъ быть впервые въ жизни не смогъ вполнѣ владѣть собой. Онъ нѣсколько разъ горячо и страстно поцѣловалъ прекрасныя руки англичанки и произнесъ голосомъ, сдавленнымъ отъ волненія:

— Баронесса! Никогда въ жизни не видѣлъ я женщины подобной вамъ. Будьте путеводной звѣздой моей жизни. Я чувствую, что полюбилъ васъ.

Баронесса смущенно опустила глаза, но по лицу ея скользнула едва замѣтная улыбка довольства.

— Ваше высочество, произнесла она. Достойна-ли я любви такой высокой личности и что смѣю я сказать вамъ?

— Баронесса, прошепталъ эрцгерцогъ страстно. забудте мой чинъ и мое имя. Я какъ простой человѣкъ предлагаю вамъ свою любовь и прошу васъ сказать откровенно, могу ли я расчитывать на симпатію съ вашей стороны.

Баронесса не сразу отвѣтила. Она стояла, оставивъ свою дрожащую руку въ сильной рукѣ эрцгерцога и опустивъ голову. Затѣмъ она подняла свои голубые глаза и устремивъ ихъ въ лицо наслѣдника, прошептала тихо: „Я счастлива, ваше высочество“.

Эрцгерцогъ обнялъ ея стройный станъ и нѣжно привлекъ къ себѣ.

ГЛАВА VII.

Четыре дня спустя, яснымъ и тихимъ вечеромъ, около одной изъ богатыхъ виллъ, расположенныхъ въ восточномъ предмѣстьѣ Вѣны, остановился автомобиль и изъ него вышли офицеръ и дама.

Статный военный держалъ свою молодую спутницу подъ руку и оба они поднявшись по каменной лѣстницѣ, прошли въ вестибюль. Здѣсь молодая женщина скинула съ себя широкое манто и передала его слугѣ, въ то время, какъ офицеръ повѣсилъ свой широкій китель и отстегнулъ длинную саблю.

Въ этой элегантной парочкѣ читатель навѣрное угадалъ уже знакомую ему баронессу Фалькстонъ и ея высокаго поклонника эрцгерцога Франца-Фердинанда. Дѣйствительно, наслѣдникъ Австріи избралъ мѣстомъ свиданія со своей возлюбленной одну изъ загородныхъ виллъ, принадлежащихъ ему, и здѣсь они проводили вечера, сидя за широкимъ окномъ, выходящимъ на поля и коротая время во взаимной любви...

И на этотъ разъ, жестомъ удаливъ слугу, эрцгерцогъ обнялъ свою спутницу и они вошли въ сосѣднюю съ вестибюлемъ комнату—зеленую гостинную. Электричество не было зажжено, и обстановка этого изящнаго помѣщенія освѣщалась легкими проблесками вечерняго неба.

Прибывшіе опустились на широкій диванъ и нѣкоторое время сохраняли молчаніе, любуясь раскинутой передъ ними панорамой.

Затѣмъ, нѣжно взявъ баронессу за руку, эрцгерцогъ произнесъ:

— Какъ хорошо здѣсь, съ тобой, моя милая, въ этомъ уединеніи. Какъ отдыхаю я отъ шума и презрѣннаго свѣта, гдѣ нѣтъ ни теплаго взгляда, ни искренняго слова. Любовь къ тебѣ перерождаетъ мою душу и отвлекаетъ меня отъ этой тяжкой жизни.

Рука молодой женщины слегка задрожала подъ рукой эрцгерцога, она потупила свой взоръ и въ то же время едва замѣтная улыбка подернула ея прекрасныя губы. Затѣмъ эта улыбка исчезла и, поднявъ свои глаза на эрцгерцога, баронесса произнесла:

— Милый, какъ я люблю тебя. Какъ хотѣла бы я слиться душой своей съ тобой воедино. Но, видимо, пропасть отдѣляетъ насъ.

— Почему пропасть, дорогая? живо отвѣтилъ наслѣдникъ. Нѣтъ ничего, чтобы скрылъ я отъ тебя. Мы откроемъ другъ другу всѣ тайники нашихъ душъ и тогда онѣ сольются воедино.

— Но какъ это сдѣлать, дорогой?, спросила молодая женщина.

— Пусть каждый изъ насъ разскажетъ другому какую-нибудь тайну, отягчающую его мысли. Пусть ничего между нами не будетъ недосказаннаго. Тогда мы поймемъ другъ друга.

— Какъ хорошо это будетъ, произнесла англичанка вкрадчиво. Но неужели есть у тебя какая-нибудь тайна, которая тяготитъ твою душу и которой ты хотѣлъ бы подѣлиться со мной?

— Есть ли у меня тайна? Воскликнулъ эрцгерцогъ съ горькой ироніей. Вся жизнь моя сплошная тайна. Ни одной откровенной мысли, ни одного свободнаго слова не смѣю я произнести и имѣть. Все сжато гнетущими рамками моего титула и положенія. Никто не знаетъ, что таю я у себя въ груди, никто не можетъ помочь мнѣ совѣтомъ и облегчить меня участіемъ.

Эрцгерцогъ опустилъ свою голову на руки, видимо взволнованный нахлынувшими думами. Баронесса нѣжно погладила его по волосамъ и легкимъ

движеніемъ приподнявъ его голову, поцѣловала въ закрытые глаза.

— Такъ открой же, мой милый, что тяготитъ тебя?

Эрцгерцогъ также нѣжно съ благодарностью поцѣловалъ лобъ своей возлюбленной и затѣмъ произнесъ:

— Тайна моя не есть тайна въ обыденномъ смыслѣ. Она трудно выражаема словами. Я не совершалъ ннкакого преступленія, оставшагося нераскрытымъ, я не нарушалъ традицій своего дома и ничѣмъ не запятналъ древній родъ. Въ этомъ отношеніи я смѣло смотрю въ глаза исторіи. Но все же я боюсь ея, того неумолимаго судьи минувшаго. И больше всего я боюсь старой Австріи. Наша монархія заслужила почетное мѣсто среди великихъ державъ, но неумолимое время клонитъ ее по пути къ гибели. И вотъ, неожиданно, мнѣ суждено было стать правой рукой престарѣлаго монарха, фактическимъ правителемъ имперіи. И что же увидѣлъ я! Развѣ я не видѣлъ ничтожества нашей родины. Развѣ я не понималъ полнаго нашего безсилія. Развѣ я не хотѣлъ блага Австріи и поддержанія ея вѣкового престижа. Все это видѣлъ я и желалъ. Но есть силы выше насъ!

Эрцгерцогъ на минуту остановился и глубоко вздохнулъ. Затѣмъ, какъ бы обдумывая свою фразу, онъ произнесъ:

— Есть на землѣ одинъ человѣкъ, личность котораго остается для меня загадочной и который имѣетъ на меня неотразимое вліяніе. Что это за человѣкъ! Я часто задавалъ себѣ этотъ вопросъ и никогда не могъ найти отвѣта. Только чудится мнѣ, что въ немъ, могущественномъ земными средствами, таится еще высшая сила. Это мой злой геній и не дай Богъ, чтобы онъ сталъ злымъ геніемъ міра. Желѣзной воли и непоколебимаго ума, онъ можетъ стать великой личностью исторіи. Но, лишенный благородства, полный узкихъ національныхъ стремленій, онъ не привлечетъ къ себѣ сердца народовъ. Я чувствую, я знаю,

что близокъ часъ, когда неслыханнымъ пожаромъ онъ зажжетъ Европу. И я, со стороны сильный и мужественный, какъ безвольный ребенокъ буду вовлеченъ въ эту губительную игру. Я жажду сбросить съ себя его иго, но не могу этого сдѣлать.

Снова замолчалъ эрцгерцогъ и снова складки горя покрыли его лобъ.

Затѣмъ, устремивъ проницательный взоръ въ прекрасныя глаза своей возлюбленной, онъ спросилъ:

— Ты знаешь кто этотъ человѣкъ, дорогая?

Молодая женщина, положивъ свою мягкую руку на голову эрцгерцогу, отвѣтила ему полнымъ взглядомъ и произнесла:

— Это Вильгельмъ Второй, германскій императоръ.

— Да, моя дорогая, живо воскликнулъ наслѣдникъ. Ты права. Повелитель Германіи силой своего демоническаго ума и воли сталъ моимъ повелителемъ, а вмѣстѣ со мной и Австріи. Онъ влечетъ Австрію къ гибели и что самое ужасное, желаетъ ея гибели. Да, тройственный союзъ есть только дипломатическое недоразумѣніе. Какіе общіе интересы связываютъ составляющія его страны. Вильгельмъ ищетъ гибели Австріи, чтобы поживиться на ея счетъ, разрушенной монархіи. И вотъ я, зная это, покорно слѣдую по имъ начертанному пути, ведя за собой на гибель старую корону Габсбурговъ.

Эрцгерцогъ поднялся и подошелъ къ распахнутому окну. Онъ вдохнулъ въ себя свѣжій вечерній воздухъ и, облегченный живительнымъ его дѣйствіемъ, разгладилъ морщины заботы своего лица.

Затѣмъ онъ повернулся къ своей возлюбленной и, улыбнувшись на ея привѣтливый взоръ, произнесъ:

— Ты видишь теперь, моя любовь, какія тяжкія раны скрываю я подъ покровомъ силы и власти. И теперь, возведенный въ санъ верховнаго главнокомандующаго всѣми вооруженными силами имперіи, облеченный довѣріемъ монарха, я стою наканунѣ наибольшаго нравственнаго пораженія, какое когда-нибудь было нанесено мнѣ этимъ желѣзнымъ императоромъ.

Я чувствую, что черезъ нѣсколько дней буду принужденъ подписать кровавую страницу исторіи, роковую для моей короны и всей Австріи. Императоръ Вильгельмъ просилъ меня свидѣться съ нимъ въ замкѣ Канопиштъ. Чувствую, что приближается развязка многолѣтней политики вооруженія Германіи. И старая Европа, на поляхъ которой пролито столько крови, содрогнулась бы, если бы могла предвидѣть грядущую бурю.

Послѣднія слова эрцгерцога произвели, видимо, особое впечатлѣніе на баронессу. Она слегла приподнялась и, стараясь казаться безстрастной, обратилась къ наслѣднику съ вопросомъ:

— Императоръ вызвалъ тебя въ замокъ?

— Да, я получилъ отъ него письмо.

— Что же это свиданіе будетъ оффиціальнымъ?

— Нѣтъ, мы придадимъ ему видъ дружественной встрѣчи для охоты.

— Тебя будетъ сопровождать большая свита?

— Нѣтъ. Я думаю взять съ собой только нѣсколько генераловъ, въ томъ числѣ фонъ-Рецера, такъ какъ будутъ обсуждаться важные военные вопросы, которые въ то же время ни въ коемъ случаѣ не должны подлежать огласкѣ. Моимъ секретаремъ будетъ фонъ-Ротерштейнъ.

— Вотъ какъ!, воскликнула баронесса радостно. Ты облекаешь молодого полковника такимъ довѣріемъ?

— Да, отвѣтилъ эрцгерцогъ, онъ вполнѣ заслуживаетъ этого.

Баронесса улыбнулась, но эта улыбка, полная какой то тайной радости, осталась незамѣтной для эрцгерцога. Затѣмъ послѣдній произнесъ:

— Теперь, дорогая, насталъ чередъ тебѣ раскрыть передо мной какую-нибудь тайну, отягчающую твою душу.

Баронесса не сразу отвѣтила. Она поднялась, медленно подошла къ своему возлюбленному, обняла его голову прекрасными руками и, покрыла его лицо поцѣлуями, произнесла тихо:

— Ты скоро узнаешь, мой дорогой, эту тайну. Она раскроется сама собой.

— Но я не испугаюсь ея?, спросилъ эрцгерцогъ шутливо.

На это молодая женщина не отвѣтила. Она прижала свои уста къ губамъ Франца-Фердинанда и запечатлѣла долгій горячій поцѣлуй.

На другой день Августъ Морицъ былъ не мало пораженъ содержаніемъ письма, доставленнаго ему посыльнымъ. Вотъ что тамъ значилось:

„Эрцгерцогъ ѣдетъ въ Конопишты, для свиданія съ Вильгельмомъ. Австрія и Германія предрѣшили войну, которая разразится этимъ лѣтомъ.

Фонъ-Ротерштейнъ будетъ имѣть въ своихъ рукахъ всѣ документы.

Извѣстите Парижъ и Петербургъ. Ф.“.

ГЛАВА VIII.

Какъ то вечеромъ, недѣлю спустя послѣ своего пріѣзда въ Парижъ, фонъ-Рокебургъ-Броунъ получилъ письмо, весьма встревожившее его.

„Остерегайтесь. Двое, которыхъ вы знаете подъ видомъ англичанъ, ѣдутъ въ Парижъ. Анна Млейхъ",

Конечно, и безъ этого предупрежденія Броунъ могъ знать, что его мѣстопребываніе не останется нераскрытымъ. Однако столь стремительное нападеніе было для него неожиданностью. Теперь предстояло принять мѣры, чтобы обезопасить себя отъ выслѣживанія и ловушки, которая могла бы угрожать не только успѣху дѣла, но и его личности.

Поэтому Броунъ рѣшилъ уже на слѣдующій день оставить свой отель, переселиться въ другой, перемѣнивъ и внѣшность и фамилію.

Однако ему не суждено было такъ легко замести свои слѣды.

Въ одинадцать часовъ къ перону Западнаго вокзала подкатилъ экспрессъ и высыпавшая публика пестрой толпой устремилась къ выходамъ.

Двое мужчинъ, изящно одѣтыхъ по дорожному вмѣстѣ съ общимъ потокомъ направились къ широкимъ дверямъ ведущимъ въ городъ.

Одинъ изъ нихъ былъ значительно старше своего спутника. Длинная сѣдая борода и пышная шевелюра обличали въ немъ человѣка весьма преклоннаго воз-

раста. Другой былъ на видъ лѣтъ тридцати, съ черной клинообразной бородкой и длинными опущенными усами.

Подойдя къ заламъ ожиданія они остановились, поставили свой небольшой багажъ на полъ и одновременно вынули сигары.

Это видимо служило условнымъ знакомъ, такъ какъ въ тотъ же моментъ къ нимъ подошелъ какой-то человѣкъ и, слегка поклонившись, произнесъ тихо.

— Трудно искать человѣка въ великомъ городѣ.

Старшій изъ прибывшихъ, повернувшись въ сторону говорящаго и, видимо, нисколько не удивленный его странными словами, сейчасъ же отвѣтилъ:

— Но не сдѣлаешь ли ты это для Австріи.

— Я сдѣлалъ это для Австріи, отвѣчалъ неизвѣстный также тихо.

— Тогда говори.

— Отель Вандомъ, загримированъ, какъ вы.

Вслѣдъ за этимъ неизвѣстный смѣшался съ толпой.

Нѣсколько минутъ прибывшіе стояли молча. Затѣмъ старшій обратился къ своему спутнику:

— Видишь, Ольмюцъ, какъ я искусно разставилъ свои сѣти. Птичка уже въ клѣткѣ.

— Но не такъ легко будетъ схватить ее голыми руками, отвѣтилъ другой. Я очень доволенъ тѣмъ, графъ, что мнѣ удалось уговорить васъ перемѣнить гримъ. Красавица-пассажирка продолжаетъ казаться мнѣ весьма подозрительной.

— Не буду спорить съ вами, мой другъ, отвѣтилъ пожилой господинъ, въ которомъ читатель навѣрное уже узналъ графа Канемарка.—Надо поспѣшить по указанному адресу.

Они взяли свои вещи и молча, каждый обдумывая предстоящую ему трудную работу, поѣхали въ гостинницу на площадь Вандомъ.

Блестящая панорама ночного Парижа, видимо, нисколько не привлекала обоихъ прибывшихъ и они вышли изъ своей задумчивости только тогда, когда моторъ остановился передъ широкой дверью отеля.

Они вступили въ вестибюль, подошли къ прилавку метр-д-отеля и попросили отвести имъ двѣ комнаты недалеко отъ выхода. Въ книгѣ они расписались вымышленными фамиліями.

Затѣмъ графъ освѣдомился, не остановился ли въ отелѣ господинъ, наружностью на него похожій. На это онъ получилъ отвѣтъ, что такое лицо имѣется; мистеръ Броунъ изъ Глазго. Канемаркъ и его спутникъ не подали виду, что эти свѣдѣнія имѣютъ для нихъ особое значеніе, но на оборотъ, указали, что интересующее ихъ лицо не англичанинъ.

Затѣмъ они направились осматривать свои апартаменты.

Комнаты, занятыя графомъ и Ольмюцемъ были въ третьемъ этажѣ и выходили на площадь, какъ разъ надъ помѣщеніемъ мнимаго Броуна.

Отпустивъ слугу и запершись въ одной изъ комнатъ, прибывшіе почувствовали себя, наконецъ, совершенно свободными. Они размѣстились въ креслахъ, такъ какъ были утомлены дорогой и рѣшили обсудить ближайшіе вопросы.

Они не въ силахъ проявлять противъ русскаго шпіона какіе-либо активныя дѣйствія, здѣсь, на территоріи скорѣй ему дружественной, чѣмъ нейтральной Франціи. Но имъ предстоитъ во что бы то ни стало выяснить характеръ его дѣятельности. Также необходимо найти гнѣздо измѣнниковъ Австріи и концы тѣхъ нитей всемірнаго шпіонажа, которые всѣ сходятся въ Парижѣ.

Въ этой борьбѣ допустимы всѣ средства—хитрость, обманъ, насиліе, подкупъ. Довольно этотъ шпіонъ обманывалъ Австрію, не только въ лицѣ простыхъ гражданъ, но генераловъ и самого императора.

Австрія жестоко отомститъ...

Кромѣ того Ольмюцъ чувствуетъ потребность личной мести. Шпіонъ тяжко ранилъ его самолюбіе. Онъ возьметъ на себя самую трудную работу и сторицей расплатится съ предателемъ.

Однако графъ Канемаркъ совѣтуетъ быть осторожнымъ.

— Кто знаетъ, сказалъ онъ, быть можетъ этотъ Броунъ имѣетъ во Франціи такія же могущественныя полномочія, какія имѣлъ въ Австріи. Онъ уменъ и хитеръ не менѣе насъ.

— Мы должны нанести ударъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, возразилъ сыщикъ. Нечего стѣсняться съ человѣкомъ, который прибѣгалъ къ непозволительнымъ уловкамъ. Мы должны отомстить за честь императора, который былъ обманутъ этимъ негодяемъ.

— Какого же плана вы хотите держаться? спросилъ графъ.

— Я проникну въ его комнату и, ручаюсь, найду что-нибудь интересное.

— Это крайне опасно.

Иначе мы не придемъ ни къ чему.

Во всякомъ случаѣ надо принять всѣ мѣры предосторожности.

Ольмюцъ изложилъ свой планъ. Онъ познакомится съ устройствомъ отеля а также съ точнымъ расположеніемъ комнатъ мнимаго барона по имѣющейся картѣ. Поздно ночью проникнетъ онъ къ своему врагу и произведетъ тщательный обыскъ. Что будетъ дальше покажутъ обстоятельства. Канемаркъ можетъ быть спокоенъ. Августъ Ольмюцъ знаетъ свое дѣло. На этомъ кончили свой разговоръ неутомимые преслѣдователи фонъ-Рокебурга. Графъ рѣшилъ отдохнуть, въ то время какъ сыщику было не до сна: онъ энергично началъ готовиться къ трудному ночному предпріятію.

Комнаты, занимаемыя Броуномъ были этажемъ ниже чѣмъ апартаменты графа Канемарка и его спутника. Длинный коридоръ охранялся ночью лишь однимъ дежурнымъ служащимъ, который, однако, предпочиталъ дремать въ своемъ креслѣ. Свѣтъ почти не проникалъ въ это помѣщеніе, а когда гасли уличные фонари, то все погружалось въ непроницаемый мракъ.

Въ эту ночь роскошный отель заснулъ также мирно и тихо, какъ обыкновенно. Осмотрѣвъ, заперты ли двери, дежурный второго этажа безмятежно задремалъ.

Ольмюцъ, не позволившій себѣ прилечь ни на минуту, несмотря на замѣтную усталость, съ нетерпѣніемъ дожидался удобнаго времени—четырехъ часовъ утра, когда меркло уличное освѣщеніе.

Онъ приготовилъ всѣ необходимые предметы, смѣнилъ ботинки на мягкія туфли и вмѣсто сюртука одѣлъ удобную широкую куртку.

Онъ замѣтно волновался, такъ давно не приходилось ему приступать къ такой трудной работѣ. Дѣло было тѣмъ опаснѣй, что противникъ обладалъ большой проницательностью и осторожностью.

Наконецъ наступилъ желанный моментъ. Уличный свѣтъ погасъ и все погрузилось въ темноту. Ольмюцъ, положивъ въ глубокіе карманы своей куртки всѣ приготовленные предметы, взялъ въ руки сильный электрическій фонарь и тихо пріотворилъ дверь.

Кругомъ было также темно и тихо. Прислушавшись, сыщикъ вышелъ въ коридоръ. Онъ хорошо изучилъ расположеніе мебели и даже расчиталъ число шаговъ отъ своей комнаты до лѣстницы, ведущей внизъ.

Онъ нащупалъ стѣну и тихо крался вдоль нея, не желая лишній разъ зажигать фонаря. Онъ хорошо оріентировался въ темнотѣ, и тонкимъ слухомъ своимъ не различалъ ничего, кромѣ біенія своего сердца.

Стѣна кончилась и отсюда шла лѣстница, по которой Ольмюцъ спустился, лѣвой рукой слегка придерживаясь за перила. Онъ подвигался крайне медленно, ежеминутно останавливаясь, но въ концѣ концовъ совершенно безпрепятственно достигъ второго этажа.

Здѣсь ему предстояло первымъ дѣломъ найти мѣстопребываніе сторожа, такъ какъ иначе онъ рисковалъ натолкнуться на него въ темнотѣ.

Онъ нажалъ кнопку фонаря и яркимъ пучкомъ свѣта быстро обвелъ коридоръ. Дежурный спалъ въ самомъ концѣ его, противоположномъ комнатѣ Броуна. Сыщикъ погасилъ электричество и повернулъ къ завѣтнымъ дверямъ. Онъ также тихо продолжалъ свой путь, останавливаясь и прислушиваясь. Его волненіе почти совсѣмъ улеглось и онъ ступалъ неслышно, но

твердо. Наконецъ онъ остановился. Передъ нимъ была дверь, ведущая въ комнату сосѣднюю съ спальной Броуна и представляющую кабинетъ и гостинную, Ольмюцъ прикрылъ стекло своего фонаря спеціальнымъ колпакомъ, оставляющимъ для свѣта лишь небольшое отверстіе. Затѣмъ онъ нажалъ кнопку и осмотрѣлъ замокъ. Ключъ, какъ и слѣдовало ожидать торчалъ съ другой стороны. Однако это обстоятельство не могло служить препятствіемъ сыщику, такъ какъ послѣдній располагалъ самыми усовершенствованными отмычками. Однако Ольмюцъ не сразу приступилъ къ работѣ. Онъ сперва тихо нажалъ ручку двери, чтобы удостовѣриться что она заперта. Дѣйствительно, замокъ былъ повернутъ. Тогда сыщикъ досталъ нѣсколько тонкихъ отмычекъ, выбралъ изъ нихъ одну и вложилъ ее въ замокъ. Онъ работалъ совершенно безшумно, но долгое время видимо, безуспѣшно. Наконецъ замокъ подался его усиліямъ, отмычка повернулась, раздался легкій трескъ и дверь слегка отворилась.

Сыщикъ, затаивъ дыханіе, прислушался. Но все было по прежнему тихо. Тогда онъ смѣло вошелъ въ комнату.

Здѣсь ему труднѣе было оріентироваться, такъ какъ онъ не зналъ расположенія мебели. Поэтому онъ снова извлекъ изъ кармана фонарь и направилъ тонкую струю свѣта въ гущу темноты. Онъ увидѣлъ, что дверь, отдѣлявшая эту комнату отъ сосѣдней, была завѣшана массивной портьерой, а окна были также тщательно закрыты.

Невдалекѣ отъ входа стоялъ столъ, рядомъ со столомъ кушетка. По противоположную сторону въ томъ же порядкѣ кресло, столикъ, небольшой диванъ и, наконецъ, письменный столъ.

Послѣдній привлекъ особое вниманіе сыщика, но онъ не могъ приступить къ детальному его осмотру не заручившись полной безопасностью.

Поэтому сыщикъ подкрался къ портьерѣ и слегка ее раздвинулъ. Въ сосѣдней комнатѣ было значительно свѣтлѣе, такъ какъ гардины не были завѣшаны и свѣтъ

загоравшейся зари давалъ возможность привыкшему къ темнотѣ глазу свободно различать предметы.

Прямо противъ сыщика была постель, на которой спалъ Броунъ, не подозрѣвавшій о близости врага. Ольмюцъ даже рискнулъ скользнуть по лицу спящаго полоской свѣта и сразу узналъ фонъ-Рокебурга.

Наплывъ ненависти наполнилъ душу сыщика. Ему хотѣлось броситься и придушить беззащитнаго, но онъ опомнился и только прошепталъ про себя:

— Насталъ часъ мести. Августъ Ольмюцъ отплатитъ за себя.

Затѣмъ онъ опустилъ портьеру и приблизился къ письменному столу, поверхность котораго была уставлена письменными принадлежностями и фотографическими карточками. Послѣдніе привлекли вниманіе сыщика, такъ какъ по нимъ онъ могъ узнать сотрудниковъ фонъ-Рокебурга. Одна изъ карточекъ изображала неизвѣстнаго Ольмюцу офицера, другая самого барона, третья же изящную женщину. Взявъ эту карточку въ руки и освѣтивъ ее фонаремъ, Ольмюцъ замѣтилъ на ней подпись: „Фалькстонъ".

Сыщикъ повторилъ про себя эту фамилію. Ему показалось, что онъ уже раньше слышалъ ее, но гдѣ и когда,—не могъ дать себѣ отчета. И, изъ чувства какого-то злорадства, онъ рѣшилъ, что надо оставить какое-нибудь воспоминаніе фонъ-Рокебургу о визитѣ.

Поэтому сыщикъ сунулъ фотографію женщины въ карманъ.

Затѣмъ онъ приступилъ къ взлому ящиковъ. Это удалось ему безъ труда. Онъ вытащилъ пачку бумагъ, разсматривать которыя у него, однако, не было времени. Онъ остановилъ вниманіе на связкѣ изящныхъ, видимо, женскихъ. Сперва онъ счелъ эту переписку менѣе серьезной и хотѣлъ было отложить ее въ сторону, но затѣмъ, надѣясь установить по ней личность изображенной на карточкѣ прекрасной дамы, онъ просмотрѣлъ нѣсколько листковъ. Ему повезло, и подъ однимъ изъ писемъ, онъ прочелъ: Ваша Фалькстонъ.

Тогда Ольмюцъ быстро пробѣжалъ глазами это посланіе.

Оно было изъ Вѣны. Авторъ писалъ, что прекрасно устроился въ столицѣ Австріи и что уже получилъ приглашеніе на великосвѣтскій балъ, на которомъ будетъ присутствовать эрцгерцогъ.

Фраза „здѣсь я приступлю къ исполненію своихъ обязанностей“ многое объяснила проницательному сыщику. Онъ положилъ письмо въ карманъ, рѣшивъ весь матеріалъ предоставить графу Канемарку. Затѣмъ онъ продолжалъ бѣглый обзоръ содержимаго нѣсколькихъ ящиковъ. Однако, не найдя ничего заслуживающаго вниманія, Ольмюцъ рѣшилъ оставить свою опасную работу.

Онъ привелъ въ порядокъ столъ, также неслышно, какъ вошелъ, оставилъ комнату и спустя нѣсколько минутъ былъ уже у себя.

Здѣсь онъ вздохнулъ облегченно.

Около десяти часовъ слѣдующаго утра Броунъ проснулся и началъ поспѣшно одѣваться. Онъ сѣтовалъ на себя, что встаетъ такъ поздно. Ему предстоялъ переѣздъ и кромѣ того много неотложныхъ дѣлъ.

Броунъ привелъ въ порядокъ свой гримъ и сталъ затѣмъ при помощи слуги укладывать вещи.

Было уже около полудня, когда онъ подошелъ къ письменному столу, чтобы забрать бумаги. Тутъ, неожиданно замѣтивъ исчезновеніе портрета баронессы Фалькстонъ, онъ пришелъ въ неописуемое смущеніе.

Всѣ поиски и разспросы слугъ остались, конечно, безрезультатными. Карточка исчезла безслѣдно. Осмотръ ящиковъ письменнаго стола убѣдилъ Броуна, что здѣсь хозяйничала чужая рука. Обдумывая это и принимая во вниманіе наличность всѣхъ цѣнныхъ предметовъ, онъ не могъ не придти къ заключенію, что имѣетъ дѣло съ преднамѣреннымъ обыскомъ. И мысль, что этотъ обыскъ могъ быть произведенъ только его врагами, о близости которыхъ онъ получилъ предупрежденіе, крайне его взволновала. Теперь бѣгство запоздало. Онъ все равно будетъ выслѣженъ.

Однако, что можетъ означать исчезновенiе портрета баронессы. Во всякомъ случаѣ, если будетъ установлена общность между молодой женщиной и мнимымъ барономъ, прекрасной англичанкѣ грозитъ опасность.

Постепенно истинная картина происшествiя все яснѣе обрисовывалась въ воображенiи Броуна. Онъ понялъ, что нападенiе было произведено Ольмюцемъ, весьма способнымъ на подобныя продѣлки, что теперь графъ Канемаркъ, безусловно освѣдомленный о появленiи баронессы Фалькстонъ въ вѣнскомъ свѣтѣ, не сможетъ не заподозрить ее въ соучастiи съ мнимымъ фонъ-Рокебургомъ и направитъ на нее свои удары.

Для ихъ предупрежденiя надо было принять спѣшныя мѣры. Броунъ оставилъ отель и послалъ баронессѣ телеграмму слѣдующаго содержанiя:

„Немедленно выѣзжайте въ Швейцарiю. Задержка недопустима. Броунъ“.

Затѣмъ вернувшись домой, онъ рѣшилъ остаться въ этой гостинницѣ, обезопасивъ себя, однако, отъ повторныхъ визитовъ непрошенныхъ гостей.

Въ то же утро Ольмюцъ разсказалъ Канемарку всѣ подробности своего похода и передалъ карточку и письмо баронессы.

Фотографiя молодой дамы ничего не говорила графу, зато фамилiя очень много. Онъ слышалъ ее нѣсколько лѣтъ назадъ на свѣтскихъ вечерахъ. Теперь, передъ самымъ отъѣздомъ онъ узналъ, что эта женщина, было исчезнувшая, снова появилась на горизонтѣ. Изъ того факта, что она связана съ мнимымъ барономъ отнюдь не любовными, но дѣловыми отношенiями, ему стало ясно, что ея роль при дворѣ далеко не невиннаго характера. И, хотя графъ не зналъ о связи баронессы съ наслѣднымъ принцемъ, онъ все

же рѣшилъ предупредить опасность, которая угрожала Австріи отъ такой прекрасной шпіонки. Канемаркъ немедленно отправилъ телеграмму фонъ-Ротерштейну, въ которой съ большой подробностью излагалъ сущность дѣла. Вотъ ея текстъ:

„Непреложно установлено взаимоотношеніе политическаго характера между баронессой Фалькстонъ и фонъ-Рокебургомъ. Мѣстопребываніе послѣдняго обнаружено. Необходимо самымъ рѣшительнымъ образомъ принять мѣры для предупрежденія возможныхъ осложненій. Подробности извѣщаются письменно. Канемаркъ".

ГЛАВА IX.

Эту депешу полковникъ фонъ-Ротерштейнъ получилъ около шести часовъ вечера. Содержаніе телеграммы такъ поразило офицера, что онъ долго колебался, придать ли ей какое-нибудь значеніе, или счесть за мистификацію. Полковникъ поспѣшилъ къ своему другу, генералу фонъ-Рецеру, который, ознакомившись съ содержаніемъ посланія, былъ пораженъ не менѣе фонъ-Ротерштейна. Офицеры долго не могли не только принять какое-либо рѣшеніе, но и дать себѣ ясный отчетъ въ происшедшемъ.

Оба они были прекрасно знакомы съ молодой женщиной, которая пользовалась ихъ искренней дружественной симпатіей. Обвиненіе въ сообщничествѣ съ предателемъ и шпіономъ было по меньшей мѣрѣ невѣроятно и фонъ-Ротерштейнъ былъ уже готовъ возмутиться подобной клеветой и бросить графу обвиненіе въ оскорбленіи женщины, но фонъ-Рецеръ удержалъ его отъ необдуманнаго порыва.

— Кто знаетъ, сказалъ онъ, какія тяжкія разочарованія ожидаютъ насъ впереди. Я, конечно, не сомнѣваюсь въ безупречной честности баронессы, но въ то же время нельзя забывать и того, что въ свое время каждый изъ насъ могъ дать голову на отсѣченіе за непорочность самого фонъ-Рокебурга. Люди обманчивы, они не видятъ правды, но умѣютъ искусно скрывать ее отъ другихъ.

Фонъ-Ротерштейнъ не могъ въ душѣ не согласиться съ генераломъ, что подобное обвиненіе могло быть произнесено грофомъ Канемаркомъ только при наличности несомнѣнныхъ доказательствъ.

Поэтому, послѣ продолжительныхъ споровъ и пререканій, оба друга порѣшили на слѣдующемъ: фонъ-Ротерштейнъ отправится къ баронессѣ и спроситъ ее прямо, что можетъ она сказать по поводу обвиненія изложеннаго въ телеграммѣ. Дальнѣйшія мѣропріятія будутъ находиться въ зависимости отъ того впечатлѣнія, которое вынесетъ полковникъ.

Около десяти часовъ фонъ-Ротерштейнъ подъѣхалъ къ особняку, который занимала баронесса. Онъ чувствовалъ сильное волненіе не только потому, что дѣло касалось столь щекотливаго вопроса, но и потому, что въ него былъ замѣшанъ человѣкъ, къ которому онъ питалъ безграничное довѣріе и даже привязанность.

Полковникъ надѣялся, что все ограничится выясненіемъ недоразумѣнія.

Позвонивъ у подъѣзда, онъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что его рука дрожала. Однако, собравъ все свое мужество, онъ заставилъ себя дѣйствовать хладнокровно. Онъ спросилъ слугу, дома ли баронесса и получилъ на это утвердительный отвѣтъ. Тогда, пройдя въ переднюю, онъ назвалъ себя и просилъ передать хозяйкѣ дома, что желалъ бы бесѣдовать съ ней по весьма важному дѣлу. Слуга удалился и, вернувшись вскорѣ крайне смущенный, извинился передъ офицеромъ.

Онъ ошибся. Баронессы нѣтъ дома.

Полковникъ былъ немало удивленъ этимъ и подумалъ, что его не желаютъ принимать. Однако дѣло не допускало отлагательствъ и онъ потребовалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, чтобы его провели къ баронессѣ.

На это слуга продолжалъ утверждать, что ея нѣтъ дома, причемъ по тону его голоса было видно, что онъ говоритъ правду. Фонъ-Ротерштейнъ просилъ позвать камеристку, которая въ свою очередь также была не мало смущена.

Она не знаетъ, когда вышла барыня. Она была увѣрена, что баронесса у себя въ будуарѣ. Если гос-

подинъ полковникъ желаетъ, онъ можетъ осмотрѣть квартиру.

Это было говорено такъ, что не приходилось сомнѣваться въ истинѣ, а незамѣтное исчезновеніе баронессы не могло не навлечь полковника на размышленія.

Поэтому онъ рѣшилъ использовать возможность осмотрѣть квартиру, скорѣй съ надеждой найти что-нибудь могущее пролить свѣтъ на дѣло, чѣмъ чтобы удостовѣриться въ отсутствіи хозяйки дома.

Они прошли нѣсколько роскошныхъ залъ и остановились у дверей будуара. Сюда офицеръ не могъ войти и поэтому онъ просилъ камеристку осмотрѣть комнату. Дѣвушка, вернувшись назадъ вскорѣ крайне удивленная, принесла съ собой конвертъ, найденный на зеркальномъ туалетѣ. Надпись на конвертѣ была столь поразительна, что превзошла всѣ ожиданія фонъ-Ротерштейна. Вотъ что прочелъ онъ:

„Францу-Фердинанду эрцгерцогу австрійскому“.

Эта надпись, столь мало и въ то же время столь много говорящая, привела полковника въ неописуемое смущеніе. Онъ сразу понялъ, что неожиданное исчезновеніе молодой женщины было бѣгствомъ. Въ то же время обращеніе баронессы къ наслѣднику подтверждало распространившіеся слухи объ ихъ связи. Въ первый моментъ офицеръ не зналъ что предпринять, ибо происшествія послѣднихъ часовъ были до того неожиданны и поразительны, что заставили его растеряться. Затѣмъ онъ позвонилъ по телефону къ фонъ-Рецеру и передалъ ему всѣ подробности.

Генералъ, скорѣй крайне огорченный, чѣмъ удивленный, посовѣтовалъ немедленно передать письмо по назначенію.

Тогда фонъ-Ротерштейнъ отправился во дворецъ эрцгерцога.

Какъ близкое лицо, полковникъ былъ немедленно проведенъ въ покои эрцгерцога и принятъ имъ. Полковникъ, считая дѣло крайне серьезнымъ приступилъ къ изложенію его безъ отлагательствъ.

Онъ извиняется за безпокойство, но такъ требуютъ обстоятельства. Пусть Его Высочество не принимаетъ близко къ сердцу случившееся. Надо надѣяться, что недоразумѣніе выяснится.

Затѣмъ онъ разсказалъ наслѣднику исторію телеграммы и послѣдующія за ней событія. Подъ конецъ онъ передалъ письмо баронессы.

Францъ-Фердинандъ, пораженный всѣмъ услышаннымъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, такъ какъ дѣло шло о достоинствѣ любимой женщины, въ первый моментъ даже не рѣшался вскрыть письмо. Онъ чувствовалъ, что оно лишитъ его послѣднихъ иллюзій. Наконецъ онъ разорвалъ конвертъ и пробѣжалъ глазами краткое посланіе:

„Тайна моя этимъ раскрывается передъ Вами, Ваше Высочество. Простите меня... Я подошла къ Вамъ съ камнемъ за пазухой, но искренно полюбила... Однако то дѣло, которому я служу осилило мои личныя чувства. Мнѣ жаль Васъ... Мнѣ жаль Австріи... Ее ждетъ гибель...

Баронесса Фалькстонъ“.

Эрцгерцогъ тяжело опустилъ голову и лишь присутствіе фонъ-Ротерштейна удержало этого сильнаго человѣка отъ рыданій. Трудно нанести болѣе тяжкій ударъ. Поражены его любящее сердце, его довѣрчивая искренность и національная гордость.

Кого любилъ онъ, кому расточалъ свои ласки, кому ввѣрялъ душевныя тайны. Онъ — наслѣдный принцъ великой державы.—Предательницѣ, шпіонкѣ, авантюристкѣ.

Дѣйствительно, все окружено измѣной. Австрію ждетъ гибель... Онъ чувствовалъ это.

Въ опасности старый тронъ, колеблется древняя корона.

На слѣдующій день около десяти часовъ утра фонъ-Ротерштейнъ приступилъ къ своимъ очереднымъ занятіямъ. Однако недавнія происшествія такъ глубоко взволновали и разсѣяли его мысли, что онъ не въ силахъ былъ сосредоточиться.

Поэтому, отложивъ перо въ сторону, онъ сталъ расхаживать по своему кабинету и мысли, высказанныя вчера эрцгерцогомъ о положеніи Австріи снова пришли ему въ голову.

Точно невидимой сѣтью опутывали измѣна и предательство старую монархію. Гидра шпіонажа уже пропитала своимъ разрушительнымъ ядомъ императорскую армію и подкрадывалась теперь къ самому трону.

И такъ, корона Габсбурговъ въ опастности.

Если эрцгерцогъ могъ сказать это, значитъ, дѣйствительно, древняя держава близка къ гибели.

Такія мысли наполняли трепетомъ душу вѣрнаго патріота. Онъ искалъ опору для надеждъ на лучшее будущее и не находилъ ея...

И вдругъ ходъ міровой исторіи неумолимо ясно предсталъ въ его воображеніи. Онъ понялъ, что великія историческія событія, предрѣшенныя Австріей и Германіей, будутъ роковыми для этихъ монархій.

Русскій великанъ, стоя на желѣзныхъ ногахъ своихъ, всей колоссальной массой обрушится на тевтонскія державы. Если Германія и устоитъ въ этой борьбѣ, то Австрія, снѣдаемая внутренними распрями, рухнетъ и разсыплется по составнымъ частямъ своимъ, какъ глиняное изваяніе...

Его родина, любимое отечество погибнетъ...

Что останется для нихъ, вѣрныхъ патріотовъ. — Воспоминанія минувшей славы и былого величія. Истинно.

А они маленькіе люди, безсильныя маріонетки Рока, принуждены покорно наблюдать агонію своего отечества.

Что дѣлать? Оставаться ли въ этомъ шатающемся зданіи и ждать его паденія, чтобы вмѣстѣ погибнуть подъ руинами... или бѣжать, пока еще не пропущенъ

послѣдній срокъ, чтобы предоставить Австрію неизбѣжной судьбѣ.

Есть ли надежда на спасеніе? Нѣтъ!

Но можетъ быть все же есть она?

Умъ патріота, приведеннаго въ отчаяніе, цѣпляется за послѣднюю надежду... Германія.

Германія выполнитъ союзныя обязательства. Могущественная на сушѣ и на морѣ она поддержитъ Австрію въ тяжелый моментъ...

А не захочетъ ли она подѣлиться на ея счетъ.

Но онъ отогналъ отъ себя эти мысли...

Въ этотъ моментъ слуга принесъ ему пакетъ и доложилъ, что посыльный ожидаетъ отвѣта.

Полковникъ вскрылъ конвертъ и вотъ что прочелъ онъ:

„Господину полковнику фонъ-Ротерштейну. Милостивый государь!

Если прочтя первыя строки этого письма Вы будете возмущены, то, прошу Васъ, обдумайте и взвѣсьте все послѣдующее, со свойственнымъ Вамъ умомъ и благоразуміемъ.

Намъ извѣстно, что вы будете состоять секретаремъ эрцгерцога при свиданіи его съ императоромъ Вильгельмомъ въ Канопиштахъ. Этотъ постъ дастъ Вамъ въ руки всѣ важнѣйшія бумаги, скрывающія государственныя тайны. Но намъ извѣстенъ также и характеръ переговоровъ, которые произойдутъ между Высокими представителями государствъ:

Европа наканунѣ войны.

Знаете ли Вы полковникъ, что эта война будетъ послѣдней войной Австро-Венгріи. Двуединая монархія кончила свой историческій путь. Но Вы не знаете, кто больше грозитъ ея существованію.

Это не Россія, которая ее побѣдитъ, но не разрушитъ, а Германія, которая ее не побѣдитъ, но разрушитъ. Да, намъ извѣстны замыслы Берлина. Мы обращаемся къ Вамъ, какъ къ вѣрнѣйшему изъ ав-

стрійцевъ. Волею Судебъ Вы поставлены въ такое положеніе, что можете удержать Австрію отъ безумнаго шага.

Горе монархіи заключается въ томъ, что она довѣряетъ Германіи и не расчитываетъ встрѣтить въ лицѣ Россіи достойнаго противника.

Но она жестоко ошибается. Россія могущественна. Война кончится неминуемо жестокимъ пораженіемъ императорско-королевскаго войска, а Австрія сдѣлается добычей съ одной стороны Россіи, съ другой Германіи, которая сумѣетъ отстоять свою независимость.

Вы, какъ патріотъ, должны остановить войну и предупредить Европу объ опасности. Тогда Австрія будетъ знать, что нападеніе не явится неожиданностью, тогда Германіи не удасться втолкнуть ее въ губительную авантюру и тогда Ваша и наша родина будетъ спокойно продолжать свой историческій путь, освященный вѣками.

Пусть раскроется передъ міромъ тайна канопиштскаго заговора.

Судьба Европы и Австріи въ Вашихъ рукахъ.

Австріецъ".

Письмо это не только не возмутило фонъ-Ротерштейна, но опять навлекло его на прежнія печальныя мысли.

Авторъ письма, точно сговорившись съ щемящими душу офицера заботами, упоминаетъ о той опасности, которая грозитъ Австріи со стороны Германіи. Не соотвѣтствуютъ ли эти опасенія дѣйствительнымъ замысламъ Берлина.

Онъ чувствуетъ, что да.

Не можетъ ли онъ послѣдовать совѣту автора письма и выдать тайну Канопиштъ. Нѣтъ. Онъ солдатъ и долженъ точно исполнять свой долгъ.

Пусть тѣ, кто ведетъ колесницу Державы отвѣтятъ передъ исторіей.

Онъ не предприметъ ничего... пока не убѣдится въ предательствѣ Германіи.

И полковникъ приказалъ сказать посланному, что отвѣта не будетъ.

Посланный, оставивъ домъ офицера, вскорѣ подошелъ къ какому-то человѣку, поджидавшему его.

— Отвѣта нѣтъ, сказалъ онъ и удалился.

— Вотъ какъ, прошепталъ про себя другой и лицо его выразило заботу и огорченіе.

Этотъ человѣкъ былъ Августъ Морицъ.

ГЛАВА X.

Несмотря на всю бдительность и проницательность Броуну-Рокебургу не удалось опознать своихъ неутомимыхъ противниковъ. Но самъ оставался предметомъ неусыпнаго наблюденія. Ольмюцъ, изощряясь до крайности, мѣняя прическу, гримъ, платье и даже походку, преслѣдовалъ мнимаго барона по пятамъ, и ему удалось собрать нѣкоторыя цѣнныя свѣдѣнія. Такъ имъ было установлено мѣсто въ Латинскомъ кварталѣ, гдѣ собирались бѣглецы Австріи. Онъ встрѣтилъ здѣсь нѣсколько знакомыхъ лицъ, бывшихъ ранѣе офицерами императорской гвардіи, а также замѣтилъ двѣ три фамиліи, могущихъ ему понадобиться въ будущемъ.

Такимъ образомъ въ этой молчаливой борьбѣ сыщикъ выходилъ побѣдителемъ и предоставлялъ графу Канемарку цѣнный матеріалъ, по которому тотъ могъ составить себѣ картину дѣятельности шпіонажа.

Работа Ольмюца продолжалась уже болѣе мѣсяца, какъ вдругъ Броунъ выѣхалъ изъ отеля съ намѣреніемъ покинуть Парижъ.

Графъ Канемаркъ и Ольмюцъ немедленно послѣдовали за нимъ, однако отдѣлившись другъ отъ друга и перемѣнивъ свою наружность до неузнаваемости. Этимъ преслѣдователи добились своей цѣли; Броунъ сѣлъ въ эльзасскій поѣздъ въ полной увѣренности, что избавился отъ нежелательныхъ спутниковъ. Поѣздъ отошелъ отъ Западнаго вокзала вечеромъ и на слѣдующее утро былъ въ Мецѣ. Съ нѣкоторымъ

волненіемъ переѣзжалъ Броунъ границу Германіи, чувствуя, что теряетъ подъ собой ту безопасную почву, которую предоставляла ему Франція. Враги его могутъ теперь легко найти поддержку въ лицѣ мѣстныхъ властей и надо быть вдвойнѣ осторожнымъ. Только необходимость заставила его предпринять этотъ шагъ.

Тѣ же разсужденія съ обратной точки зрѣнія приходили въ голову Канемарка и Ольмюца. Они вполнѣ оцѣнили выгодность своего положенія и преимущество борьбы на благопріятной почвѣ. Поэтому графъ питалъ надежду, что на этотъ разъ шпіонъ не ускользнетъ изъ его рукъ.

Прибывъ въ Мецъ, Броунъ оставилъ свой багажъ на вокзалѣ и отправился по городу пѣшкомъ. Ольмюцъ послѣдовалъ за нимъ, въ то время какъ графъ остался на вокзалѣ. Пройдя нѣсколько кварталовъ, преслѣдуемый остановился передъ большимъ домомъ на улицѣ Мира и вошелъ въ подъѣздъ. Затѣмъ онъ поднялся на четвертый этажъ.

Сыщикъ не рискнулъ послѣдовать за нимъ и занялъ наблюдательный постъ.

Броунъ остановился передъ дверью, на которой была карточка съ надписью „Млейхъ".

Войдя, онъ сейчасъ же былъ принятъ хозяйкой дома, молодой женщиной личность которой уже знакома читателю. Это была та путешественница, которая въ салонъ-вагонѣ встрѣтилась съ Ольмюцемъ и Канемаркомъ, загримированными англичанами. Теперь она любезно привѣтствовала Броуна, котораго называла Александромъ.

Она крайне рада его видѣть. Она сожалѣетъ, что была принуждена вызвать его изъ безопаснаго Парижа, но нездоровье мѣшало ей самой отправиться во Францію. На это мнимый баронъ отвѣтилъ благодарностью за старательную работу своей прекрасной помощницы и за своевременное предупрежденіе объ опасности. Обмѣнявшись такими любезностями, они приступили къ обсужденію дѣловыхъ вопросовъ.

Молодая женщина, Анна Млейхъ, была сестрой знакомаго намъ по Вѣнѣ Петра Млейха. Она содержала модную мастерскую, и это занятіе соприкасало ее съ представительницами лучшаго общества Эльзаса, черезъ которыхъ она вывѣдала интересующія ее вещи.

Въ настоящій моментъ ей были даны трудныя задачи, разрѣшеніе которыхъ требовало много осторожности и ловкости.

— Я въ точности исполнила ваши предписанія, сказала Млейхъ, но не смотря на всѣ мои старанія мнѣ не удалось еще довести дѣло до конца. Планы фортовъ Меца, заказанные для французскаго правительства, находятся въ рукахъ человѣка, который хотя и питаетъ ко мнѣ большую симпатію, но еще не рѣшился доказать ее такимъ способомъ... Но я не теряю надежды въ скорое достиженіе цѣли.

— Вамъ въ точности извѣстны инструкціи?, спросилъ Александръ.

— Да, но они нисколько мнѣ не способствуютъ.

— Однако, по сколько мнѣ извѣстно, вамъ были указаны опредѣленныя лица.

— Всѣ эти лица устранены отъ должности. Германское правительство бдительно и, если бы я не питала къ нему такой ненависти, то должна была бы преклониться передъ его искусствомъ парировать смертельные удары.

— Неужели работа нашихъ агентовъ выплыла наружу?

— Въ значительной мѣрѣ. Фонъ-Ремеръ, пытавшійся дѣйствовать по Рейну и въ Аахенѣ, едва успѣлъ скрыться въ Бельгію, несмотря на то, что обладаетъ многими преимуществами передъ французскими шпіонами, какъ кровный германецъ.

— А какъ обстоитъ дѣло съ мобилизаціей?

— Значительно лучше. Мобилизаціонные списки нѣкоторыхъ инспекцій уже въ моихъ рукахъ. Остальное незамедлитъ.

— Такимъ образомъ я могу надѣяться, что встрѣчу васъ къ концу іюля со всѣми документами на рукахъ?

— Надѣюсь, что это будетъ такъ.

— Я теперь ѣду въ Берлинъ, чтобы встрѣтиться съ нѣкоторыми русскими членами нашего общества. Это, собственно, является цѣлью моего путешествія.

— Примите мѣры предосторожности. Вы очутитесь въ самомъ логовищѣ льва. — Я сдѣлаю все возможное. Къ счастью злѣйшіе мои враги далеко.

Вслѣдъ за этимъ Броунъ простился съ молодой женщиной и покинулъ ея квартиру.

Онъ вернулся на вокзалъ не замѣтивъ ни преслѣдовавшаго его Ольмюца, ни графа Канемарка, который подъ видомъ старичка помѣстился рядомъ съ нимъ на перронѣ.

Такимъ образомъ подъ бдительнымъ надзоромъ двухъ паръ проницательныхъ глазъ, мнимый Броунъ, продолжалъ свой путь въ глубь Германіи, гдѣ судьба готовила ему тяжелыя испытанія.

ГЛАВА XI.

Солнце почти уже закатилось и его послѣдніе лучи длинными полосами ложились по извилистому шоссе. Многочисленная группа всадниковъ медленно подымалась по довольно крутому подъему, между рядами вѣковыхъ деревьевъ и причудливыми громадами нависшихъ скалъ.

Большинство участниковъ кавалькады было одѣто въ охотничьи костюмы, за спинами ихъ висѣли ружья и ягташи, переполненныя богатой дичью. Нѣсколько военныхъ мундировъ, пестро выдѣлявшихся на фонѣ дороги и горъ, слѣдовали за двумя всадниками, отдѣлившихся отъ остальныхъ спутниковъ.

Первый изъ этихъ двухъ, сидящій на прекрасной вороной лощади, былъ эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ высокій гость его, императоръ Германіи Вильгельмъ Второй.

Оба они подвигались медленно, видимо утомленные, такъ какъ охота въ горахъ, предпринятая по случаю окончанія важныхъ совѣщаній, продолжалась двое сутокъ.

Но вотъ на одномъ поворотѣ передъ путниками развернулась прекрасная панорама. Величественный замокъ Канопиштэ, мѣсто свиданія императора и эрцгерцога, окруженный скалами и высокими деревьями, виднѣлся на высокой горѣ, отдѣленной отъ охотниковъ глубокой пропастью. Веселое вечернее солнце прощальными лучами золотило остроконечныя башни этого стариннаго сооруженія и придавало картинѣ чарующее впечатлѣніе.

Императоръ придержалъ своего коня и произнесъ:

— Какой дивный видъ. Только замки нашего Рейна могутъ сравниться съ этой красотой природы и человѣческаго искусства".

— Да, отвѣтилъ эрцгерцогъ, также остановивъ лошадь. Это одинъ изъ лучшихъ замковъ Австріи. Я предпочитаю его, какъ мѣсто для обсужденія серьезныхъ вопросовъ и дружественныхъ встрѣчъ, такъ какъ только здѣсь, среди спокойствія величественныхъ хребтовъ, можно найти уединеніе.

Затѣмъ охотники продолжали свой путь.

Фонъ-Ротерштейнъ задумчиво сидѣлъ въ высокой и мрачной залѣ Канопиштскаго замка, отведенной ему подъ рабочій кабинетъ.

Полковникъ не принималъ участія въ охотѣ, старался какъ можно меньше присутствовать на пышныхъ обѣдахъ, даваемыхъ по случаю свиданія эрцгерцога съ Вильгельмомъ и все время былъ не только озабоченъ, но даже печаленъ.

Ему, наконецъ, со всей ясностью предстала картина страшнаго политическаго заговора, родившагося въ головѣ властолюбиваго кайзера и изложеннаго въ тѣхъ многочисленныхъ документахъ, которые лежали передъ нимъ на широкомъ дубовомъ столѣ.

Дѣйствительно, это была чудовищная панорама грядущей войны, невиданной въ исторіи.

Австрія и Германія, заранѣе подготовившись, бросаются на Россію въ іюлѣ—сентябрѣ этого года. Они наносятъ страшное пораженіе войскамъ Царя и союзной съ нимъ Республикѣ, занимаютъ Польшу, Кіевъ. Англія, конечно, остается нейтральной. Она будетъ спокойно наблюдать пожаръ материка и униженіе своихъ союзниковъ. Японія не преминетъ воспользоваться слабостью Россіи и осадитъ Владивостокъ. Такимъ образомъ гегемонія тевтоновъ въ Европѣ будетъ установлена и потомъ уже можно будетъ протянуть жадную руку и на Италію и на Данію... Такъ вотъ что ожидаетъ міръ.

И фонъ-Ротерштейнъ, хотя глубоко преданный своей родинѣ, все же не возмутится при мысли о допустимости такого жестокаго насилія, идущаго вразрѣзъ не только съ нормами международнаго права, но и основами человѣчности.

Въ то же время мысли другого рода пришли въ голову полковника. Будетъ ли все такъ, какъ замыслилъ грозный императоръ Германіи.

И смутное предчувствіе говорило, что нѣтъ, и онъ не зналъ, радоваться ли ему будущей славѣ Австріи или оплакивать ея близкую гибель.

Такъ сидя за письменнымъ столомъ, обдумывалъ фонъ-Ротерштейнъ положеніе дѣлъ. Затѣмъ, видимо, что то вспомнивъ, онъ досталъ изъ кармана нераспечатанный конвертъ, вскрылъ его и пробѣжалъ глазами посланіе, которое вызвало на его лицѣ волненіе и недовольство.

„Насталъ послѣдній моментъ. Каждый день приближаетъ къ кровавой развязкѣ. Рухнетъ старый порядокъ, а подъ развалинами его погибнетъ Австрія и всѣ вѣрные патріоты своего несчастнаго отечества. Откройте намъ тайну Канопиштъ и мы повернемъ руль исторіи, который иначе, выброситъ Монархію на скалы. Этимъ вы докажете вашъ патріотизмъ.

Австріецъ“.

Фонъ-Ротерштейнъ поднялся. Въ душѣ его клокотала буря сомнѣній и нерѣшительности. Наконецъ, на что-то рѣшившись, онъ взялъ со стола нѣсколько документовъ, украшенныхъ гербами обѣихъ имперій, и, при помощи копировальнаго пресса, быстро получилъ тождественные имъ оттиски. Эти послѣдніе онъ тщательно спряталъ въ портфель.

Затѣмъ онъ опустился на кресло съ намѣреніемъ отвѣтить автору двукратныхъ посланій, но въ послѣдній моментъ, видимо, подъ вліяніемъ тяжелой душевной борьбы, онъ бросилъ перо и разорвалъ въ клочки полученное письмо.

— Нѣтъ, прошепталъ онъ про себя. Этого я не сдѣлаю.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Часть III.

„Austria erit ad Orbem Ultima“.

ГЛАВА I.

Преслѣдуя мнимаго Броуна по пятамъ, Ольмюцъ и графъ Канемаркъ на полдородѣ между Кельномъ и Берлиномъ снова измѣнили свою наружность. Теперь сыщикъ ѣхалъ въ вагонѣ третьяго класса подъ видомъ простоватаго фермера, а графъ изображалъ типичнаго англичанина туриста.

Прибывъ въ столицу каждый изъ нихъ по заранѣе выработанному плану приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей.

Ольмюцъ отправился выслѣживать шпіона, а графъ, рѣшивъ, что пора положить конецъ безпрепятственнымъ скитаніямъ бывшаго фонъ-Рокебурга, поспѣшилъ къ префекту берлинской полиціи. Здѣсь, назвавъ свое настоящее имя и представивъ полномочія австрійскаго императора, онъ сразу завоевалъ себѣ полное довѣріе и уваженіе начальника.

Поэтому графъ сразу приступилъ къ сути дѣла, описалъ въ краткихъ чертахъ предательскую дѣятельность фонъ-Рокебурга и указалъ, что работа послѣдняго направлена теперь скорѣй противъ Германіи, чѣмъ противъ Австріи. Этими мѣрами онъ вскорѣ добился того, что префектъ предоставилъ ему право арестовать подозрительное лицо.

Переговоры отняли, однако, много времени, а пока-что Ольмюцъ съ большимъ трудомъ поспѣвалъ за своей добычей, стараясь не потерять ее изъ вида въ тѣснотѣ берлинскихъ незнакомыхъ ему улицъ.

Не предполагая, конечно, погони, Броунъ спокойно доѣхавъ въ автомобилѣ до Лейпцигской улицы, гдѣ

зашелъ въ магазинъ. Ольмюцъ нѣсколько разъ прошелся мимо витрины и, когда преслѣдуемый появился, продолжалъ свою погоню. Вскорѣ ему пришлось остановиться на Доротейштрассе, гдѣ Броунъ зашелъ въ ресторанъ и оставался тамъ съ полчаса. Затѣмъ, снова сѣвъ въ автомобиль, преслѣдуемый отправился на главный почтамтъ. Здѣсь, не спуская съ него глазъ, сыщикъ сдѣлалъ видъ, что занятъ писаніемъ письма не подалеку отъ окошечка „Poste restemte“, къ которому подошелъ Броунъ. Послѣдній, дождавшись своей очереди, получилъ письмо, которое, видимо, такъ сгоралъ нетерпѣніемъ прочесть что сдѣлалъ это тутъ же и, отойдя въ сторону, вскрылъ конвертъ. Вотъ, что значилось въ немъ:

„Двукратное обращеніе мое къ намѣченному лицу осталось безъ отвѣта. Я послѣдовалъ въ Канопишты, но всѣ попытки мои и моихъ посланниковъ проникнуть въ замокъ остались безплодными. Если это лицо не убѣдится въ справедливости моихъ доводовъ, надо считать надежду на обладаніе документами потерянной.

Вашъ А. М“.

Прочтя это письмо Броунъ выразилъ на своемъ лицѣ глубокое разочарованіе и сейчасъ же, видимо побуждаемый возникшей въ немъ идеей, сѣлъ за одинъ изъ письменныхъ столовъ, съ цѣлью написать отвѣтъ.

Ольмюцъ, правильно расчитавъ, что предметъ его наблюденія останется здѣсь достаточно продолжительное время, чтобы можно было произвести на него рѣшительную облаву. Поэтому сыщикъ оставилъ свой постъ и позвонилъ по телефону въ условленное мѣсто, гдѣ уже засталъ графа Канемарка, съ нетерпѣніемъ ожидавшаго вѣстей отъ своего сотрудника. Ольмюцъ передалъ графу всѣ обстоятельства и оба они рѣшили, что настоящій моментъ наиболѣе удобенъ для ареста. Поэтому Канемаркъ вызвавъ трехъ полицейскихъ агентовъ, велѣлъ спѣшить имъ на главную почту и самъ помчался туда же, съ радостной надеждой на скорое и славное окончаніе столь тяжелой борьбы.

Въ это время мнимый баронъ, чувствуя себя въ полной безопасности, заканчивалъ письмо Морицу:

„Дорогой другъ, писалъ онъ. Ваши извѣстія меня крайне огорчили но не лишили мужества. Конечно, полковникъ единственное лицо, черезъ которое мы можемъ раздобыть необходимые намъ документы. Но способы вліянія на него еще не изсякли. Въ данномъ случаѣ нельзя расчитывать на деньги, какъ бы велика не была сумма, но я надѣюсь въ скоромъ времени имѣть на рукахъ такія данныя, которыя безъ сомнѣнія должны подѣйствовать на полковника, какъ вѣрнаго австрійца. Итакъ, ждите вѣстей. А. В.“.

Написавъ это письмо, Броунъ запечаталъ его и опустилъ въ ящикъ. Затѣмъ онъ направился къ выходу.

Такъ какъ ни графъ Канемаркъ, ни агенты еще не появлялись, Ольмюцъ крайне боялся благополучнаго исчезновенія своей намѣченной жертвы. Поэтому, рѣшивъ дѣйствовать на свой страхъ и рискъ, сыщикъ подошелъ сзади къ неожидавшему нападенія Броуну и, положивъ ему руку на плечо, произнесъ:

„Именемъ австрійскаго императора и германскаго закона арестую васъ“.

Схваченный, пораженный этими словами, быстро обернулся и, несмотря на гримъ, сразу узналъ Ольмюца. Присутствіе здѣсь этого человѣка до того смутило бывшаго барона, что въ первый моментъ онъ растерялся и не въ силахъ былъ выговорить ни слова. Затѣмъ, однако, чувствуя смертельную опасность, онъ отбросилъ сыщика въ сторону и съ такой силой ударилъ его кулакомъ въ животъ, что тотъ пошатнулся и безъ сознанія свалился на полъ. Въ слѣдующій моментъ Броунъ выскочилъ на улицу. Но было уже поздно. Въ дверяхъ появился графъ Канемаркъ; снявшій накладные усы и бороду, а съ другой стороны бывшіе въ зданіи почты свидѣтели столь дикой расправы поспѣшили въ догонку, какъ имъ казалось убійцы. Агенты, появившіеся тутъ же, бросились на указаннаго графомъ человѣка и мгновенно наложили ему наручники.

При всемъ этомъ Броунъ не пытался сопротивляться, такъ какъ понималъ безнадежность обороны и въ то же время парализованный неожиданностью свалившейся на него катастрофы.

Графъ Канемаркъ, предоставивъ пойманнаго агентамъ, занялся Ольмюцемъ, который еще не приходилъ въ себя. Отвезя сыщика въ гостинницу, Канемаркъ хотѣлъ было навѣстить побѣжденнаго противника, но затѣмъ оставилъ это намѣреніе и сталъ хлопотать о способѣ перевезенія арестованнаго въ Австрію.

Броунъ, послѣ всего случившагося, впалъ въ глубокое уныніе.

Плоды столькихъ трудовъ выскользали изъ его рукъ и настаетъ часъ возмездія.

Дѣйствительно, Австрія мститъ за себя.

Но въ глубинѣ души этотъ человѣкъ, перенесшій столько борьбы, не переставалъ надѣяться, что въ концѣ концовъ, ему удастся избѣжать какъ казалось уже неминуемой гибели.

ГЛАВА II.

Былъ ясный и жаркій день начала іюня. Солнце стояло высоко и блестящими лучами своими золотило снѣга, покрывавшіе вершины Альпъ. Сенъ-Морицъ кишѣлъ веселой и пестрой толпой интернаціональныхъ туристовъ, какъ всегда въ это время года начинавшихъ стекаться сюда со всѣхъ сторонъ Стараго и Новаго Свѣта.

Къ полудню передъ широкими окнами „Отеля Франціи“ остановился фіакръ и изъ него вышелъ изящно одѣтый господинъ, причемъ прямая выправка и твердая поступь его, обличали въ немъ военнаго.

Дѣйствительно, это былъ нашъ старый знакомый полковникъ фонъ-Ротерштейнъ. Послѣ окончанія дѣловыхъ переговоровъ и торжественныхъ праздниковъ въ замкѣ Канопиштъ, онъ вмѣстѣ съ остальной свитой эрцгерцога вернулся въ Вѣну. Однако, чувствуя себя усталымъ отъ продолжительной работы и расшатанный душевными переживаніями послѣдняго времени, полковникъ взялъ отпускъ и отправился отдохнуть въ Швейцарію, не думая, что и здѣсь судьба не освободитъ его отъ тяжелыхъ и гнетущихъ заботъ.

Войдя въ кафе „Франція“, фонъ-Ротерштейнъ занялъ мѣсто за столикомъ и принялся разсматривать гуляющую публику, чтобы разсѣять свои мысли, которыя помимо воли, возвращали его къ труднымъ государственнымъ дѣламъ. Онъ съ любопытствомъ, дотолѣ ему несвойственнымъ останавливалъ свой взоръ на прекрасныхъ представительницахъ различныхъ народовъ, которыя щеголяли и соревновались

изящными костюмами и рѣдкими драгоцѣнностями. Рядомъ съ дамами шли ихъ щегольскіе кавалеры, также разодѣтые по послѣднимъ требованіямъ парижской моды.

Полковникъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на толпы этихъ разноплеменныхъ трутней большого свѣта, видъ которыхъ вызывалъ на его лицѣ улыбку и въ то же время наполнялъ его душу сознаніемъ, что его работа, правда, столь трудная и отвѣтственная, даетъ ему моральное удовлетвореніе и наполняетъ жизнь глубокимъ содержаніемъ.

Съ этихъ мыслей онъ незамѣтно перешелъ къ мыслямъ о плодотворности своихъ трудовъ, и сознаніе, что они служатъ на благо Австріи, заставило его сердце биться усиленно. Такимъ образомъ, не желая того, онъ возвратился къ старымъ вопросамъ, и скоро лицо его приняло опять сосредоточенное и угрюмое выраженіе. Теперь взоръ его не различалъ ни нарядныхъ туалетовъ, ни пышной красоты женщинъ, но невольно задалъ онъ себѣ вопросъ:

„Не рухнутъ ли плоды его работы и дѣйствительно ли счастье ожидаетъ Австрію“?

Онъ вспомнилъ свои тяжелыя душевныя колебанія въ замкѣ Канопиштъ и всѣ тѣ сомнѣнія, которыя волновали его душу. Снова призадумался онъ, не поступилъ ли опрометчиво, оставивъ безъ вниманія предложеніе автора двукратныхъ посланій.

Быть можетъ правда, что надо рѣшительными мѣрами остановить Австрію въ ея губительномъ бѣгѣ. Не будетъ ли эта измѣна спасеніемъ для отечества. Но въ то же время, какъ можетъ онъ взять на себя отвѣтственность въ столь важныхъ обстоятельствахъ. Теперь уже фонъ-Ротерштейнъ не могъ сказать себѣ ни „да“ ни „нѣтъ“. Онъ колебался, и эта нерѣшительность была ему крайне мучительна.

Въ этотъ моментъ вниманіе его привлекаютъ два господина и дама, одѣтые съ большой изысканностью и говорящіе по-нѣмецки. Они заняли столикъ рядомъ съ полковникомъ и, осматриваясь кругомъ, видимо, поджидали кого-то. Одинъ изъ мужчинъ произнесъ:

— Хотя и мы опоздали къ условленному времени, баронесса заставляетъ насъ ждать.

— Она скоро уѣзжаетъ во Францію? спросила дама.

— Какъ только справится съ работой. Однако окончаніе не предвидится. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній отъ Александра.

— Говорятъ, онъ оставилъ Парижъ.

— И отправился въ Германію. Надо опасаться, какъ бы Канемаркъ не провѣдалъ о его мѣстопребываніи.

— Будемъ надѣяться, замѣтилъ другой господинъ.

Послѣднія фразы привлекли на себя вниманіе фонъ-Ротерштейна, а знакомая фамилія графа дала ему понять, что дѣло касается международнаго политическаго шпіонажа.

Поэтому полковникъ, закрывшись газетой, сталъ внимательно прислушиваться къ разговору. Однако, теперь рѣчь шла о незначительныхъ вопросахъ и офицеръ хотѣлъ было оставить свое не совсѣмъ достойное занятіе, какъ вдругъ одинъ изъ мужчинъ произнесъ:

„Вотъ и баронесса“.

Фонъ-Ротерштейнъ, поднявъ глаза, былъ крайне пораженъ, увидѣвъ приближающуюся въ его направленіи, знакомую фигуру баронессы Фалькстонъ.

Молодая женщина, въ первый моментъ не замѣчая полковника, подошла къ сидящимъ двумъ мужчинамъ и дамѣ, оживленно съ ними поздоровалась и заняла мѣсто за столикомъ. Затѣмъ, повернувшись въ сторону полковника и неожиданно для себя увидѣвъ его, она выразила на лицѣ испугъ и удивленіе. Однако, быстро овладѣвъ собой, она поднялась и, подойдя къ офицеру, произнесла весьма непринужденно:

„Не ожидала встрѣтить васъ здѣсь, полковникъ, но очень рада этому“.

Фонъ-Ротерштейнъ, не зная сперва, какъ поступить ему по отношенію къ шпіонкѣ и предательницѣ, не могъ однако не отвѣтить рукопожатіемъ на ея про-

тянутую руку. Баронесса въ то же время продолжала; что она знаетъ, что полковникъ имѣетъ основаніе избѣгать ея общества.

Но, какъ старый другъ, она надѣется, что онъ пойметъ и оправдаетъ ея поступки. Она будетъ рада поговорить съ нимъ въ болѣе удобной обстановкѣ. Не зайдетъ ли онъ къ ней вечеромъ въ отель.

На это фонъ-Ротерштейнъ отвѣчалъ вѣжливо, но уклончиво.

Онъ не знаетъ, какъ сложатся обстоятельства. Можетъ быть ему придется уѣхать. Во всякомъ случаѣ онъ постарается.

Затѣмъ, считая неудобнымъ оставаться по близости отъ баронессы и ея весьма подозрительныхъ собесѣдниковъ, офицеръ простился съ молодой женщиной и оставилъ кафе.

Весь этотъ день полковникъ не могъ принять опредѣленнаго рѣшенія какъ поступить ему съ баронессой.

Несмотря на явное ея преступленіе противъ Австріи и личности эрцгерцога, а также несмотря на оскорбленіе, нанесенное ею довѣрію офицеровъ, фонъ-Ротерштейнъ непереставалъ питать къ молодой женщинѣ прежней симпатіи.

Но не совершитъ ли онъ преступленіе противъ военной дисциплины и не запятнаетъ ли свой мундиръ, если войдетъ въ домъ шпіонки. Пожалуй, что да.

Но это свиданіе можетъ выяснить многія обстоятельства, теперь ему неясныя и пролить свѣтъ на дѣятельность агентовъ.

За всѣми этими разсужденіями скрывалось желаніе фонъ-Ротерштейна еще разъ повидаться съ баронессой и дружески просить у нея объясненій событіямъ послѣдняго времени.

Такимъ образомъ продолжительныя колебанія привели къ рѣшенію воспользоваться приглашеніемъ, и въ 8 часовъ вечера полковникъ уже входилъ въ широкую дверь отеля „Belle-vie“.

Проведенный въ апартаменты баронессы, которая, что его крайне удивило, даже не перемѣнила своей фамиліи, онъ сперва весьма холодно и офиціально привѣтствовалъ молодую женщину.

Баронесса, наоборотъ, была крайне радостна и оживлена.

Она очень благодарна полковнику, что онъ удостоилъ ее визитомъ. Ей надо о многомъ поговорить съ нимъ, ибо съ тѣхъ поръ, какъ они видѣлись въ послѣдній разъ, обстоятельства радикально измѣнились.

— Да, замѣтилъ на это офицеръ. Вы не думайте, баронесса, что теперь я пожимаю вашу руку съ такимъ же легкимъ сердцемъ, какъ раньше.

— Вы правы, полковникъ, отвѣтила баронесса. Я сознаю свое положеніе и не посмѣла бы посмотрѣть вамъ въ глаза, если бы насъ не связывала старая дружба.

— Не будемъ касаться минувшаго, возразилъ фонъ-Ротерштейнъ. Контрастъ его съ настоящимъ будетъ только бередить душевныя раны.

— Я согласна съ вами, мой другъ, промолвила баронесса, но у меня есть нѣчто болѣе важное, что мнѣ хочется обсудить. Сама судьба свела насъ здѣсь, гдѣ мы менѣе всего могли ожидать встрѣтиться.

— Я готовъ слушать васъ, сказалъ офицеръ, на котораго скромность и сознаніе своей вины прекрасной женщины произвели отрадное впечатлѣніе.

— Мнѣ изъ первыхъ рукъ извѣстна роль ваша при свиданіи въ Канопиштахъ, сказала баронесса, и содержаніе писемъ, полученныхъ вами отъ нѣкоего „австрійца“, а также несчастная судьба этихъ посланій. Объ этихъ послѣднихъ и зайдетъ моя рѣчь.

— Не лучше ли не касаться моихъ служебныхъ обязанностей и политическихъ вопросовъ, замѣтилъ фонъ-Ротерштейнъ.

— Нѣтъ, полковникъ, возразила молодая женщина. Выслушайте меня и вы поймете, что мой долгъ передать вамъ то, что я скажу.

Я знаю, что вы отвергли предложеніе выдать тайны Канопиштъ, но понимаете ли вы, что этимъ не

только не доказываете любви къ родинѣ, но толкаете ее въ пропасть. Да, полковникъ, намъ, смотрящимъ со стороны и посвященнымъ въ закулисную работу дипломатовъ, а также освѣдомленнымъ въ дѣйствительныхъ силахъ державъ, безусловно ясно, что Австрія, ваша милая Австрія, стоитъ у воротъ гибели. Ослѣпленные Германіей ваши представители не понимаютъ того, что дѣлаютъ. Они довѣряютъ исконнымъ врагамъ вашей монархіи. Или вы забыли 66-й годъ, когда Пруссія выгнала Австрію изъ Германіи? Самъ Францъ-Фердинандъ—игрушка въ рукахъ Вильгельма.

Полковникъ ничего не отвѣтилъ. Онъ сидѣлъ опустивъ голову, погруженный въ тяжелое раздумье. Баронесса продолжала:

— Если вы патріотъ, вы должны принести себя въ жертву родинѣ. Оставьте вашъ австрійскій мундиръ—оружіе не покроетъ его славой. Покиньте предѣлы милой Австріи и представьте міру картину величайшаго заговора. Тогда ужаснувшаяся Европа возьмется за рукоять своего меча, Германія не посмѣетъ встать противъ предупрежденныхъ объ опасности народовъ и старый императоръ вашъ будетъ безмятежно царствовать. Иначе, ручаюсь вамъ, рухнетъ тронъ Габсбурговъ.

— Такъ вы предлагаете мнѣ дезертировать?, воскликнулъ фонъ-Ротерштейнъ.

— Я предлагаю вамъ спасти отечество, отвѣтила молодая женщина.

— Цѣной униженія и предательства—никогда!

— Вы цѣните свою честь дороже достоинства Австріи?

— Австрія съумѣетъ покрыть себя славой.

— Вы надѣетесь, что она побѣдитъ русскихъ?

— Я увѣренъ въ этомъ, отвѣчалъ полковникъ уже рѣшительно.

— Мой другъ, произнесла баронесса ласково, кладя руку на плечо офицера. Не будемъ играть въ жмурки. Вы же прекрасно знаете, что ваши лоскутныя войска сами разсыпятся передъ величавой гро-

мадной русской арміей. Если Германія вынесетъ войну, то Австрія заплатитъ за нее своей жизнью.

— Не намъ рѣшать судьбу державъ, отвѣтилъ полковникъ. Есть люди выше насъ стоящіе—они призваны для этой цѣли. Мы же только повинуемся имъ и этимъ исполняемъ долгъ нашъ.

— Такъ вы сознательно допустите ужасную войну.

Офицеръ не сразу отвѣтилъ. Всѣ сомнѣнія сразу нахлынули въ его душу и онъ не могъ разобраться въ обуревавшихъ его чувствахъ.

— Оставьте меня баронесса, сказалъ онъ наконецъ тихо.

— Хорошо, я оставлю васъ, произнесла прекрасная женщина мягко. Я васъ прошу—подумайте. И, когда убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ—приходите. Но смотрите, чтобы не было поздно. Корабль Австріи окруженъ подводными рифами, а рулевой его плохо различаетъ путь...

Вслѣдъ за этимъ фонъ-Ротерштейнъ покинулъ отель.

ГЛАВА III.

Эта ночь была темная и бурная. Тучи совершенно затмили звѣзды, и небо меньше всего напоминало время года—начало теплаго и яснаго іюня.

За нѣсколько верстъ отъ города Эрфурта, тамъ, гдѣ желѣзная дорога пересѣкаетъ рѣку Заалэ, стояли два человѣка. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ высокій заступъ. Они хранили полное молчаніе, всматриваясь въ черный силуэтъ моста и слабые проблески рѣки.

Наконецъ державшій заступъ произнесъ:

— Погодка выпала удачная. Сколько времени сейчасъ?

— Половина второго, сейчасъ пройдетъ экспрессъ.

Затѣмъ они опять замолчали и погрузились въ созерцаніе окружающаго ихъ мрака.

Спустя нѣсколько минутъ съ Сѣвера изъ-за лѣса показался огонекъ, который, мелькая межъ деревьями, быстро приближался къ мосту.

Это былъ скорый поѣздъ изъ Берлина.

Вотъ уже ясно различаются его три огня, вотъ онъ подходитъ къ рѣкѣ и подымается на мостъ. Шумъ его колесъ нарушаетъ ночную тишину.

Вотъ онъ оставилъ мостъ позади и гремя летитъ мимо двухъ одинокихъ путниковъ, смотрящихъ ему вслѣдъ.

Поѣздъ скрылся. Держащій лопату говоритъ:

— Тотъ будетъ черезъ десять минутъ.

— Да, раздается отвѣтъ.

— Ты увѣренъ, что деньги хранятся въ первыхъ двухъ вагонахъ.

— Да.

— Тогда успѣхъ обезпеченъ. Надо только сумѣть воспользоваться катастрофой.

Затѣмъ они молча приступаютъ къ ужасной работѣ. Они отвинчиваютъ гайки и переворачиваютъ рельсу заступомъ.

И все это не произнеся ни слова, по заранѣе обдуманному плану.

Окончивъ работу они прячутся за кусты и ждутъ.

Черезъ два дня послѣ происшествія на берлинскомъ почтамтѣ, Ольмюцъ совершенно оправился отъ полученнаго удара, и ему, въ видѣ вознагражденія за успѣшное окончаніе столь тяжелой борьбы, было предоставлено конвоировать плѣнника въ Вѣну. Этотъ постъ долженъ былъ дать сыщику большое моральное удовлетвореніе.

Графу Канемарку, остающемуся еще на нѣкоторое время въ Германіи, удалось выхлопотать разрѣшеніе отправить арестованнаго со спеціальнымъ поѣздомъ, отходящимъ изъ Берлина 8-го іюня и идущимъ въ Австрію съ казенными грузами и золотомъ.

Что же касается плѣнника, то уныніе не надолго охватило его. Въ скоромъ времени этотъ человѣкъ, умѣвшій подавлять свои настроенія и привычный къ постояннымъ опасностямъ, справился съ охватившимъ было его волненіемъ и постарался спокойно обдумать свое положеніе.

Можно было твердо надѣяться, что его вѣнскіе друзья способствуютъ его побѣгу, если онъ будетъ заключенъ въ тюрьму. Надо только предупредить ихъ о его арестѣ, иначе пройдетъ слишкомъ много времени, и австрійскій судъ успѣетъ сдѣлать свое дѣло. Нѣтъ сомнѣнія, что его ожидаетъ казнь.

Однако извѣстить друзей было не такъ легко и въ настоящій моментъ нельзя было придумать никакого способа это достигнуть.

Поэтому плѣнникъ, отложивъ въ сторону свои невеселыя разсужденія, рѣшилъ терпѣливо ожидать грядущихъ событій.

Къ вечеру, въ день отъѣзда, въ камеру заключеннаго явился Августъ Ольмюцъ въ сопровожденіи полицейскихъ. Сыщикъ даже не взглянулъ на своего побѣжденнаго противника и приказалъ агентамъ вести его на вокзалъ. Приказаніе было исполнено и скоро полицейская карета покатила по улицамъ столицы.

Всю дорогу Ольмюцъ ни слова не сказалъ арестованному, однако взгляды его были достаточно краснорѣчивы и свидѣтельствовали о непримиримой ненависти.

Спеціальный поѣздъ состоялъ изъ шести вагоновъ, при чемъ въ первыхъ двухъ помѣщались казенныя вещи и золотые слитки, въ трехъ слѣдующихъ запасные конвойные и чиновники, а въ послѣднемъ сыщикъ со своимъ плѣнникомъ. Ольмюцъ взялся одинъ сторожить арестованнаго, чтобы полнѣй испить чашу торжества и вдоволь насладиться плодами побѣды.

Было около пяти часовъ, когда Броунъ перешагнулъ порогъ своей передвижной тюрьмы. Помѣщеніе, для него огороженное, было достаточно просторно, но плѣнникъ обратилъ вниманіе на присутствіе только одной постели. Поэтому, какъ бы невзначай, онъ спросилъ одного изъ полицейскихъ, гдѣ будутъ ночевать его тѣлохранители.

Въ отвѣтъ на это Ольмюцъ, обращаясь къ спрошенному полицейскому произнесъ:

Скажите этому господину, что сторожить его буду я одинъ и поэтому не намѣреваюсь ложиться. Если же онъ вздумаетъ бѣжать, я уложу его какъ собаку.

На это Броунъ отвѣчалъ съ улыбкой:

— Узнаю васъ, господинъ сыщикъ, по вашимъ вѣжливымъ выраженіямъ.

— Со шпіонами нечего стѣсняться. Въ Вѣнѣ съ вами еще не такъ будутъ разговаривать.

— Почемъ знать, что будетъ въ Вѣнѣ, замѣтилъ плѣнникъ и, не желая продолжать весьма непріятной бесѣды, растянулся на своей постели.

Сыщикъ, удаливъ стражу, заперъ дверь и сѣлъ на табуретъ противъ постели Броуна, устремивъ на него свой проницательный взоръ.

Затѣмъ онъ взялъ въ руку большой револьверъ и произнесъ:

— За одну попытку двинуться съ мѣста я всажу тебѣ въ спину всѣ шесть пуль.

— Не придется стараться, господинъ тайный агентъ, отвѣтилъ арестованный шутливо. Но только не совѣтую вамъ случайно вздремнуть. Тогда заряды окажутся въ вашей головѣ.

— Русская собака, огрызнулся на это Ольмюцъ, не находя никакого болѣе подходящаго выраженія.

Послѣ этого они не произнесли ни одного слова...

Было около половины второго, когда поѣздъ приближался къ знакомой намъ переправѣ около Эрфурта.

Броунъ безмятежно спалъ, тѣлохранитель же его, видимо утомленный позднимъ сидѣніемъ, все же не покидалъ своего поста. Иногда онъ подымался и прохаживался взадъ и впередъ по узкой камерѣ, затѣмъ снова опускался на скамейку, борясь съ одолѣвающей его дремотой. Вотъ глухой шумъ внизу привлекъ его вниманіе. Онъ подходитъ къ окну и вглядывается въ темноту. Передъ нимъ мелькаютъ желѣзныя брусья. Поѣздъ переходитъ мостъ. Наконецъ рѣка кончилась. Путь заворачиваетъ влѣво. Ольмюцъ отходитъ отъ окна. Крайне утомленный онъ садится и опускаетъ голову на руки.

Вдругъ страшный трескъ мгновенно выводитъ его изъ оцѣпенѣнія.

Вагонъ дрожитъ, сильно накреняется, затѣмъ опять выпрямляется и, точно сдавленный невѣдомой могучей силой, рушится на бокъ и превращается въ груду щепокъ...

Спящій Броунъ былъ выброшенъ со своего ложа мощнымъ толчкомъ и, пролетѣвъ значительное разстояніе, упалъ подъ насыпью.

Въ тотъ же моментъ онъ инстинктивно вскочилъ и бросился въ сторону. Здѣсь, придя въ себя, онъ увидѣлъ страшную картину разрушенія.

Поѣздъ слетѣлъ подъ откосъ, вагоны и паровозъ были разбиты и почти всѣ объяты пожаромъ. Люди, искалѣченные и испуганные, частью безпомощно валялись подъ обломками, частью метались, не зная, что предпринять. Только какихъ-то два человѣка возились у переднихъ вагоновъ...

Взоръ недавняго узника невольно искалъ своего поработителя и вдругъ среди кусковъ желѣза и дерева, остатковъ задняго вагона, онъ увидѣлъ неподвижное тѣло. Броунъ подбѣжалъ и въ тотъ же моментъ узналъ безчувственнаго Ольмюца...

Онъ сгораетъ желаніемъ прикончить съ этимъ ненавистнымъ врагомъ, но онъ удерживается. Затѣмъ, сознавая, что нельзя терять времени, онъ скрывается въ темнотѣ ночи.

— Свобода, думаетъ бѣглецъ. Снова свобода.

ГЛАВА IV.

Еще не кончился отпускъ фонъ-Ротерштейна, какъ онъ неожиданно былъ вызванъ въ Австрію. Оставивъ безпечный Сенъ-Морицъ, полковникъ поспѣшилъ къ исполненію своихъ обязанностей. Онъ прибылъ въ Шенбрунъ какъ разъ въ послѣдній моментъ: эрцгерцогъ собралъ экстренное совѣщаніе генераловъ для обсужденія важнаго вопроса.

Войдя въ залъ засѣданія, полковникъ засталъ въ сборѣ почти всѣхъ представителей военной Австріи, въ томъ числѣ и своего близкаго друга генерала фонъ-Рецера. Поздоровавшись съ послѣднимъ, фонъ-Ротерштейнъ освѣдомился, чѣмъ вызвано засѣданіе. На это генералъ отвѣтилъ, что подробности ему неизвѣстны. Говорятъ, что получены свѣдѣнія изъ Берлина.

Въ скоромъ времени появился эрцгерцогъ, бывшій на этотъ разъ въ полной парадной формѣ. Привѣтствовавъ собравшихся, онъ произнесъ:

— Я, господа, немедленно приступлю къ сути дѣла, такъ какъ оно не терпитъ отлагательствъ. Всѣмъ вамъ извѣстны условія военнаго союза заключеннаго нашимъ императорскимъ Правительствомъ и Правительствомъ Германіи. Характеризуя его вкратцѣ, скажу слѣдующее: принуждаемые громаднымъ увеличеніемъ боевыхъ силъ Россіи и Франціи, направлены противъ Австріи и Германіи, эти двѣ монархіи, чтобы не быть захваченными врасплохъ, рѣшили начать войну сами. Итакъ, сильные вѣрой въ непобѣдимость союзныхъ армій и флотовъ, Императорскіе Правитель-

ства предписали открыть войну въ теченіе настоящаго лѣта. Шаткая позиція Италіи и Румыніи не должны препятствовать нашимъ намѣреніямъ, такъ какъ эти двѣ державы не осмѣляться поднять на насъ оружіе. Теперь мы ищемъ casus belli, который какъ всегда, не трудно найти. По волѣ нашего императора и съ одобренія императора Германіи, мы обращаемъ свой взоръ на Сербію, съ временъ Боснійскаго конфликта намъ непримиримую. Съ этимъ маленькимъ королевствомъ мы не только натянемъ отношенія, но даже разорвемъ ихъ, въ то время какъ массы войскъ устремятся на востокъ. Черезъ нѣсколько дней въ Сараевѣ я произведу смотръ войскамъ, а затѣмъ грандіозную военную демонстрацію, которая съ помощью дипломатіи разовьется въ войну. Россія не останется равнодушной къ участи слабой Сербіи и цѣль будетъ достигнута. Для наилучшаго же достиженія этой намѣченной цѣли по волѣ монарха предписываю военному министру произвести частичную мобилизацію, однако съ соблюденіемъ полной тайны.

Теперь, господа, мы стоимъ на рубежѣ великихъ событій. Рѣшается судьба Австріи и Европы. Будемъ надѣяться, что въ этой борьбѣ за родину, каждый чинъ, какъ говорилъ генералъ Тегетгоффъ, исполнитъ свой долгъ.

Произнеся эту рѣчь, Францъ-Фердинандъ замолчалъ и посмотрѣлъ на сидящихъ передъ нимъ генераловъ. Изъ числа послѣднихъ поднялся военный министръ фонъ-Кробатинъ и сказалъ:

— Предписаніе его величества, переданное вашимъ высочествомъ, будетъ немедленно и въ полной мѣрѣ исполнено по тѣмъ планамъ, которые имѣются въ министерствѣ.

На это эрцгерцогъ отвѣчалъ одобреніемъ, и генералъ опустился на свое мѣсто. Затѣмъ наслѣдникъ продолжалъ:

— Покончивъ съ офиціальной стороной дѣла, я долженъ сказать вамъ, господа, что война не ожидалась мною въ іюнѣ и была намѣчена въ августѣ. Но его величество императоръ Германіи, видимо пе-

редумавъ, оповѣстилъ меня личнымъ письмомъ, что къ дѣлу надо приступить немедленно. Будемъ надѣяться, что жертвы, принесенныя народомъ на благо Австріи искупятся плодами побѣдъ. Австрія, составленная нынѣ изъ пестрыхъ сочетаній племенъ, да сплотится воедино въ борьбѣ съ вѣчнымъ врагомъ. Да простримъ мы границы свои на востокъ во славу старой монархіи.

Эти слова были покрыты возгласами „хохъ“, хотя на лицахъ многихъ генераловъ не было написано особаго воодушевленія.

Фонъ-Ротерштейнъ же, видя исполненіе, по его глубокому убѣжденію, гибельныхъ плановъ, опустилъ голову и украдкой бросилъ взглядъ на стоящаго рядомъ съ нимъ фонъ-Рецера. Послѣдній также былъ мраченъ, и высокій лобъ его покрылся морщинами заботы.

Вслѣдъ за этимъ эрцгерцогъ удалился, предоставивъ генераламъ однимъ обсудить интересующіе ихъ вопросы.

Представители военной Австріи въ убѣжденіяхъ и взглядахъ своихъ раздѣлились на двѣ группы. Одни, съ фонъ-Рецеромъ во главѣ, руководимые благоразуміемъ, смотрѣли на будущее съ опасеніемъ.

Однако большинство, обуреваемое шовинизмомъ и униженіемъ достойности русской арміи, было увѣрено въ успѣхѣ. Всеобщее вниманіе привлекли слова генерала Данкля, которому впослѣдствіи пришлось дорого заплатить за свою самоувѣренность.

— Россія, сказалъ генералъ, еще не успѣетъ повернуться, какъ мы нанесемъ ей непоправимый ударъ. Пока ея дикія орды стянутся со всѣхъ концовъ необъятныхъ пустынь, наши батальоны займутъ Кіевъ и отпаденіе Украйны будетъ обезпечено. Нечего говорить, что къ тому времени пруссаки будутъ давно въ Варшавѣ и Брестъ-Литовскѣ. Я увѣренъ, что черезъ мѣсяцъ русскій медвѣдь запроситъ мира.

— Еще бы, послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Мы можемъ заранѣе радоваться присоединенію обширныхъ провинцій.

Эти и подобныя заносчивыя слова не веселили сердце фонъ-Ротерштейна, который понималъ ихъ преждевременность. Однако возражать было неумѣстно, тѣмъ болѣе ему, младшему въ чинѣ.

Поэтому полковникъ обратился къ фонъ-Рецеру и произнесъ:

— Мнѣ страшно за будущее, генералъ. Я готовъ пожертвовать собой для блага Австріи, но я не могу видѣть, какъ высшіе чины арміи позволяютъ себѣ хвастовство, достойное дѣтей. Мы дѣлимъ шкуру живого медвѣдя.

— Сравненіе вполнѣ правильное, замѣтилъ инспекторъ серьезно, и я боюсь, какъ бы Двуединая Монархія не испытала на себѣ той участи, которая здѣсь готовится Россіи.

На это полковникъ ничего не сказалъ и вскорѣ покинулъ дворецъ, не желая присутствовать при похвальбѣ австрійскихъ генераловъ.

ГЛАВА V.

Было утро 28-го іюня. Солнце ярко и радостно освѣщало обширную кильскую гавань и безконечный рядъ грозныхъ военныхъ кораблей, раскинутыхъ по широкому пространству залива. Взадъ и впередъ, взрывая пѣну, шныряли моторные катера, буксиры и портовые пароходы пыхтѣли, извергая клубы чернаго дыма, и оставляя за собой широкія бѣлыя полосы.

Вдругъ со сторожевого миноносца, дежурившаго на рейдѣ, раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, подхваченный ближайшими судами, и скоро по всей бухтѣ загремѣла канонада. Это былъ салютъ императорскому флагу.

Дѣйствительно, яхта императора Вильгельма, изящный „Гогенцолернъ" плавно входилъ въ заливъ, поднявъ штандартъ и отвѣчая на салютъ флота. Повелитель Германіи стоялъ на верхнемъ мостикѣ вмѣстѣ съ командиромъ и штурманами, направлявшими корабль къ императорской пристани. Онъ держалъ въ рукахъ бинокль, которымъ иногда обводилъ рейдъ, и довольная улыбка не сходила съ его выразительнаго лица. Вильгельмъ всегда любилъ моментъ возвращенія въ кильскую гавань, такъ какъ здѣсь во всей широтѣ своей передъ нимъ простиралась панорама могущественнаго флота.

Такъ и на этотъ разъ съ видимымъ удовольствіемъ императоръ обводилъ взоромъ стальныя формы грозныхъ линейныхъ кораблей и стройныя очертанія легкихъ крейсеровъ.

Вдругъ вниманіе его привлекаетъ небольшая группа кораблей, внѣшнимъ видомъ своимъ значительно отличающихся отъ остальныхъ.

Императоръ подымаетъ бинокль и всматривается:

— Эскадра адмирала Битти? говоритъ онъ.

— Точно такъ, Ваше Величество, отвѣчаетъ командиръ яхты и съ легкой улыбкой добавляетъ:

— Британцы удостоили насъ своимъ посѣщеніемъ.

— Однако предварительно побывавъ въ Кронштадтѣ, замѣтилъ Вильгельмъ какъ бы невзначай.

Въ это время „Гогенцолернъ“ приближается къ англійскимъ судамъ, стоящимъ посерединѣ рейда, и проходитъ подъ носомъ флагманскаго „Лайонъ“. Послѣдній, имѣя на гротѣ германскій флагъ, производитъ императорскій салютъ. Матросы, выстроенные вдоль бортовъ привѣтствуютъ кайзера.

Однако эта картина англо-германской дружбы не производитъ особаго впечатлѣнія на Вильгельма и онъ отвѣчаетъ на нее улыбкой, не лишенной доли насмѣшки. Онъ указываетъ на англичанъ и обращается къ командиру, при чемъ въ его голосѣ слышна иронія.

— Цари морей, говоритъ онъ.

На это офицеръ отвѣчаетъ угодливымъ смѣхомъ:

— Пока мы не скажемъ имъ—довольно.

Императоръ разражается злымъ хохотомъ. Въ то же время, доставъ платокъ онъ съ показной привѣтливостью машетъ въ сторону флагмана адмирала Битти.

— Пусть потѣшится, говоритъ онъ, не переставая смѣяться.

Въ этотъ моментъ съ мостика былъ замѣченъ большой моторный катеръ который, подъ флагомъ командира порта, быстро приближался къ императорской яхтѣ. Офицеръ, стоявшій на носу катера, ручнымъ сигналомъ просилъ спустить трапъ и, когда это было исполнено, на палубу „Гогенцолерна“ вошелъ адмиралъ, начальникъ порта. Онъ велѣлъ немедленно доложить о немъ императору.

Вильгельмъ, и безъ того удивленный неожиданнымъ подходомъ катера, самъ поспѣшилъ навстрѣчу адмиралу. Послѣдній, на вопросъ императора что это значитъ, передалъ ему запечатанный конвертъ и произнесъ:

— Тѣ свѣдѣнія, которыя Ваше Величество соизволятъ почерпнуть отсюда шифрованно получены нами по телеграфу въ моментъ вхожденія яхты Вашего Величества на рейдъ.

Вильгельмъ, разорвавъ конвертъ, пробѣжалъ глазами краткую депешу, содержаніе которой заставило его поблѣднѣть и замѣтно вздрогнуть.

Задумавшись, онъ нѣсколько минутъ не говорилъ ни слова, а затѣмъ, обращаясь къ командиру яхты, произнесъ:

— Прикажите моимъ именемъ флоту облечься въ трауръ. Торжества въ честь англичанъ отмѣняются.

Затѣмъ, видя удивленныя лица окружающихъ, онъ добавилъ:

— Его высочество, наслѣдный эрцгерцогъ Австріи, мой братъ и другъ, измѣннически убитъ сербами въ Сараевѣ.

Сказавъ это, императоръ отправился въ свою каюту.

Оставшіеся на палубѣ, сознавая, что смерть Франца-Фердинанда должна имѣть громадное политическое значеніе, переглянулись, какъ бы спрашивая другъ друга, что будетъ дальше.

— Сербы заплатятъ за преступленіе, произнесъ командиръ порта.

— Не только Сербы, но и вся славянская банда, прошипѣлъ начальникъ порта.

— И Россія?—спросилъ командиръ.

— И Россія, да и эти—адмиралъ махнулъ рукой въ сторону британскихъ крейсеровъ—если сунутъ свой носъ въ дѣло.

— О! Этимъ мы покажемъ, раздалось со стороны нѣсколько злобныхъ голосовъ.

Убійство эрцгерцога заставило Вильгельма немедленно покинуть Киль и отмѣнить всѣ парады и празднества.

Вернувшись въ Берлинъ, монархъ призвалъ къ себѣ канцлера и министра иностранныхъ дѣлъ фонъ-Ягова.

— Намъ пришлось встрѣтиться съ вами при неожиданной обстановкѣ, сказалъ императоръ послѣ привѣтствія чиновниковъ.

— Дѣйствительно, Ваше Величество, произнесъ фонъ-Бетманъ-Гольвегъ, обстоятельства настолько измѣнились, что всѣ прежніе расчеты рушатся.

— Я не согласенъ съ вами, мой другъ, возразилъ Вильгельмъ. По моему печальная кончина эрцгерцога не только не осложняетъ дѣла, но наоборотъ, приближаетъ насъ къ исполненію намѣченной цѣли. Францъ-Фердинандъ, не смотря на свой нѣмецкій шовинизмъ, въ глубинѣ души не довѣрялъ Германіи и нашей политикѣ. Его смерть даетъ намъ полную власть надъ Австріей.

— Но осмѣлится ли Австрія энергично дѣйствовать, лишившись своего военнаго предводителя, замѣтилъ министръ.

— Объ этомъ мы позаботимся, отвѣтилъ монархъ.

— Нѣтъ сомнѣнія, что на очереди стоитъ австросербскій конфликтъ, сказалъ канцлеръ. Какъ будемъ мы реагировать на это?

— Мы не должны дать погаснуть искрѣ, вспыхнувшей на Балканахъ, отвѣтилъ повелитель Германіи и раздуть изъ нее большой пожаръ.

— Европейскую войну?—спросилъ фонъ-Яговъ, какъ бы безразлично.

— Нѣтъ, возразилъ Вильгельмъ. Я пришелъ къ убѣжденію, что Германія не должна обнажать меча, пока этого не вынудятъ обстоятельства. Мы можемъ поставиться на другомъ... Если Австрія объявитъ войну Сербіи—а мы добьемся этого—Россія вступится за младшую сестру. Мы безъ риска для себя можемъ допустить разгромъ Австріи, который

несомнѣненъ, и примемъ участіе въ дѣлежѣ австрійскаго наслѣдства.

— Позволю себѣ замѣтить, сказалъ фонъ-Бетманъ-Гольвегъ, что эта идея, высказанная Бисмаркомъ, была признана Вашимъ величествомъ по какимъ-то соображеніямъ, непріемлимой.

— Вы правы, отвѣтилъ кайзеръ. Но обстоятельства мѣняются, а вмѣстѣ съ ними расчеты. Главную роль въ рѣшеніи этого вопроса играетъ Россія. Я лучше, чѣмъ кто либо другой знаю, что царь весьма могущественъ на сушѣ. Поэтому, нѣтъ сомнѣнія, онъ побѣдитъ Австрію. Однако ни онъ, и никто другой, не въ силахъ будутъ устранить Германію отъ участія въ дѣлежѣ. Во времена же великаго Канцлера этотъ вопросъ былъ сомнителенъ. Австрія могла бы выиграть войну и стала бы твердой ногой въ Европѣ. Намъ бы пришлось отказаться отъ мысли обладать когда-нибудь заманчивой Богеміей.

— Однако, Ваше Величество, возразилъ Канцлеръ, договоръ обязуетъ насъ къ активному выступленію въ случаѣ войны Австріи противъ двухъ державъ:

— Такого положенія не создастся. Чтобы лишить насъ Casus'a belli Сербія фиктивно заключитъ миръ и, предоставивъ Россіи воевать съ Австріей, терпѣливо дождется раздѣла послѣдней.

— Такимъ образомъ, Ваше Величество, твердо увѣрены, что развалъ Австріи стоитъ въ интересахъ Германіи? спросилъ фонъ-Яговъ.

— Безусловно, замѣтилъ кайзеръ. Мы извлечемъ изъ ея трупа лучшіе соки—нѣмецкія земли. То же, что намъ все равно безполезно, отбросимъ въ сторону. Этимъ мы увеличимъ и усилимъ наше отечество и не будемъ его ставить въ зависимость отъ вѣнскихъ дипломатовъ.

— Но міръ сочтетъ миролюбіе Германіи за трусость? замѣтилъ Канцлеръ.

— Мы уронимъ свой пристижъ не только въ глазахъ Европы, но и нашего народа, добавилъ министръ иностранныхъ дѣлъ.

— Ваши опасенія напрасны, возразилъ императоръ. Всѣ знаютъ и боятся могущества Германіи. Но миролюбіе примутъ за трусость, а хитрость за миролюбіе. Что же касается нашего народа, то не впервые ему внушать наши мнѣнія. Съ момента возникновенія войны въ Европѣ, мы поставимъ себя въ оппозиціонное положеніе къ Австріи и это дастъ намъ возможность, немедленно послѣ разгрома королевско-императорскихъ войскъ, приступить къ дѣлежу наслѣдства. И, чтобы захватить львиную долю, тутъ же выставимъ армію нашу и флотъ. Такимъ образомъ національная цѣль будетъ достигнута безкровно и исторія не упрекнетъ насъ въ нерѣшительности.

— Но если Сербія не пойдетъ на уступки, съ которыми неразрывно связано заключеніе временно мира и наше вмѣшательство будетъ неминуемо? спросилъ фонъ-Бетманъ-Гольвегъ. Исполнитъ ли Германія договоръ.

— Безъ сомнѣнія, сказалъ императоръ твердо. Тогда мы приведемъ въ исполненіе планъ Мольтке.

— Ваше Величество не измѣнили своего взгляда на отношеніе Англіи къ войнѣ на континентѣ? спросилъ Канцлеръ.

— Я попрежнему увѣренъ въ ея неучастности, отвѣтилъ кайзеръ. Британія всегда преслѣдовала предательскую политику и на этотъ разъ не измѣнитъ своей привычкѣ. Мы непосулимъ ей кусочекъ Конго и пару островов и эта страна торгашей и клерковъ вполнѣ будетъ довольна. Если же нѣтъ, то германскій флотъ поспоритъ за трезубецъ Нептуна.

При этихъ словахъ Вильгельмъ грозно потрясъ кулакомъ.

Министры, смущенные энтузіазмомъ своего повелителя, не знали, что сказать и монархъ продолжалъ, хотя въ болѣе умѣренномъ тонѣ.

— Планы, изложенные мною здѣсь, я изложу формально письменно. Они должны служить инструкціями для дипломатовъ.

Чиновники выразили свою готовность повиноваться, и на этомъ аудіенція была кончена.

Вильгельмъ же немедленно приступилъ къ обсужденію средствъ, какъ бы наилучшимъ способомъ выразить свое „искреннее горе и соболѣзнованіе“ по поводу преждевременной смерти Франца-Фердинанда австрійскаго.

ГЛАВА VI.

Было начало іюля. Смерть эрцгерцога, послужившая буревѣстникомъ надвигающихся событій, мрачной тѣнью легла на Австрію.

Веселая Вѣна точно замерла, предчувствуя страшное будущее.

Генеральный штабъ имперіи лихорадочно работалъ, такъ какъ производилась частичная мобилизація. Кромѣ того, такъ какъ война съ Россіей была неминуема, большое вниманіе привлекали военныя приготовленія на востокѣ.

Въ этотъ день генералъ-инспекторъ фонъ-Рецеръ особенно поздно вернулся изъ министерства, весьма усталый и разстроенный. Онъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ хотѣлъ отдохнуть и заняться чтеніемъ. Въ этотъ моментъ ему доложили о пріѣздѣ фонъ-Ротерштейна.

Инспекторъ, не ожидая визита полковника, былъ однако, какъ всегда радъ ему и велѣлъ немедленно просить гостя въ кабинетъ.

Вставъ на встрѣчу офицеру и привѣтливо протянувъ ему руку, фонъ-Рецеръ былъ весьма удивленъ блѣдностью его лица и растерянностью вида.

Онъ освѣдомился, что это можетъ значить.

Полковникъ, не отвѣчая ничего, опустилъ голову на руки и бросился въ кресло. Наконецъ, онъ произнесъ, причемъ голосъ его дрожалъ отъ волненія:

— Я не знаю, генералъ, что сказать вамъ. Передо мной раскрылась такая перспектива, что я въ ужасѣ стараюсь закрыть на нее глаза и не вѣрить даже тому, что къ несчастью достовѣрно.

— Въ чемъ же дѣло? спросилъ инспекторъ.

— Я сейчасъ получилъ отъ бѣжавшаго фонъ-Рокебурга бумаги—копіи собственноручныхъ документовъ императора Вильгельма. Содержаніе же въ подлинности котораго сомнѣваться нельзя, такъ какъ оттиски подписей и печатей вполнѣ непреложны, приводитъ меня болѣе чѣмъ въ ужасъ и возмущеніе. Я совершенно теряюсь, ибо вижу, что самыя страшныя опасенія оправдываются.

Съ этими словами, говорящій досталъ изъ своего портфеля связку бумагъ и бросилъ ихъ на столъ.

— Вильгельмъ готовитъ намъ гибель и расторженіе Австріи, продолжалъ офицеръ взволнованно. Онъ задумалъ натравить на насъ Россію, чтобы подѣлить австрійское наслѣдство. Смотрите, это его подлинныя слова—инструкціи посламъ въ Вѣнѣ, Парижѣ и Петербургѣ. Я чувствовалъ, что измѣна окружаетъ насъ кольцомъ—мертвымъ кольцомъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Пробилъ часъ Австріи.

Фонъ-Рецеръ, встревоженный и пораженный словами полковника, поспѣшилъ приступить къ осмотру документовъ.

Ему приходилось уже видѣть рукописи Вильгельма, и поэтому онъ сразу узналъ его почеркъ и характерную подпись, а также слабый оттискъ государственной печати.

Что же касается содержанія, то и на инспектора оно произвело тяжелое впечатлѣніе. Ловушка, устраиваемая Австріи, Германіей была несомнѣнна.

— Кому же вѣрить послѣ этого? подумалъ генералъ и, обращаясь къ фонъ-Ротерштейну, произнесъ:

— Дѣйствительно, грозная перспектива ожидаетъ насъ. Кто могъ думать, что всѣ слова о дружбѣ, клятвы въ вѣрности и фразы о единствѣ націй столь обильно расточаемыя Вильгельмомъ по нашему адресу—ложь.

— Ложь! ложь! воскликнулъ полковникъ. Все что говоритъ онъ—ложь. Это онъ заслуживаетъ участи Франца-Фердинанда, а не бѣдный нашъ герцогъ. Австрія обречена быть принесенной въ жертву хищническимъ замысламъ своей же союзницы.

— Не отчаявайтесь, мой другъ, произнесъ фонъ-Рецеръ, видя глубокое горе этого преданнаго патріота. Быть можетъ бумаги поддѣльны...

Говоря это, инспекторъ самъ отлично понималъ, что къ несчастью онѣ вполнѣ достовѣрны.

— Нѣтъ, отвѣтилъ фонъ-Ротерштейнъ. Мнимый баронъ, семь лѣтъ прослужившій въ австрійской арміи, сумѣетъ проникнуть, куда захочетъ. Это нашъ злой геній.

— Но быть можетъ ему суждено теперь сыграть въ руку Австріи, замѣтилъ фонъ-Рецеръ и пояснилъ свою мысль.

— Мы, представители военной Австріи и ея императорской арміи, должны смѣло стать передъ лицомъ Вильгельма и бросить ему въ лицо обвиненіе въ измѣнѣ и указать, что козни его раскрыты.

Посмотримъ, что скажетъ монархъ, уличенный во лжи.

— Ваши слова вливаютъ мнѣ надежду, сказалъ полковникъ. Быть можетъ мы держимъ въ рукахъ грозное оружіе противъ Вильгельма-предателя. Мы заставимъ его исполнить договоръ и бороться рядомъ съ Австріей.

Солидарность офицеровъ придала имъ обоимъ мужества.

Они рѣшили приложить всѣ усилія, чтобы показать Вильгельму, что его тайныя планы раскрыты. Для этого надо было имѣть предлогъ добиться аудіенціи императора.

Заботу объ этомъ взялъ на себя фонъ-Рецеръ, а полковникъ, тяжелыя заботы котораго немного разсѣялись подъ вліяніемъ новой надежды, вернулся домой.

Здѣсь онъ еще разъ перечиталъ письмо фонъ-Рокебурга, приложенное къ бумагамъ, которое онъ не показалъ инспектору.

„Полковникъ. Эти документы докажутъ Вамъ, что Австріи ненакого надѣяться. Вашъ другъ — Вильгельмъ отвернулся отъ васъ и подставилъ Двуединую Монархію подъ удары могущественной державы Царя.

Австрія, ослѣпленная незнаніемъ, стремится къ гибели. Остановите ее.

Фонъ-Рокебургъ. Берлинъ".

Эти строки снова вовлекли фонъ-Ротерштейна въ грустныя размышленія и, не выдержавъ стольких тревогъ и тяжелыхъ разочарованій, этотъ человѣкъ долга и воли, преданный своей бѣдной родинѣ, безпомощно опустилъ голову, а по щекамъ его тихо потекли слезы.

Въ среднихъ числахъ іюля, въ моментъ возвращенія императора Вильгельма изъ Потсдама въ Берлинъ, туда же прибыли два австрійскихъ офицера — фонъ-Рецеръ и фонъ-Ротерштейнъ съ официальными полномочіями отъ своего правительства. Они просили личной аудіенціи кайзера, которая и была имъ предоставлена въ самомъ непродолжительномъ времени.

Утромъ 18-го іюля, уполномоченные явились во дворецъ и, пройдя въ залъ ожиданій, были встрѣчены флигель-адъютантомъ монарха.

Они обмѣнялись общими фразами и коснулись нѣкоторыхъ политическихъ вопросовъ, но ни фонъ-Рецеръ, ни полковникъ не были въ этотъ моментъ настроены къ безсодержательнымъ разговорамъ, ибо имъ предстояло разрѣшить трудную задачу.

Полномочія офицеровъ являлись лишь фиктивнымъ предлогомъ, а истинная причина, приведшая ихъ во дворецъ Вильгельма II-го, была несравненно болѣе глубокаго свойства и уже знакома читателю.

Поэтому, когда адъютантъ предложилъ австрійцамъ прослѣдовать въ кабинетъ монарха, сердца офицеровъ забились учащенно и лица ихъ слегка покрылись блѣдностью.

Желая отмѣтить то удовольствіе, которое доставляетъ ему посѣщеніе австрійскихъ офицеровъ, Вильгельмъ облекся въ форму австро-венгерскаго полка, котораго состоялъ шефомъ. При появленіи генерала и его спутника, императоръ привѣтствовалъ ихъ съ большимъ внѣшнимъ радушіемъ:

— Я не знаю причины, сказала онъ, приведенной васъ ко мнѣ, мои друзья, но уже заранѣе радъ пожать руку представителямъ доблестной и союзной мнѣ арміи.

Съ этими словами монархъ подошелъ и привѣтливо поздоровался съ офицерами. Послѣдніе же, отвѣчая весьма почтительнымъ поклономъ и любезными выраженіями, не могли подавить въ своей душѣ ненависти и презрѣнія къ этому лицемѣру, ибо истинное отношеніе его къ австрійской арміи было имъ хорошо извѣстно.

— Ваше величество, проговорилъ фонъ-Рецеръ офиціальнымъ тономъ, мы являемся сюда по повелѣнію Его Величества императора австрійскаго, съ цѣлью передать Вашему величеству его глубокую благодарность за вниманіе, оказанное Австріи и правящему Дому Вашимъ Величествомъ по поводу печальной кончины наслѣднаго эрцгерцога.

— Я со своей стороны, отвѣчалъ Вильгельмъ, глубоко тронутъ внимательностью Его Величества, моего брата и лучшаго друга и прошу васъ еще разъ передать вашему монарху мое искреннее соболѣзнованіе въ постигшемъ его тяжкомъ ударѣ. Будемъ надѣяться, что германскія державы въ дружбѣ и единствѣ своемъ сумѣютъ наказать виновныхъ.

Эта фраза дала возможность офицерамъ перейти къ истиной причинѣ ихъ пріѣзда и, стараясь держаться того же почтительнаго и холоднаго тона, какъ прежде, инспекторъ произнесъ:

— Да, мы австрійцы надѣемся, что Господь поможетъ намъ защитить достоинство нашей державы, такъ какъ Австріи, видимо придется дѣйствовать самостоятельно противъ могущественнаго врага.

Такія слова немного удивили Вильгельма, однако, не имѣя возможности предполагать, что офицерамъ извѣстны его тайные замыслы, онъ произнесъ со свойственнымъ ему пафосомъ:

— Что бы ни случилось — Австрія не останется одинокой. Наши арміи и флоты при малѣйшей опасности сплотятся въ неразрывное цѣлое.

Германія докажетъ свою вѣрность, и кто бы не былъ врагъ, мы встанемъ на него со всѣмъ нѣмецкимъ могуществомъ.

— Такимъ образомъ, спросилъ инспекторъ, Ваше Величество изволили измѣнить свои планы относительно участія Германіи въ конфликтѣ державъ, который неминуемъ послѣ убійства въ Сараевѣ?

Эта фраза, произнесенная съ видимымъ безстрастіемъ, произвела глубокое впечатлѣніе на императора и ему показалось, что въ спокойномъ тонѣ вопроса онъ уловилъ тѣнь насмѣшки. Поэтому онъ спросилъ:

— Я не совсѣмъ понимаю васъ, генералъ. Вѣдь вы и господинъ полковникъ—онъ указалъ на фонъ-Ротерштейна—принимали участіе въ дѣлахъ во время свиданія моего съ покойнымъ эрцгерцогомъ въ Канопиштахъ. Военные планы, которые лучше всего свидѣтельствуютъ о единствѣ нашихъ интересовъ Австріи, должны быть вамъ хорошо знакомы.

— Совершенно вѣрно, Ваше Величество, отвѣтилъ фонъ-Рецеръ, но по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, послѣ упомянутаго свиданія Ваше Величество изволили радикально измѣнить свой взглядъ на роль Германіи.

Инспекторъ не договорилъ фразы и испытующе посмотрѣлъ въ лицо монарха, которое замѣтно поблѣднѣло.

Нервная дрожь пробѣжала по тѣлу Вильгельма, больная рука его судорожно подернулась и, видя, что офицерамъ извѣстно слишкомъ много, онъ воскликнулъ, не скрывая раздраженія:

— Подобныя дѣла не касаются военныхъ и я предоставляю себѣ право обсуждать ихъ съ дипломатами. Или подобные странные вопросы входятъ въ составъ вашихъ полномочій?

— Нѣтъ, возразилъ инспекторъ сурово, мы не имѣемъ полномочій отъ императора, но наша честь и званіе австрійскаго офицера заставляютъ насъ спросить Ваше Величество...

— Я не даю никакихъ отвѣтовъ, перебилъ Вильгельмъ рѣзко, и, считая подобные разспросы вообще неумѣстными, прошу передать Его Величеству мои увѣренія въ соболѣзнованіи.

Затѣмъ, желая показать, что аудіенція кончена, монархъ повернулся къ выходу, а лицо его выражало злобу и волненіе.

Въ этотъ моментъ фонъ-Ротерштейнъ, доселѣ хранившій молчаніе, выступилъ впередъ, и, доставъ изъ портфеля знакомыя намъ копіи рукописей Вильгельма, протянулъ ихъ повелителю Германіи говоря:

— Въ такомъ случаѣ, Ваше Величество, вы разрѣшите намъ предоставить эти документы на разсмотрѣніе Австріи.

Монархъ, удивленный этимъ новымъ явленіемъ, невольно взялъ бумаги въ руки. При первомъ же взглядѣ онъ узналъ свои инструкціи, являющіяся важнѣйшей государственной тайной, смертельно поблѣднѣлъ и не находилъ, что сказать.

Офицеры же смотрѣли на посрамленнаго монарха съ нескрываемымъ торжествомъ.

— Что это значитъ? спросилъ наконецъ императоръ.

— Это значитъ, отвѣтилъ фонъ-Ротерштейнъ, что мы имѣемъ передъ собой планы Вашего Величества, однако столь страннаго содержанія, что мы не могли сами объяснить ихъ себѣ.

— Вы выкрали копіи моихъ рукописей! воскликнулъ Вильгельмъ.

— Ваше Величество бросаютъ этимъ ужасное оскорбленіе нашему мундиру, возразилъ фонъ-Рецеръ, стараясь быть сдержаннымъ. Но я клянусь вамъ честью, что мы не сдѣлали шагу для обладанія ими. Бумаги были предоставлены намъ неизвѣстнымъ доброжелателемъ Австріи.

— Что же вамъ угодно отъ меня? спросилъ императоръ.

— Ваше Величество, сказалъ инспекторъ. Содержаніе этихъ документовъ свидѣтельствуетъ о радикальномъ измѣненіи вашихъ взглядовъ на судьбу Австріи, и о расторженіи дружбы и родственной связи нѣмецкихъ монархій. Однако тѣ средства, къ которымъ прибѣгаетъ Ваше Величество, заставляютъ насъ, австрійцевъ, немедленно принять мѣры для предупрежденія отечества объ опасности. Такимъ образомъ тройственный союзъ будетъ нарушенъ и группировкѣ державъ грозитъ перестроеніе.

— Этого не будетъ, воскликнулъ Вильгельмъ. Вы не посмѣете предать гласности такого рода документы, которые бросаютъ тѣнь на союзнаго и родственнаго монарха.

— Преданность родинѣ, возразилъ фонъ-Рецеръ, принудитъ насъ поступиться доселѣ дорогими намъ чувствами.

Вильгельмъ ничего не сказалъ. Онъ опустился въ кресло и глубоко задумался, при чемъ рѣзкія черты его выражали тяжелую душевную бурю. Затѣмъ, видимо принявъ какое-то твердое рѣшеніе, онъ поднялся и, ударивъ кулакомъ по столу, произнесъ:

— Австрія можетъ быть спокойна. Я отрекаюсь отъ какихъ бы то ни было плановъ и приведу въ исполненіе договоръ, составленный въ Канопиштахъ.

На это офицеры реагировали недовѣрчивой улыбкой, и фонъ-Рецеръ произнесъ:

— Намъ уже пришлось пережить тяжкое разочарованіе и мы не гарантированы, что подобное повторится.

— Мои слова могутъ быть достаточной гарантіей, сказалъ Вильгельмъ съ апломбомъ.

— Мы не смѣемъ сомнѣваться въ искренности Вашего Величества, отвѣтилъ фонъ-Рецеръ, но когда дѣло имѣетъ государственное значеніе и касается нашей родины, однихъ завѣреній намъ недостаточно...

— Или вы хотите, чтобы я клялся вамъ? Я—повелитель Германіи. Вы забыли, съ кѣмъ имѣете дѣло и зашли слишкомъ далеко со своими угрозами?

— Мы нисколько не грозимъ Вашему Величеству, возразилъ генералъ. Клятва ваша для насъ священна и правдивость ея незыблема. И, такъ какъ мы не можемъ принять на себя клятву Вашего Величества, то пусть она будетъ произнесена по адресу Австріи, а мы, какъ офицеры монархіи, будемъ лишь свидѣтелями.

— Хорошо, сказалъ Вильгельмъ и разорвалъ находящіяся въ его рукахъ бумаги. Этимъ я порываю со всякими замыслами, направленными противъ Австріи и клянусь честью Помазанника Божія, старымъ трономъ Пруссіи и короной Германіи, что не только исполню договоръ военнаго союза, но самъ первый объявлю войну тому государству, которое будетъ угрожать Двуединой Монархіи.

— Аминь, произнесъ фонъ-Рецеръ.

Затѣмъ съ почтительнымъ поклономъ офицеры оставили кабинетъ.

Императоръ же, столько пережившій въ этотъ короткій промежутокъ времени, снова опустился за свой столъ, и мрачныя, тяжелыя мысли — сознаніе униженія своего императорскаго достоинства, наполнили его душу.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описанной аудіэнціи офицеровъ у императора Вильгельма, къ вечеру 23-го іюля баронессѣ Фальксгонъ, проживавшей по прежнему въ Сенъ-Морицѣ, доложили, что ее желаетъ видѣть какой-то господинъ.

Это былъ фонъ-Ротерштейнъ. Баронесса, увидѣвъ передъ собой знакомое лицо офицера, не могла сразу не поразиться блѣдностью и мрачностью его выраженія.

Встрѣтивъ гостя крайне радушно, молодая женщина освѣдомилась, чѣмъ вызвано его неожиданное появленіе и удрученный видъ.

На это полковникъ ничего не отвѣчалъ, видимо, волнуемый тяжелыми переживаніями и, наконецъ, произнесъ, при чемъ голосъ его замѣтно дрожалъ:

— Я не могу выразить вамъ, баронесса, всего того, чѣмъ полна моя душа. Послѣдніе дни были днями тяжкихъ разочарованій и крушеній всѣхъ иллюзій, которыя когда-либо строилъ я, какъ солдатъ и патріотъ. Вы были правы, говоря, что Австрія обречена на гибель. Но вы не знали еще самаго главнаго, что я, къ несчастью, не имѣю права передать вамъ. И теперь, хотя эта угроза устранена, я все же потерялъ вѣру въ счастье моей родины. Я не могу служить ей, она уже полутрупъ и близокъ часъ роковой катастрофы.

Баронесса, тронутая горемъ этого вѣрнаго патріота, произнесла ласково.

— Мы предоставляли вамъ возможность остановить Австрію, хотя бы она стояла уже на краю пропасти. Такъ сдѣлайте это теперь.

— Слишкомъ поздно, воскликнулъ фонъ-Ротерштейнъ. Сегодня Сербія получитъ нашъ ультиматумъ, столь вызывающаго содержанія, что онъ явится безусловно непріемлемымъ. Война съ Сербами неминуема, а за ней и европейскій пожаръ.

— Я еще ничего не знаю объ ультиматумѣ, сказала молодая женщина, но быть можетъ это послѣдній моментъ, чтобы попытаться?..

— Нѣтъ, нѣтъ, перебилъ офицеръ. Нѣтъ силы, способной остановить войну. Сербіи данъ срокъ въ 48 часовъ, а Германія подливаетъ масла въ огонь.

— Но вы имѣете при себѣ копіи документовъ канопиштскихъ переговоровъ?

— Да, отвѣтилъ полковникъ, но я не могу допустить ихъ обнародованія.

— Краткосрочность ультиматума, произнесла баронесса, приводитъ меня къ убѣжденію, что, дѣйствительно, теперь трудно надѣяться на отступленіе. Но было бы желательно имѣть на рукахъ эти бумаги, чтобы ознакомиться съ подробностями того заговора, который несомнѣнно имѣлъ мѣсто въ Канопиштахъ.

— Да, это былъ заговоръ, воскликнулъ фонъ-Ротерштейнъ, безсовѣстный и злостный заговоръ нападенія. Судьба отомститъ Австріи и Германіи за то, что они среди глубокаго мира обнажили свои кровавые мечи.

Затѣмъ, видимо впавъ въ отчаяніе отъ всѣхъ этихъ переживаній, полковникъ продолжалъ:

— Пусть погибнетъ Австрія. Она заслуживаетъ это. Пусть рухнетъ тронъ державшійся на обманѣ. И да возродится на развалинахъ его новое царство— царство правды. Гнилая имперія умираетъ. Миръ праху Австріи.

И, произнеся эти слова, полковникъ опустился передъ баронессой, положилъ голову на ея колѣни и зарыдалъ.

Прекрасная женщина не находила словъ для его утѣшенія.

— Будьте мужественны, мой другъ, сказала она и постарайтесь побороть свое отчаяніе. Быть можетъ Австрія выйдетъ побѣдительницей.

— Нѣтъ, отвѣтилъ фонъ-Ротерштейнъ подымаясь. Не надо тѣшить себя напрасными иллюзіями. Пусть будетъ, что будетъ. Я отрекаюсь отъ Австріи—она заслужила свою гибель. Я больше не австрійскій офицеръ. Я слишкомъ честенъ, чтобы служить въ этой арміи...

— Вы хотите дезертировать?—спросила баронесса взволновано.

— Вы же сами предлагали мнѣ это!

— Тогда это могло принести пользу дѣлу. Теперь же вы только опорочите свое имя.

— Не безпокойтесь, отвѣтилъ полковникъ. Имя фонъ-Ротерштейна останется незапятнаннымъ. Я не смогу пережить разгрома Австріи и предпочитаю уйти изъ этого міра.

— Вы хотите убить себя? воскликнула баронесса.

— Моя смерть не должна пугать и безпокоить васъ, отвѣтилъ фонъ-Ротерштейнъ. Какъ другъ, вы должны радоваться за меня, что я умру не запятнавъ

своей чести, и мой мундиръ не покроется позоромъ, ибо что кромѣ униженія можетъ ждать отъ этой войны Австрія.

Баронесса сидѣла молча, чувствуя, что уговоры безполезны.

Полковникъ продолжалъ:

— Но я отомщу за себя послѣ смерти... Вы должны помочь мнѣ въ этомъ. Эти бумаги—онъ досталъ большой конвертъ— содержатъ въ себѣ всѣ тайны, извѣстныя мнѣ. Я умру, а вы храните эти бумаги, какъ зеницу ока. Когда кончится война, и побѣдители будутъ терзать тѣло бѣдной Австріи—тогда откройте ихъ міру и покажите, что старая Монархія заслужила свою участь. Германіи же отомститъ само Небо, если Ему знакома справедливость.

— Ваши слова ужасны, сказала молодая женщина, но я клянусь вамъ, что въ точности исполню вашу волю.

Затѣмъ, подойдя къ полковнику, она обвила его шею руками и, заглянувъ ему въ лицо своими прекрасными глазами, произнесла:

— Но вы не убивайте себя. Уѣзжайте далеко, далеко—на край свѣта и забудьте о Европѣ и Австріи. Живите, умоляю васъ, и я послѣдую за вами.

— Баронесса, отвѣтилъ полковникъ. Ваши слова трогáютъ меня и, несмотря на мое отчаяніе, теплое чувство къ вамъ начинаетъ прокрадываться въ мою душу... Но я не могу. Честь дороже жизни и сильнѣй любви... Исполните просьбу умирающаго, Небо благословитъ васъ.

Затѣмъ онъ прижалъ ея руку къ губамъ, а она нѣжно поцѣловала его высокій лобъ.

Никто изъ нихъ не произнесъ ни слова. Положивъ на столъ пакетъ съ бумагами, полковникъ вышелъ изъ комнаты.

На порогѣ онъ еще разъ остановился и бросилъ прощальный взглядъ на печальную фигуру молодой женщины...

ЭПИЛОГЪ.

На балконѣ особняка, принадлежащаго баронессѣ Фалькстонъ сидѣли двѣ дамы и четверо мужчинъ.

Это была сама хозяйка дома, а также Анна Млейхъ, Броунъ, Рамбецкій, фонъ-Ремеръ и Ржевикъ.

Они говорили мало. Вечеръ былъ тихій и прохладный. Парижъ зажигалъ свои огни, и передъ сидящими развернулась великолѣпная панорама города.

Наконецъ, обращаясь къ Броуну, баронесса произнесла:

— Вы получили, мой другъ, вѣсти отъ Морица?

— Да, баронесса, послѣ убійства ему пришлось бѣжать въ Италію, и онъ скоро будетъ здѣсь. Кто могъ думать, что дѣло приметъ такой неожиданный и нежелательный оборотъ.

— Бѣдная Сербія, произнесъ Ржевикъ. Когда же Россія подыметъ свой грозный мечъ?

— Скоро, скоро, сказалъ Броунъ задумчиво. Не пройдетъ и недѣли, какъ Европа запылаетъ огнемъ.

— Проклятье Австріи, процѣдилъ фонъ-Ремеръ. Пусть рухнетъ эта гидра обмана и насилія. Она заслужила свою участь.

— Это послѣднія слова полковника фонъ-Ротерштейна, воскликнула баронесса. Онъ предчувствовалъ гибель Двуединой Монархіи.

— Полковникъ, произнесъ Рамбецкій, принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ австрійцевъ, которыхъ можно уважать.

— Да, замѣтилъ Броунъ, мнѣ жаль его. Но умеръ онъ, какъ честный патріотъ.

Затѣмъ всѣ опять замолчали.

КОНЕЦЪ.

Цѣна 1 р. 20 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
Книгоиздательство „НОВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ“
Москва, Мамоновскій, 12.